

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

4

2025

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	МАСКЕВИЧ А. И. – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: maskevich@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волянски Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
Линднер Р.	Констанцкий университет, Констанц, Германия.
Минасян Э. Г.	Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Бабищев А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовиук П.	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалиук И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новгородский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ураков Д. Ж.	Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	МАСКЕВІЧ Г. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры гісторыі Беларусі новага і навіейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maskevich@bsu.by

Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С.	Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктыв'кар, Расія.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Мінасян Э. Г.	Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, Ерэван, Арменія.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Нью-Дэлі, Індыя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Белавусаў Л. С.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П.	Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Навагродскі Т. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Туманс Х.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Уракаў Д. Ж.	Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека, Ташкент, Узбекістан.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	MASKEVICH H. I. , PhD (history), docent; head of the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: maskevich@bsu.by

Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh.	School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D.	University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Minasyan E. G.	Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
Šmigel' M.	Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A.	Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F.	Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhanbossinova A. S.	Research Centre of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Belousov L. S.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Duk D. V.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Viciebsk, Belarus.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Lozoviuk P.	University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
Marzaluk I. A.	House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M.	Francisk Skorina Gomel State University, Gomiel, Belarus.
Miknys R.	Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Novogrodsky T. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H.	University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Urakov D. Z.	National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94(47)«10/16»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЛЕДИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

С. Н. ТЕМУШЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с трансформацией древнерусского наследия в общественно-политической жизни Великого княжества Литовского, а также выявлением отличий в социальной и политической сферах ВКЛ и соседних государств, определением форм и путей заимствования элементов, механизмов и традиций организации государственного управления ВКЛ из Московского великого княжества и Королевства Польского. Отмечается, что принципиальное значение имеет указание на решающую роль именно древнерусского наследия в сфере организации власти и управления в ВКЛ, которое со временем подверглось трансформации вследствие влияния особенностей внутривнутриполитической ситуации и внешнего воздействия.

Ключевые слова: Древняя Русь; Московское великое княжество; Российское государство; Великое княжество Литовское; государственное управление; верховная власть; государственные институты; традиция; трансформация.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта «Пограничье Руси и Литвы в исторических трансформациях XI–XVI вв.» (договор № Г24-011).

Образец цитирования:

Темушев С.Н. Трансформация древнерусского наследия в сфере государственной власти и управления в Великом княжестве Литовском. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;4:5–14. EDN: PKFAES

For citation:

Tsemushau SN. Transformation of the Old Russian heritage in the sphere of state authority and administration in the Grand Duchy of Lithuania. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;4:5–14. Russian. EDN: PKFAES

Автор:

Степан Николаевич Темушев – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета.

Author:

Stsiapan N. Tsemushau, doctor of science (history), full professor; head of the department of Belarus history of the ancient time and the Middle Ages, faculty of history. stepnikbsu@gmail.com

ТРАНСФАРМАЦЫЯ СТАРАЖЫТНАРУСКАЙ СПАДЧЫНЫ Ў СФЕРЫ ДЗЯРЖАЎНАЙ УЛАДЫ І КІРАВАННЯ Ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ

С. М. ЦЕМУШАЎ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разглядаюцца праблемы, звязаныя з трансфармацыяй старажытнарускай спадчыны ў грамадска-палітычным жыцці Вялікага Княства Літоўскага, а таксама выяўленнем адрозненняў у сацыяльнай і палітычнай сферах ВКЛ і суседніх дзяржаў, вызначэннем формаў і шляхоў запазычання элементаў, механізмаў і традыцый арганізацыі дзяржаўнага кіравання ВКЛ з Маскоўскага вялікага княства і Каралеўства Польскага. Адзначаецца, што прынцыповае значэнне мае ўказанне на вырашальную ролю менавіта старажытнарускай спадчыны ў сферы арганізацыі ўлады і кіравання ў ВКЛ, якое з часам падверглася трансфармацыі з прычыны ўплыву асаблівасцяў унутрыпалітычнай сітуацыі і знешняга ўздзеяння.

Ключавыя словы: Старажытная Русь; Маскоўскае вялікае княства; Расійская дзяржава; Вялікае Княства Літоўскае; дзяржаўнае кіраванне; вярхоўная ўлада; дзяржаўныя інстытуты; традыцыя; трансфармацыя.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў у рамках навуковага праекта «Памежжа Русі і Літвы ў гістарычных трансфармацыях XI–XVI стст.» (дагавор № Г24-011).

TRANSFORMATION OF THE OLD RUSSIAN HERITAGE IN THE SPHERE OF STATE AUTHORITY AND ADMINISTRATION IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

S. N. TSEMUSHAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article examines issues related to the transformation of the Old Russian heritage in the socio-political life of the Grand Duchy of Lithuania, identifying differences in the social and political spheres of the Grand Duchy of Lithuania and neighbouring states, and determining the forms and methods of borrowing elements, mechanisms, and traditions of public administration in the Grand Duchy of Lithuania from the Grand Duchy of Moscow and the Kingdom of Poland. It is noted that it is of fundamental importance to point out the decisive role of the Old Russian heritage in the sphere of organising power and governance in the Grand Duchy of Lithuania, which over time underwent a transformation due to the influence of the peculiarities of the internal political situation and external influences.

Keywords: Ancient Rus'; Grand Duchy of Moscow; Russian state; Grand Duchy of Lithuania; public administration; supreme power; state institutions; tradition; transformation.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research within the framework of scientific project «The borderland of Rus' and Lithuania in historical transformations of the 11th–16th centuries» (contract No. G24-011).

Ключевое значение в организации государственного управления и власти в Великом княжестве Литовском имели традиции древнерусской эпохи [1], что находило выражение в преемственности функций и полномочий монарха, обозначении должностных лиц древнерусскими терминами, осуществлении судопроизводства в соответствии с процедурой и правовыми нормами Русской Правды, традиционном устройстве местного управления [2, с. 116–122]. В позднем Средневековье не претерпела существенных трансформаций и церковная организация, сформировавшаяся в домонгольский (долитовский) период на территории Восточной Ев-

ропы [3, с. 226–233]. Принципиально не изменилось в рамках нового государства – Великого княжества Литовского и Русского – административно-территориальное деление, основанное на двух уровнях – уровне княжеств-земель и уровне княжеств-волостей [4, с. 130–146; 5]. Былых «удельных» князей в ВКЛ сменили великокняжеские наместники, которые осуществляли власть, окружив себя значительным штатом помощников (прежде всего, тиунами). По сути же организация власти и управления на местах не изменилась. К «старине» восходили и доходы, получаемые наместниками-державцами [6, с. 6–7]. Весьма важны выводы историков о преемственности

самого характера власти: «Не только структура местного управления земель и волостей Литовского княжества повторяла древнерусскую и соответствовала русской в других областях Древнерусского государства, но и содержание власти каждого из представителей этой власти было сходным с общерусским» [2, с. 119]. Не вызывает сомнений сохранение на протяжении длительного времени традиций самоуправления, без сомнений восходящего еще к родоплеменной эпохе. Отдельные общины и их группы в рамках волостей продолжали управляться выборными старостами, старцами [7, с. 131–162]. Весьма показательны также и сохранявшееся городское самоуправление [8].

Между тем к концу Средневековья в ВКЛ обнаруживаются серьезные отличия в общем характере взаимоотношений монарха и подвластного населения, в механизме претворения в жизнь решений верховной власти, государственных органах всех уровней, осуществлявших непосредственное управление страной, от аналогичных явлений в другом новом государстве, образованном на древнерусской почве, – Российском государстве. Нельзя сводить проявившиеся отличия только к прямому воздействию на регион Северо-Восточной Руси традиций организации власти и управления, характерных для «восточной деспотии»¹. Безусловно, влияние Золотой Орды было весьма существенным, несложно найти и прямые заимствования (например, в организации почтового сообщения – ямов) [9, с. 202–204; 10, с. 69]. Однако причины расхождений необходимо искать и в особенностях этнополитической, религиозно-культурной и других ситуации в самом ВКЛ.

Цель представленной статьи заключается в раскрытии форм и путей заимствования элементов, механизмов и традиций организации государственного управления ВКЛ из Московского великого княжества и Королевства Польского. В рамках общей цели решаются следующие задачи:

1) выявить отличия в социальной и политической сферах ВКЛ и соседних государств (прежде всего, Московского великого княжества (России)), в чем в то же время необходимо видеть трансформации по отношению к древнерусской эпохе – времени включения всех восточнославянских земель в единое этнополитическое пространство;

2) определить пути и содержание возможных заимствований политических институтов, механизмов и практик организации управления в ВКЛ из Московского великого княжества (Российского государства);

3) выявить пути и формы заимствования элементов, механизмов и традиций организации государственного управления в ВКЛ из Королевства Польского;

4) определить условия, обстоятельства, конкретные акты государственной власти, приведшие к транс-

формации традиционных институтов и способов организации управления в ВКЛ.

Актуальность осуществленного исследования обусловлена переосмыслением на современном этапе истоков формирования и эволюции белорусской государственности, в связи с чем значительное внимание уделяется особенностям функционирования исторических форм государственности, существовавших на белорусских землях с эпохи Средневековья. В становлении белорусской государственности приоритетное значение следует отвести древнерусским традициям организации власти и управления, которые на белорусских землях были оформлены в рамках первых государственных образований – Древней Руси, Полоцкого княжества и др. Новизна осуществленных наблюдений и сделанных выводов заключается в ракурсе рассмотрения особенностей организации власти и управления в ВКЛ, непосредственно связываемых с сохранением и трансформацией в силу обозначенных обстоятельств древнерусского наследия. Большое значение придается внешним факторам – заимствованию политических институтов, механизмов, форм организации управления и др., что было обусловлено отсутствием у этнической литовской элиты собственных представлений об эффективной организации управления подвластным населением и в целом развитых традиций функционирования всех отраслей государственного аппарата.

Одно из наиболее существенных обстоятельств, под воздействием которого оказалась политическая сфера ВКЛ, связано с новой этнополитической ситуацией, сложившейся в Восточной Европе в результате монгольского нашествия и последующего образования крупнейших государств региона – ВКЛ и Московского великого княжества (с конца XV в. – России) [11, с. 27–30; 12, с. 195–208]. Так, в составе России объединялись княжества, когда-то составлявшие одно государство, где правили родственники – члены одной династии. Русские великие княжества образовались в результате распада Древнерусского государства, у этих земель существовали прочные исторические связи, общие корни, и даже в состоянии политической раздробленности их питали единые традиции. Много сходств было и в структуре правящего класса этих княжеств, и в формах управления [13, с. 56]. В ВКЛ же в границах одного государства жили разные народы со своими политическими и культурными традициями, на престолах удельных княжеств и отдельных земель сидели князья двух династий, существовали две церкви и несколько вероисповеданий. Очевидно, что великим князьям литовским нужно было быть гибче в своей внутренней политике, искать опору в определенной среде. Управление землями с разным уровнем политического и культурного развития требовало

¹Омельченко Н. А. История государственного управления в России : учебник. М. : Проспект, 2005. С. 125–127.

от литовских государей проведения осторожной политики, которая очень скоро привела к юридическому оформлению отношений между различными структурами общества.

В Российском государстве, как доказано в исследованиях советских специалистов С. Б. Веселовского и А. А. Зимина, «аппарат княжеской власти основывался на личных отношениях князя к своим слугам» [14, с. 474]; идея долга перед страной развилась позднее. Длительность службы членов одной семьи династии, ставшая основой местничества, повлияла на формирование органов центрального управления страной, военную и судебную деятельность в России. В ВКЛ же при сходном способе создания центральных органов управления гораздо большее значение имели должности в местном управлении. Раздавая такие должности своим не всегда знатным сторонникам, великий князь не только сохранял контроль за жизнью в различных регионах, но и создавал условия для продвижения по служебной лестнице представителей различных сословий [15, с. 64–71].

Деятельность административного аппарата России и ВКЛ в XVI в. свидетельствует о возникновении и развитии различных тенденций в политическом строе обоих государств. В России все большую роль стали играть центральные органы власти: хотя в центре выделялись различные учреждения и лица, имеющие самостоятельные обязанности, на местах не встречались реальные исполнители, благодаря которым центральные органы могли бы функционировать. Вся переписка из Москвы велась с назначаемыми на определенный срок наместниками, воеводами, их аппаратом. Именно они в своих регионах выполняли распоряжения разрастающихся центральных учреждений – приказов. В ВКЛ, наоборот, на местах появилась разветвленная структура должностных лиц, строго функциональная деятельность которых осуществлялась под руководством и наблюдением великокняжеской канцелярии. В ВКЛ не появились центральные органы исполнительной власти, а роль чиновников канцелярии – писарей – в политической жизни общества была более активной, чем дьяков в России XVI в. [16, с. 29].

Есть все основания предполагать, что изначально исключительно совещательные органы при монархе – Дума в России и Рада в ВКЛ – имели общее происхождение: они выросли из княжеского совета, а затем со временем преобразовались в верховный орган власти [17, с. 66]. Со второй половины XVI в. Дума в России создает вокруг себя приказы – высшие органы исполнительной власти, во главе которых стояли бояре и думные дьяки. В то же время законодательные функции Думы так и не получили развития; позже появилась формула: «Царь указал, а бояре приговорили». По сути Дума и связанная с ней при-

казная система являлась исполнительным органом власти. Рада ВКЛ была более независима от власти великого князя, особенно когда он на долгое время переезжал в Польшу, чтобы исполнять там функции верховного правителя. Свою власть Рада осуществляла через канцелярию; в ВКЛ так и не появились другие центральные органы власти. Но поскольку Рада формировалась по принципу распределения должностей, а не представителей определенных семей, как в России, в нее входили лица, занимавшие высшие управленческие должности на местах, и через них Рада контролировала ситуацию в регионах. Этот орган власти сохранял определенную независимость от великого князя, а тот, передав какую-то должность от одной семьи другой, мог изменять состав Рады ВКЛ [16, с. 73].

Как отмечалось, должности в Раде ВКЛ были связаны с управлением отдельными территориями, и вся структура административного аппарата в ВКЛ развивалась для расширения функций местных органов [15, с. 765]. В России же со второй половины XVI в. окончательно формируется и разрастается приказная система, приводившая к централизованному управлению из столицы отдельными отраслями деятельности (строительство укреплений, выдача поместий и жалования, сбор податей, строительство и ремонт дорог и др.). Во главе приказов стояли члены Боярской Думы, которая со временем обросла собственным аппаратом (дьяки, подьячие и др.)².

Необходимо учитывать одну из важнейших особенностей политической жизни России – то обстоятельство, что при объединении русских княжеств вокруг Москвы и укреплении своей власти в едином Российском государстве московский великий князь нуждался в поддержке церкви, в то же время православная церковь в целях сохранения своего влияния на всех восточнославянских («русских») землях нуждалась в сильной великокняжеской власти [16, с. 39]. Совершенно иная ситуация сложилась в ВКЛ. К середине XIV в., когда сформировалось «Литовско-Русское государство», во главе его стояли князья-язычники; в состав государства входили недавние древнерусские княжества, где господствующей была православная религия, ими управляли православные князья. Кроме того, с севера и запада ВКЛ теснил Тевтонский орден, оплот католицизма в Восточной Европе, а для борьбы с ним великие князья литовские часто были вынуждены объединяться с польскими католическими князьями. В XVI в. ВКЛ было государством, где наряду с католической и православной верой существовали различные формы христианства, ислам и др. С 1387 г. господствующей религией в ВКЛ, как и в Польше, было католичество. Государство поддерживало католиков, для правящего класса это выражалось в преимуществе

²Еремян В. В., Федоров М. В. История местного самоуправления в России (XII – начало XX в.) : учеб. пособие. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 1999. С. 73–78.

при занятии государственных должностей, законодательно закреплённом в Городельском привилее [18, с. 225–229].

Еще одно принципиальное отличие можно обнаружить в социальной сфере. Сословная структура правящего слоя Российского государства вплоть до XVIII в. не оформлялась юридически; более того, существует мнение о том, что Россия – одно из немногих европейских государств, которое такой структуры не имело [19, с. 8–9; 20, с. 12–13]. В то же время в ВКЛ XVI в. регулирование норм, разделяющих сословия, занимало большое место в Статутах³.

Формирование консолидированного правящего слоя единого Российского государства происходило корпоративным путем: когда о происхождении и службе семей, переходящих под начало московских великих князей из присоединенных соседних княжеств, все было известно, их положение на сословной иерархической лестнице было определено. Ни в России, ни в ВКЛ, ни в соседней Польше – странах, имевших близкие, восходящие еще к общинному строю традиции формирования феодального землевладения, а потом испытавших взаимовлияние юридических норм и традиций, – не было системы вассалитета, подобной иерархической лестнице, которая существовала в странах Европы. Общей для Российского государства и ВКЛ была неразработанность системы титулов внутри правящей элиты, что для западно-европейского региона являлось наследием ранних этапов формирования феодального землевладения. Военно-феодальные корпорации в России носили территориальный характер, так же как это закреплено в Статуте ВКЛ 1588 г. Но в отличие от ВКЛ в России они не имели права собираться на сеймы для решения своих дел. В основном в территориальные корпорации было объединено городское дворянство, не входившее в состав Государева двора, а служившее по месту, где находились их земельные владения. И запись в Дворовой тетради по месту службы велась для групп, не входивших в верхушку Государева двора (бояре, окольничие, потомки княжеских родов) [16, с. 90].

Важное отличие можно найти и в организации власти и управления в ВКЛ и Московском великом княжестве, заключающееся в конфессиональном составе высших органов власти. Так, в России среди лиц, занимавших места в Думе и составлявших верхушку правящего слоя, никогда не было духовных лиц, в то время как высшие католические иерархи непременно присутствовали на заседаниях Рады ВКЛ [21; 22].

Возвращаясь к особенностям социального развития, необходимо отметить, что на территории, подвластной московскому великому князю, не возникло крупных магнатских вотчин, не сложились условия для объединения массивов земель в руках одной семьи и службы этой семье феодалов из других сословных групп. С этим связано то обстоятельство, что

в российских источниках почти не заметна многоступенчатость феодального вассалитета. В то время когда в ВКЛ шел процесс юридического оформления сословных отношений, в Российском государстве развивалось местничество. Долгое время местнические счета будут определять назначения на военную службу, получение должностей, награждения, т. е. проникнут во все структуры общественной, политической жизни, а также в мировоззрение общества [23, с. 146]. Система местничества представляла собой простейшую начальную военно-феодальную форму, к которой Российское государство вынуждено было обратиться в условиях сложной внешнеполитической ситуации [24, с. 400]. Местничество сыграло определенную роль в консолидации военно-служилого сословия, но препятствовало выдвижению талантливых руководителей из незнатных семей [25]. В ВКЛ же с конца XV в. существовал принцип службы, согласно которому чиновник великокняжеской канцелярии, поднимаясь по служебной лестнице, мог достичь высокого положения в аппарате, реально участвовать в управлении государством и к тому же оставить потомкам доходное имение.

В ВКЛ и Российском государстве весьма явно обнаруживаются отличия в представлениях о власти верховного правителя – государя. В данном случае к числу причин возникших отличий следует отнести внешнее влияние: несомненно на характер власти московского государя оказало воздействие длительное тесное соприкосновение с Золотой Ордой, которая передала своей «завоеванной провинции» деспотический характер верховной власти. В то же время в ВКЛ в отдельных статьях Статуты закладывались идеи праведного суда как высшего предназначения христианского государя, тесно связанные с вопросом о пределах власти государя. В России, где не существовало законов, определявших отношения между государем и подданными, с конца XV в. все чаще поднимался вопрос о божественном происхождении власти. Принцип местничества, регулировавший отношения внутри правящего класса, не касался государя, который стоял над своими подданными, хотя и должен был «любить правду» [24, с. 144].

Рассматривая организацию управления в ВКЛ и Российском государстве в целом наиболее существенное отличие можно обнаружить в следующем: в России в силу ряда причин (прежде всего, внешнего военного давления) управление приобрело централизованный характер (многие конкретные вопросы местной жизни, не требовавшие вмешательства центральных органов, все равно решались в Москве). Такое положение увеличило значение не только центральных органов власти, но и их аппарата. В ВКЛ, наоборот, усилилась роль должностных лиц на местах: владея конкретными сведениями о наличии свободных земель, состоянии откупов, сборе налогов, они могли влиять на решения центральной власти,

³Здесь и далее имеются в виду Статут ВКЛ 1529 г., Статут ВКЛ 1566 г. и Статут ВКЛ 1588 г.

касающиеся пожалований отдельным семьям, и контролировать политические и экономические процессы в своем регионе [16, с. 96].

Итак, после монгольского нашествия 1237–1241 гг. пути развития отдельных регионов Древней Руси значительно разошлись, что нашло выражение в том числе в постепенной трансформации традиций организации власти и управления. Проявившиеся со временем отличия были обусловлены, помимо прочего, внешним воздействием, особенно явным для ВКЛ. В итоге в ВКЛ культура, духовный мир магнатов и шляхты, принявших католичество, значительно сблизились с рыцарской культурой, универсальной для правящих дворов стран Европы.

Совместная борьба с внешней опасностью (прежде всего, со стороны немецких рыцарей-крестоносцев) обусловила тесное сближение ВКЛ с Королевством Польским, что привело в итоге к созданию «государства ободух народов» – Речи Посполитой. Объединение двух государств было непростым и длительным процессом, начавшимся еще задолго до Люблинской унии 1569 г. Первый шаг в этом направлении был сделан уже во второй половине XIV в., и хотя Кревская уния 1385 г. не была в полной мере реализована, личная уния создавала благоприятные условия для заимствования традиций организации власти и управления соседнего государства. Шаги в данном направлении по мере приближения к Люблинской унии совершались вполне осознанно в целях унификации и в целом сближения порядков двух государств для облегчения последующего их объединения (реформа судебной системы и административно-территориального деления 1565–1566 гг.) [26, с. 459–460; 27, с. 54]. Известно, что на проведении реформ, направленных на унификацию польских и «литовских порядков», настаивал король и великий князь Сигизмунд Август, который был принципиально настроен на объединение ВКЛ и Королевства Польского [28, с. 45]. Приобретение высшим слоем населения ВКЛ – шляхтой, получившей монопольное право на владение земельной собственностью, – корпоративного самосознания проявилось в стремлении добиться таких же юридических прав и такой же роли в управлении государством, как у польской знати, которая уже владела «золотыми вольностями», закрепленными в Кошицком привилее 1374 г. [29]. Шляхта ВКЛ стала добиваться создания органов самоуправления и реализации сословного представительства, которые найдут воплощение в поветовых сеймиках, по образцу польских корпоративных органов [27, с. 296].

Исходя из высказанных выше соображений, следует выделить следующие пути и формы заимствования элементов, механизмов и традиций организации государственного управления ВКЛ из Королевства Польского:

1) прямой перенос явлений соседнего государства, закрепленный законодательно и вызванный необходимостью унификации органов управления,

административно-территориального устройства и иных институтов в связи с планами по объединению двух государств;

2) преобразование органов власти и управления по образцу органов соседнего государства, осуществленное по инициативе наиболее влиятельных слоев населения, которое нуждалось в представлении своих сословных или корпоративных интересов;

3) придание внешних форм и частичное преобразование по примеру иностранных образцов местных институтов, своими корнями уходящих в предшествующую эпоху (например, традиции городского самоуправления);

4) включение в управление государством готовых структур, принятых извне и встроженных в социальную и политическую структуру общества (католические епископства).

Рассмотренное выше значительное расхождение в механизмах, содержании и общем характере управления в ВКЛ и Московском великом княжестве (Российском государстве) не дает возможности обнаружить элементы заимствования из последнего. Первоначальное сходство в обозначении различных, в том числе и близких по функциональному назначению, органов управления на всей территории Восточной Европы объясняется сохранением древнерусского наследия. В то же время ВКЛ оказывается под сильным влиянием западноевропейской католической цивилизации. Непосредственный западный сосед – Королевство Польское для ВКЛ стал образцом для подражания и заимствования внешних образцов поведения, механизмов претворения в жизнь решений верховной власти, способов организации работы органов управления и т. д.

Многочисленные источники и, прежде всего, Статут ВКЛ 1566 г. свидетельствуют о том, что ко времени заключения Люблинской унии в ВКЛ в полной мере сложилось представительное учреждение, которое по своей компетенции, структуре и организации работы было подобным польскому сейму [30, с. 209–210]. В ВКЛ данное представительное учреждение также получило название «сейм». К числу компетенций сейма относилось и «вольное обранье» господаря, что превращало его в высший орган власти «Литовско-Русского государства». Для нас важно, что именно сейм ВКЛ, по мнению исследователей, выступает «наилучшим показателем тех успехов, которые сделало это государство во внутренней ассимиляции своей с Польшею до Люблинской унии» [31, с. 6]. В то же время нельзя исключать и того обстоятельства, что сейм «является наиболее общим итогом социально-политического развития Литовско-Русского государства в период его самостоятельного существования» [31, с. 6]. Наиболее явная черта, роднящая польский и «литовский» сеймы, заключалась в их, по сути, односословности. Присутствие на сеймах высших иерархов католической церкви и представителей мещан не меняло общей картины. Безусловным верховен-

ством и на сеймах, и в государстве в целом обладало шляхетское сословие, и только оно имело реальную власть в ВКЛ и Польше [30, с. 209].

Ключевое значение на пути становления сословного представительства в ВКЛ принадлежит утвержденным в Городло в 1413 г. актам, которые способствовали приближению шляхетского сословия ВКЛ по его правам и вольностям к польской знати. В целом Городельская уния включала четыре документа: 1) акт польской шляхты о приеме литовских бояр в гербовые братства; 2) ответный акт литовских бояр; 3) документ об условиях унии; 4) перечень привилегий литовцев (именно этот акт принято также называть Городельским привилеем). Текст привилея прямо свидетельствует об использовании в качестве образца для изменения статуса шляхты ВКЛ правового положения польской шляхты: «Также паны и шляхтичи, названные выше, своими отчинами (отцовскими именами) на равном праве владеют, как паны Королевства Польского своими обычно (как принято) владеют и пожалования наши, на которые имеют грамоты; от нас действующие и утвержденные крепостью вечной силы, подобным образом будут владеть и иметь свободную возможность их продавать, менять, отчуждать, дарить и в пользу свою обращать, однако, с нашего согласия, особенно для каждого случая данного, как для их отчуждения, обмена или дарения перед нами или нашими урядниками, по обычаям Королевства Польского, будет определено»⁴ [32, с. 65]. Традиционно в отечественной историографии основное внимание обращается на ограниченное распространение указанных привилегий только на католических землевладельцев: «Паны (и) также бояре-шляхта земель наших, названных выше, дарениями, привилегиями и пожалованиями, им нами дарованными, данными, уделенными, только католики и Римской церкви подвластные, и кому гербы пожалованы, наслаждаются, владеют и пользуются, как паны и шляхта Королевства Польского своими владеют и пользуются» [32, с. 65]. Современный исследователь С. В. Полехов показал, что данные ограничения не действовали в реальной практике и при Витовте, в том числе после 1413 г., ключевые должности занимали православные князья и бояре [33, с. 250–251].

В свое время М. К. Любавский выявил прямую связь между согласием такого «сильного и влиятельного класса великого княжества», как «высшее литовское боярство», на унию с соседним государством и наделением шляхты ВКЛ правами соответствующего «класса» Польши [31, с. 48]. Тем самым внешнеполитический фактор непосредственно воздействовал на внутреннюю ситуацию в ВКЛ. Здесь же следует обратить внимание на прямое заимствование реалий соседнего государства, которое в итоге сделало возможным формирование в ВКЛ сословно-

го представительства в форме поветовых сеймиков и вального сейма. Более того, институционализация сеймов была непосредственно связана с условиями Городельской унии, согласно которым в последующем дела, касающиеся общих интересов Польши и ВКЛ, должны были обсуждаться на совещаниях или сеймах панов и шляхты, объединенных посредством унии государств. Так, летом 1424 г. паны ВКЛ приняли участие в общем с польской знатью сейме в Серадзи, на котором обсуждались мероприятия против распространения «гуситской ереси» в Польше и ВКЛ. В 1425 г. в Берестье был проведен общий польско-литовский сейм, главным вопросом которого стал суд над мазовецким князем Земовитом [31, с. 55–56]. Важно, что благодаря этим и другим подобным общим собраниям происходила передача опыта организации и работы представительных учреждений. Своеобразная рецепция польской политической культуры нашла прямое продолжение в функционировании сеймов ВКЛ в условиях ослабления (в условиях личной унии с Польшей – фактического отсутствия) верховной власти.

Важнейшим результатом подписанных в Городло документов стало превращение шляхты ВКЛ из сословия, которое уже фактически пользовалось «властью, политическим влиянием и почетом», в сословие, представители которого получали на это право в силу своего рождения и принадлежности к той или иной фамилии. Это превращение произошло вследствие дарования ряду литовских боярских фамилий гербов и знаков отличий польской шляхты вместе с различными правами и вольностями [31, с. 48].

Необходимо учитывать еще один возможный путь переноса на практику государственного управления в ВКЛ западных образцов. Со времени правления Ягайло и Витовта в ВКЛ в управлении государством активную роль стали играть представители высшего католического духовенства – «князья бискупы». В это (как, впрочем, и последующее) время католические иерархи имели в Польше огромное влияние, в основе которого наряду с духовным авторитетом было наличие значительных земельных владений и, кроме того, налоговых льгот. Высшие иерархи католической церкви принимали активное участие в политической жизни страны, занимая ключевые позиции в королевском сенате [34, с. 20–22]. Вместе с крещением литовцев и созданием виленского епископства в 1387 г. новоназначенные католические епископы получили в ВКЛ положение, аналогичное положению польских высших иерархов. Так, в придаток к своим кафедрам виленский и трокский епископы обзавелись крупными земельными владениями, освобожденными от государственных податей и повинностей и обладающими судебным иммунитетом. Почетное место было отведено католическим епископам в совещательном органе

⁴Здесь и далее перевод наш. – С. Т.

при господре – Раде ВКЛ. Епископы уже на самом раннем этапе присутствия в великом княжестве сделались участниками правительственных актов. Весьма также показательно, что во всех известных случаях совместных заседаний польских и литовских представителей на общих сеймах литовские епископы занимали места между польскими «бискупами», так же как паны ВКЛ занимали места среди польских панов [31, с. 59]. Так естественным образом в ВКЛ из Королевства Польского была перенесена практика участия высшей духовной знати в управлении государством. Вместе с тем землевладение и государственная деятельность сблизили католическое духовенство с литовско-русскими (белорусскими) землевладельцами, которые в целом стали называться панам духовными и светскими.

Следующий значительный этап в оформлении сословных прав шляхетского сословия, а вместе с тем и в становлении сословно-представительных учреждений – сеймиков на местах и вального сейма как высшего государственного учреждения – связан с изданием Казимиром IV привилея 1447 г. Согласно данному акту господр отказывался в пользу военно-служилых землевладельцев от своих прав по отношению к населению их владений – от права суда и взимания судебных пошлин, от денежных и натуральных податей и отработочной повинности: «А теж вси, а каждый особне, селяни и подданные княжатам, рытерем, шляхтичам, бояром и местичом наших земель великого княства Литовского, от всего данья и заплаты, собранья вытягнення серебщицны и теж мер, который же дякла реченыи суть, от вожения камня, протесов бревен и дерева на жжения плит, а любо мелу на городы, сенокосения и иных несправедливых работ выпущены и будутъ вольны овшейки и выняты, выменуячи работы на будованье городов наших новых потребных, а старых поправленья; теж княжатам, рытерем, шляхтичем селян данных и подданных и через нас им дарованных а також выймающе»⁵ [35, с. 75–76]. По сути данные уступки привели к тому, что значительная часть населения государства вышла из непосредственной власти великого князя литовского и попала под власть землевладельцев. Таким образом, землевладельцы оказались по отношению к своим владениям такими же господами, как и сам великий князь по отношению к остальной части государства [31, с. 101]. Подобный феодальный иммунитет в еще большей степени укрепил положение шляхетского сословия и, что важно для данного исследования, уравнивал ситуацию в ВКЛ с ситуацией в Западной Европе и, в частности, в Польше.

Сложившийся к середине XV в. в ВКЛ общественно-политический строй создал благоприятные условия для дальнейшей институционализации сословного представительства. После издания привилея 1447 г.

литовский господр уже вынужден был для решения важнейших вопросов жизни государства учитывать мнение наиболее влиятельных землевладельцев, которое они могли высказать на представительном собрании – сейме. Особенно явно это проявлялось в случае необходимости срочного пополнения казны, прежде всего, для военных нужд (с конца XV в. постоянными сделались войны с Московским великим княжеством). Как отмечалось выше, с 1447 г. землевладельцы ВКЛ освобождались от выплаты «серебщицны» (серебщины). И уже в 1450 г. великий князь литовский Казимир IV вынужден был прибегнуть к экстренному обложению. И если первое время литовские господа могли вынести подобные решения единолично, то на протяжении второй половины XV в. обычной практикой стал созыв вального сейма, который утверждал подобные решения. Великий князь литовский по совету и с согласия панов-рады на вальных сеймах, на которые съезжалась военно-служилая знать, определял сбор серебщины «для великое земское потребы» со всех имений (господарских, духовных, княжеских, панских, боярских), с мест и волостей [15, с. 484]. Так, в марте 1507 г. великий князь литовский, находясь на сейме в Городне, «с панам-радою, духовными и светскими, и со всеми землями, для своей и земской великой нужды положил на всю отчину свою, великое княжество Литовское и даже на украинные города серебщицну в таком размере: от кождоу сохи воловое по пятнадцати грошей, а от коньское по польосма гроша, а от человека, которых сох не мает, от земли по шести грошей, а от огородника по три гроши» [36, с. 18]. Но наиболее важная проблема, перешедшая к компетенции сейма, заключалась в выборе и утверждении монарха, в чем также можно найти вполне определенные аналогии с соседней Польшей [30, с. 203].

В конце XV в. в полной мере завершилась институционализация другого высшего государственного органа ВКЛ – Рады, или панов-рады. В 1492 г. великий князь литовский Александр издал новый привилей «прелатам, князьям, панам, боярам и мещанам великого княжества», согласно которому обязался не решать без совета с панам-радой важнейших дел: не посылать послов в иные страны, не отнимать ни у кого должностей и владений, не раздавать в держание пограничных замков, не производить расходов из государственной казны, не судить судов⁶. В условиях частого отсутствия господра в великом княжестве именно Рада брала на себя функции постоянного правительственного органа, осуществляющего реальное управление и принимающего важнейшие решения, касающиеся внешней и внутренней политики государства. В целом Рада – это «отечественный» институт, который не был заимствован у соседей; несомненно, он своими истоками восходит к княжескому совету времен домонгольской (доли-

⁵Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

⁶Привилей 1492 г. // Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній : дапаможнік. Мінск : БелНДІДАС, 2015. С. 61–79.

товской) Руси [17, с. 66]. Новым явлением, роднившим совет при литовском государе с польским Сенатом, было включение в его состав высших духовных лиц.

Превосходным примером преобразования внутренних институтов по инициативе шляхетского сословия ВКЛ служит реформа судебной системы, осуществленная накануне утверждения Статута ВКЛ 1566 г. В стремлении создать выборные земские суды по образцу польских, юрисдикция которых распространялась бы не только на широкие слои мелко- и среднепоместной шляхты, но и на крупных землевладельцев – панов, обнаруживается борьба литовско-белорусско-украинской шляхты за привилегии, характерные для сословия феодалов западного соседа [37, с. 274; 38]. Учреждение земских судов затягивалось: в них не были заинтересованы великий князь литовский (в связи с ограничением его прав и уменьшением доходов) и крупные феодалы-паны (они будут вынуждены поступиться прерогативами наместничьей власти, доходами от суда и своим судебным иммунитетом); но катастрофическое положение ВКЛ, сложившиеся с началом Ливонской войны, вынудило их уступить. В связи с этим в 1564 г. на Бельском сейме паны-рада, старосты, державцы и другие должностные лица (урядники), прежде ведавшие судом, представ «обличне» перед государем, «по своей доброй воле» заявили литовскому государю, что они «милуючи речь посполитую, а в ней братью свою молодшую, народ шляхетский и рыцарский», отступаются и отрекаются от своей судебной власти, которой пользовались согласно Статуту ВКЛ 1529 г. [37, с. 274]. К этому времени уже был подготовлен текст нового Статута⁷, в котором раздел о судах был исправлен в соответствии с пожеланиями шляхты [37, с. 274].

В результате учреждения новых земских судов все категории феодалов («все станы сейма») ВКЛ – паны-рада, маршалки и другие высшие должностные лица, князья, паны и вся шляхта в целом (духовная и светская) поддавались «в одно ровное право», под один и тот же суд и подчинялись юрисдикции новых земских урядников, выбираемых для осуществления правосудия. Нововведения были окончательно утверждены на Виленском сейме 1565–1566 гг., на нем же великий князь литовский согласился на учреждение поветовых сеймиков по польскому образцу. До завершения заседаний сейма по настоянию представителей шляхты княжества литовский государь своим решением ввел в действие Статут ВКЛ 1566 г., в который были внесены наиболее важные земские привилегии [37, с. 275]. Реформа судебной системы стала частью крупных системных преобразований, которые затронули и военную, и политическую, и иные сферы функционирования государства. Так, учреждение земских судов по польскому образцу потребовало внесения изменений в административно-территориальное деление: вся территория ВКЛ была разделена на 15 судебных поветов. В границах этих поветов все местные землевладельцы, независимо от

размера их владений, происхождения и занимаемых должностей, были подчинены присуду земского суда. Вместе с тем прежние мелкие хоругви, в которых состояли местные бояре-шляхта, были объединены, так что все шляхтичи одного повета должны были составлять одну поветовую хоругвь [37, с. 275; 38].

Составной частью преобразований 1565–1566 гг., общий смысл которых сводился к унификации порядков ВКЛ и Польши, что должно было упростить их объединение, было создание поветовых сеймиков. И ранее местная шляхта при выборе представителей для участия на вальном сейме готовила петиции и инструкции. На Виленском сейме «станы» обратились к великому князю с просьбой иметь в новых судебных поветах «сеймы поветовые» по примеру Короны Польской «для лучшего и вечистого порадку в Речи Посполитой» [39, с. 18]. В результате 30 декабря 1565 г. был издан привилей, согласно которому в ВКЛ учреждались сеймики по новым судебным округам, в которых уже были созданы новые земские уряды. Соответствующая статья была внесена в новый Статут [37, с. 279].

Непосредственным заимствованием польских порядков стало распространение деления на воеводства на всю территорию государства. Было обращено внимание на то обстоятельство, что на польских сеймиках председательствовали сенаторы – воеводы и каштеляны. В связи с этим на Виленском сейме 1565–1566 гг. представители шляхты подали великому князю прошение о том, чтобы тот «для лучшего порядку» на сеймиках и «для оздобы и помноженья преложных станов в речи посполитой» увеличил число мест в Раде и учредил новые должности воевод и каштелянов [37, с. 281]. В итоге в полном соответствии с польскими порядками были созданы новые воеводские должности (в тех поветах или нескольких из них, где ранее не было воевод) [37, с. 281].

Таким образом, изменения геополитического положения ВКЛ, наряду с трансформациями, происходившими в социально-экономической сфере, обусловили заимствования политических институтов соседнего государства, что происходило различными путями: от прямого перенесения польских институтов, закрепляемого законодательно, до постепенного преобразования отдельных органов по образцу польских, осуществленное по инициативе шляхетского сословия. В период Нового времени ВКЛ, как и соседнее Российское государство, являлось в значительной степени преобразованным в сфере государственного управления, хотя некоторое время еще сохранялись древнерусская терминология для обозначения государственных должностей, податных обязательств населения, использование «русского» языка в делопроизводстве. В связи с воздействием соседних государств и меняющихся внутри- и внешнеполитических условий древнерусские традиции остались в прошлом, но тем не менее сыграли важную роль в становлении восточноевропейских государств Нового времени.

⁷Здесь и далее имеется в виду Статут ВКЛ 1566 г.

Библиографические ссылки

1. Темушев СН. Древнерусское наследие в развитии Северо-Восточной Руси, Новгородской земли и Великого княжества Литовского (на примере налогово-даннической системы). В: Коваленя АА, редактор. *Россия, Беларусь, Украина: история, современность, будущее. Сборник научных материалов*. Минск: Медисонт; 2014. с. 63–71.
2. Пашуто ВТ, Флоря БН, Хорошкевич АЛ. *Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства*. Москва: Наука; 1982. 264 с.
3. Щапов ЯН. *Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв.* Москва: Наука; 1972. 338 с.
4. Горский АА. *Русь. От славянского Расселения до Московского царства*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 392 с. EDN: RCJMVX.
5. Горский АА. Земли и волости. В: Горский АА, Кучкин ВА, Лукин ПВ, Стефанович ПС. *Древняя Русь. Очерки политического и социального строя*. Москва: Индрик; 2008. с. 9–32.
6. Грушевский АС. *Господарские уставы о доходах наместников-державцев*. Петроград: Сенатская типография; 1916. 35 с.
7. Доўнар-Запольскі МВ. *Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах*. Мінск: Беларуская навука; 2009. 758 с.
8. Макараў МД. *Ад пасада да мадэбургіі: прававое становішча насельніцтва месцаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст.* Мінск: Экаперспектыва; 2008. 248 с.
9. Гальперин Ч. Взаимоотношения Руси с Джучидским улусом. В: Миргалеев И, Хаутала Р, редакторы. *Золотая Орда в мировой истории*. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани; 2016. с. 196–208.
10. Крадин НН. Монгольская империя и ее роль в мировой истории. В: Миргалеев И, Хаутала Р, редакторы. *Золотая Орда в мировой истории*. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани; 2016. с. 58–71.
11. Кром ММ. *Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков*. Москва: Новое литературное обозрение; 2018. 246 с. EDN: WSJKGR.
12. Горский АА. *Русское Средневековье*. Москва: Астрель; 2010. 222 с. Совместно с издательством «Олимп».
13. Горский АА. *Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития*. Москва: Институт Российской истории РАН; 1996. 128 с. EDN: RCGVGR.
14. Веселовский СБ. *Исследования по истории класса служилых землевладельцев*. Москва: Наука; 1969. 583 с.
15. Любавский МК. *Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута*. Москва: Университетская типография; 1892. 998 с.
16. Бычкова МЕ. *Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.* Москва: Институт Российской истории РАН; 1996. 175 с.
17. Малиновский И. *Рада Великого княжества Литовского с связи с Боярской думой древней России. Часть 2, Рада Великого княжества Литовского. Выпуск 1*. Томск: Паровая типолитография П. И. Макушина; 1904. 132 с.
18. Гудавичус Э. *История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Том 1*. Назарова ЕЛ, редактор; Ефремова ГИ, переводчик. Москва: Фонд имени И. Д. Сытина; 2005. 686 с. Совместно с издательством «Batrus».
19. Иванова НА, Желтова ВП. *Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века)*. Москва: Новый хронограф; 2010. 752 с.
20. Ключевский ВО. *История сословий в России. Курс, читанный в Московском университете в 1886 году*. Петроград: Литературно-издательский отдел Комиссариата народного просвещения; 1918. 276 с.
21. Леонтович ФИ. Рада великих князей литовских. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1907;9:122–178.
22. Леонтович ФИ. Рада великих князей литовских. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1907;10:273–331.
23. Ключевский ВО. *Сочинения. Том 2, Курс русской истории. Часть 2*. Москва: Мысль; 1987. 447 с.
24. Эскин ЮМ. *Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв.* Москва: Квадрига; 2009. 512 с. (Исторические исследования).
25. Кобрин ВБ. Из истории местничества XVI в. *Исторический архив*. 1960;1:214–220. EDN: EKRKQD.
26. Бохан Ю, Галенчанка Г, Голубеў В, Дзярновіч А, Доўнар А, Іванова Л і інш. *Гісторыя Беларусі. Том 2, Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага*. Мінск: Экоперспектыва; 2008. 688 с.
27. Лаппо ИИ. *Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-Русский повет и его сеймик*. Юрьев: К. Маттисен; 1911. 192 с.
28. Rachuba A. *Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763*. Warszawa: Sej-mowe; 2002. 375 s.
29. Ливанцев КЕ. Кошицкий привилей 1374 года. *Вестник Ленинградского университета. Серия экономики, философии и права*. 1966;23(4):128–133.
30. Бардах Ю, Леснодорский Б, Пиетрчак М. *История государства и права Польши*. Москва: Юридическая литература; 1980. 560 с.
31. Любавский МК. *Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства*. Москва: Университетская типография; 1900. 232 с.
32. Polska akademja umiejetnosci i towarzystwa naukowego warszawskiego. *Akta unji Polski z Litwa. 1385–1791*. Krakow: Polska akademja umiejetnosci i towarzystwa naukowego warszawskiego; 1932. 633 s.
33. Полехов СВ. *Городельская уния: взгляд через шесть столетий. Исторический вестник. Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв.* 2014;7:242–253.
34. Prochaski A. *Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagiellonów*. Krakow: Akademia umiejętności; 1898. 184 s.
35. *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Том 1, 1340–1506*. Санкт-Петербург: Типография II Отделения собственной Е. В. П. канцелярии; 1846. 375, [51] с.
36. *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Том 2, 1506–1544*. Санкт-Петербург: Типография II Отделения собственной Е. В. П. канцелярии; 1848. 405, [39] с.
37. Любавский МК. *Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно*. Санкт-Петербург: Наука; 2004. 312 с.
38. Сагановіч ГМ. *Войска Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVII стст.* Мінск: Навука і тэхніка; 1994. 195 с.
39. Довнар-Запольский М. *Польско-литовские унии на сеймах до 1569 года*. Москва: Г. Лисснер и А. Гешель; 1897. 28 с.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94:327.5(437)(497.1)(498)«1920/1938»

МАЛАЯ АНТАНТА: ПРОБЛЕМЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И КРАХ ЧЕХОСЛОВАЦКО-ЮГОСЛАВСКО- РУМЫНСКОГО АЛЬЯНСА (1920–1938)

Ф. ЯКАБ¹⁾

¹⁾ Университет Матейя Бела, ул. Народна, 12, 97401, г. Банска-Бистрица, Словакия

Аннотация. Рассматриваются формирование, развитие и постепенный распад Малой Антанты – регионального союза, в который входили Чехословакия, Югославия и Румыния в 1920–1938 гг. Анализируются причины образования этого блока, выявляются ключевые аспекты его функционирования и последующего ослабления, а также отслеживаются реакции государств-членов на ревизионистские угрозы в контексте меняющегося международного порядка. Изучаются как внутренние, так и внешние факторы, которые определяли политику государств Малой Антанты. Особое внимание уделяется вопросам безопасности, дипломатии и экономики в рамках их сотрудничества, а также растущим разногласиям между членами альянса, вызванным различиями в геополитических приоритетах и влиянием сильных стран, в частности нацистской Германии и фашистской Италии. Делается вывод о том, что, несмотря на первоначальные усилия по объединению и координации действий государств-членов, Малая Антанта не смогла адаптироваться

Образец цитирования:

Якаб Ф. Малая Антанта: проблемы, противоречия и крах чехословацко-югославско-румынского альянса (1920–1938). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2025;4:15–24 (на англ.).
EDN: TFPUTP

For citation:

Jakab F. The Little Entente: problems, contradictions and the failure of the Czechoslovakian-Yugoslavian-Romanian alliance (1920–1938). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2025;4:15–24.
EDN: TFPUTP

Автор:

Франтишек Якаб – докторант кафедры истории фило-софского факультета.

Author:

František Jakab, doctoral student at the department of history, faculty of arts.
frantisek.jakab@umb.sk
<https://orcid.org/0009-0003-8054-2415>

к меняющимся международным условиям, ослабевающей поддержке со стороны Франции и различиям, вызванным неодинаковыми политическими системами и уровнем экономического развития стран, которые входили в блок. Эти факторы привели к распаду формирования до начала Второй мировой войны.

Ключевые слова: Малая Антанта; Чехословакия; Румыния; Югославия; региональный альянс; межвоенный период; ревизионизм; Центральная Европа; Балканы.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда «NextGenerationEU» в рамках Плана по восстановлению и сохранению устойчивости Словацкой Республики (№ гос. регистрации 09I03-03-V02-00011). Автор выражает искреннюю признательность своему научному руководителю кандидату наук (история), профессору М. Шмигелю за помощь в проведении исследования.

МАЛАЯ АНТАНТА: ПРОБЛЕМЫ, СУПРЯЧНОСТІ І КРАХ ЧЭХАСЛАВАЦКА-ЮГАСЛАЎСКА- РУМЫНСКАГА АЛЬЯНСУ (1920–1938)

Ф. ЯКАБ^{1*}

^{1*} Універсітэт Мацея Бела, вул. Народна, 12, 97401, г. Банска-Бістрыца, Славакія

Анотацыя. Разглядаюцца фарміраванне, развіццё і паступовы распад Малой Антанты – рэгіянальнага саюзу, у які ўваходзілі Чэхаславакія, Югаславія і Румынія ў перыяд 1920–1938 гг. Аналізуюцца прычыны ўтварэння гэтага блока, выяўляюцца ключавыя аспекты яго функцыянавання і наступнага аслаблення, а таксама адсочваюцца рэакцыі дзяржаў-членаў на рэвізіянісцкія пагрозы ў кантэксце зменлівага міжнароднага парадку. Даследуюцца як унутраныя, так і знешнія фактары, якія вызначалі палітыку дзяржаў Малой Антанты. Асабліва ўвага надаецца пытанням бяспекі, дыпламатыі і эканомікі ў рамках іх супрацоўніцтва, а таксама супярэчнасцям паміж членамі альянсу, якія былі выкліканы адрозненнямі ў геапалітычных прыярытэтах і ўплывам моцных дзяржаў, у прыватнасці нацысцкай Германіі і фашысцкай Італіі. Робіцца выснова аб тым, што, нягледзячы на першапачатковыя намаганні па аб'яднанні і каардынацыі дзеянняў дзяржаў-членаў, Малая Антанта не здолела адаптавацца да зменлівых міжнародных умоў, аслабленай падтрымкі з боку Францыі і адрозненняў, што былі выкліканы неаднолькавымі палітычнымі сістэмамі і ўзроўнем эканамічнага развіцця краін, якія ўваходзілі ў блок. Гэтыя фактары прывялі да распаду фарміравання да пачатку Другой сусветнай вайны.

Ключавыя словы: Малая Антанта; Чэхаславакія; Румынія; Югаславія; рэгіянальны альянс; міжваенны перыяд; рэвізіянізм; Цэнтральная Еўропа; Балканы.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы фонду «NextGenerationEU» у рамках Плана па аднаўленні і захаванні ўстойлівасці Славацкай Рэспублікі (№ дзярж. рэгістрацыі 09I03-03-V02-00011). Аўтар выказвае шчырую ўдзячнасць свайму навуковаму кіраўніку кандыдату навук (гісторыя), прафесару М. Шмігелю за дапамогу ў правядзенні даследавання.

THE LITTLE ENTENTE: PROBLEMS, CONTRADICTIONS AND THE FAILURE OF THE CZECHOSLOVAKIAN- YUGOSLAVIAN-ROMANIAN ALLIANCE (1920–1938)

F. JAKAB^a

^a Matej Bel University, 12 Narodna Street, Banská Bystrica 97401, Slovakia

Abstract. This study explores the formation, development, and gradual dissolution of the Little Entente – a regional alliance comprising Czechoslovakia, Yugoslavia, and Romania in 1920–1938. The objective is to analyse the reasons for the formation of this bloc, to identify the key factors in its functioning and eventual weakening, and to trace how the member states responded to revisionist threats within the context of changing international order. The study examines both the internal and external factors that shaped the policies of the Little Entente states. Particular emphasis is placed on the security, diplomatic, and economic dimensions of their cooperation, as well as on the growing rifts among members resulting from divergent geopolitical priorities and the influence of the great powers, particularly nazi Germany and fascist Italy. The study concludes that, despite initial efforts at unity and coordinated action, the Little Entente ultimately failed to adapt to changing international conditions, weakening French support, and differences stemming from different political systems and economic levels of its members. These factors led to its de facto demise before the outbreak of World War II.

Keywords: Little Entente; Czechoslovakia; Romania; Yugoslavia; regional alliance; interwar period; revisionism; Central Europe; Balkans.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of fund «NextGenerationEU» within the framework of the Recovery and resilience plan of the Slovak Republic (state registration No. 09I03-03-V02-00011). The author expresses sincerely gratitude to his supervisor, PhD (history), professor M. Šmigel' for his guidance, support, and valuable advice throughout my research.

Introduction

The end of the World War I marked the beginning of a new chapter for Europe. The great empires that had existed for centuries suddenly lay in ruins. From their ashes arose new states, including the Czechoslovak Republic (here and further CSR), the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (here and further Yugoslavia)¹, and Hungary, which viewed itself as the heir to the Kingdom of Hungary and claimed its historical territories. On the other hand, the CSR claimed today's Slovakia and Subcarpathian Ruthenia, Yugoslavia demanded Croatia, Slavonia, Vojvodina, as well as western Banat, and Transylvania and the eastern part of Banat were to be incorporated into Romania [1, p. 28; 2, p. 25; 3, p. 122]. However, Budapest was unwilling to accept the loss of these region, which represented two-thirds of the original territory of the Kingdom of Hungary and 3 mln Hungarians. This led to armed conflict with the CSR and the Kingdom of Romania in 1919 [1, p. 28; 4, p. 22; 5, p. 41].

Despite the fact that the Czechoslovakian and Romanian borders with Hungary were definitively demarcated in the summer of that year, Budapest still considered the «seceded» territories as its own. The definitive signing of the peace treaty with Hungary took place a year later, on 4 June 1920, at the Grand Trianon Palace [2, p. 24]. The outcomes of the conference left the Hungarians with feelings of bitterness and injustice, prompting efforts to revise the contents of the peace treaty [2, p. 26; 5, p. 42]. From the outset, Hungary thus appeared to its neighbours as a threat, and by refusing to accept the terms of the Treaty of Trianon, it compelled them to take joint steps to ensure the protection of their own states [2, p. 26]. As the allied powers adopted a rather lax stance towards Hungarian revisionist ambitions, the neighbouring states were compelled to pursue closer cooperation, primarily to ensure mutual protection [6, p. 41]. This led to the formation of the so-called Little Entente.

Research methodology

This study employs a historical-political analytical approach, focusing on the development, operation and dissolution of the regional alliance known as the Little Entente. The core of the research lies in the analysis of scholarly secondary literature, which provides a framework for understanding the broader context of foreign policy strategies and the internal dynamics of the member states. Selected primary sources from the Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic, the National Archives and of the Czech Republic and the Archives of Yugoslavia were also used to supplement the interpretation.

Analytical and comparative methods were employed to compare the stances of individual states on issues

of security, cooperation, and responses to revisionist threats. Emphasis was also placed on domestic factors influencing the alliance's cohesion, such as differing geopolitical interests, economic imbalances, and differences in regime orientation.

The study aimed to reconstruct the main stages in the development of the Little Entente, and to gain a deeper understanding of the internal and external factors that influenced its functioning and contributed to its failure. At the same time, the study aims to analyse how the positions and responses of the member states evolved in the context of growing revisionist pressures and dynamic international changes during the interwar period.

Results and analysis

Collaboration between Czechoslovakian, Yugoslavian and Romanian statesmen began during the World War I and intensified significantly after the conflict ended [7, p. 134]. Well aware of the threat posed by their neighbour's revisionist tendencies, these states sought to eliminate them. At the Paris peace conference, Czechoslovakian representatives advocated for a shared border with Romania in the strategically important region of

Subcarpathian Ruthenia, and for the creation of a corridor stretching through Burgenland to ensure direct contact with Yugoslavia [8, p. 36; 9, p. 268]. However, the idea of a common border between the two Slavic states was opposed by the world powers, each presenting different reasons for rejection. Only France expressed support for this proposal [10, p. 17]. Conversely, the United States and Great Britain pointed to ethnographic

¹In 1929, the official name of the country was changed from the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes to the Kingdom of Yugoslavia. This change established the use of the term «Yugoslavia» throughout the entire period under review.

and military obstacles respectively, while Italy viewed the creation of a shared border between CSR and Yugoslavia as a threat to its own interests [11, p. 18]. During the Paris negotiations, diplomats and politicians from these states began coordinating their approach to the Hungarian question, a process that gradually led to the formation of the alliance known as the Little Entente – a term originally coined by the Hungarian press as a derogatory label for the alliance [12, p. 81–82; 13, p. 136]. Although the political leaders of states neighbouring Hungary had contemplated the cooperation as early as 1919, the necessary agreements to establish this alliance bloc were not concluded until the beginning of the next decade [13, p. 132–133].

The first of the three agreements that formed the Little Entente was signed by the CSR and Yugoslavia. The signing was prompted once again by Hungary's actions. Under the pretext of providing military assistance to Poland in its war against Soviet Russia (a conflict in which the states that would form the future Little Entente maintained neutrality), Hungary planned to occupy the territory of Slovakia and Subcarpathian Ruthenia [13, p. 138; 14, p. 39]. The political leaders in both Czechoslovakia and Yugoslavia perceived Hungary's intentions as a direct threat and decided to act accordingly [13, p. 138–139]. On 31 May 1920, the Czechoslovakian General Staff formally requested that the Ministry of National Defence of the Czechoslovak Republic urgently conclude a treaty with Yugoslavia, considering such a pact to be a vital element of national defence². Just one day after the Czechoslovak foreign minister E. Beneš arrived in Belgrade, on 14 August 1920, a two-year alliance convention was signed. This was directed against Hungary, which was seeking to revise the Treaty of Trianon (it later emerged that Hungarian regent M. Horthy had even discussed launching a joint offensive against CSR and Austria with Germany) [6, p. 40; 13, p. 139]. From Belgrade, E. Beneš travelled east to Bucharest, where he signed a preliminary protocol with Romanian foreign minister T. Ionescu on 17 August 1920 [13, p. 140]. However, following an attempt by the deposed Hungarian king and Austrian emperor Charles I to reclaim the Hungarian throne, this preliminary protocol was replaced on 23 April 1921 with an alliance convention. Its provisions were similar to those of the Czechoslovakian-Yugoslavian treaty of August 1920 [8, p. 134]. This king's «adventure» precipitated the formation of the Little Entente and strengthened mutual relations between its members [4, p. 24; 15, p. 16]. The final step in forming the alliance was the conclusion of a convention between Romania and Yugoslavia, negotiations for which had begun as early as summer 1920. However, the treaty was not signed until a year later, on 7 June 1921 [10, p. 21]. Unlike the previous conventions, this one addressed not only the implementation and protection of the Treaty of Trianon, but also the provisions of the Treaty of Neuilly-sur-Seine [8, p. 134].

An allied bloc was thus formed, which, comprising nearly 50 mln inhabitants, became a significant politic, economic, and military force in Central and Southeastern Europe. Its importance extended beyond the regional level, as its member states were part of the French alliance system [15, p. 11; 16, p. 67]. A key unifying factor for the Little Entente members was not only the defence of borders and enforcement of the peace settlements concluded in Paris, but also, over time, the pursuit of state integrity and the pacification of tensions within Europe [14, p. 36–40]. From a legal standpoint, however, the Little Entente cannot be considered a unified alliance in its early years. Its members operated on a bilateral basis, without a supranational structure to coordinate their joint activities. It should be noted that the alliance was not founded on an explicitly anti-Hungarian agenda. Rather, its goal was to compel Hungary to accept the post-war European order and lay the groundwork for future cooperation with Budapest [17, p. 23].

Between 1921 and 1922, military agreements were signed that, like the political treaties, retained a bilateral character [13, p. 145]. Specifically, military conventions were concluded on 2 July 1921 between the CSR and Romania, on 1 August 1921 between the CSR and Yugoslavia, and on 23 January 1922 between Yugoslavia and Romania. However, in 1923, a unified military convention was concluded to regulate the number of mobilised units in the event of a Hungarian attack [18, p. 28]. Even before the finalisation of the military treaties, the alliance faced its first serious challenge in autumn 1921, when the former Hungarian king, Charles I, made a second attempt to restore Habsburg rule in Hungary. This did not go unanswered by the states of the Little Entente, with the CSR taking the lead, since Hungarian king's ascension to the throne would have placed him in a position to assert the restoration of the Kingdom of Hungary within its historical borders – an act legitimised by his coronation oath of 1916 [6, p. 37; 10, p. 26]. This threat prompted the member states to declare a mobilisation, and even to threaten military intervention against Hungary [13, p. 145]. The sovereign action of the Little Entente states, undertaken independently of the Triple Entente, led to a temporary easing of tensions. Charles I failed in his bid to reclaim the throne, and the Habsburgs were formally dethroned in Hungary [6, p. 45; 13, p. 147].

In the realm of international affairs, the Little Entente aligned itself with France, with all three of its members concluding bilateral treaties with France during the 1920s (CSR in 1924, Romania in 1926, and Yugoslavia in 1927). Paris sought to use this alliance to create a barrier against the expansion of communism from the Soviet Union into Europe [4, p. 26]. However, French politicians were not the only ones attempting to influence developments in the region. Italy, seeking to assert itself at France's expense, aimed to increase its

²Archiv Ministerstva zahraničních věcí. F. Malá dohoda. Kn. 1. S. 2.

influence in Southeastern Europe [16, p. 72]. In 1924, the Pact of friendship and cordial cooperation between Italy and Yugoslavia was signed in Rome [19, p. 168]. France disapproved of this move, correctly interpreting it as Italian dictator B. Mussolini's efforts to weaken Paris' ties with the Little Entente states and to undermine the alliance's stability [20, p. 310]. Nevertheless, the pact received the support of E. Beneš, and only a few months later, CSR concluded a similar Pact of cordial cooperation with Italy. Subsequent developments in the Adriatic, reflected in the Italian-Albanian treaty of 1926 and the Italian-Romanian treaty of 1927, which tightened the noose around Yugoslavia, prompted Yugoslavia to strengthen its ties with France through the aforementioned bilateral treaty of 1927, and also highlighted the need for closer cooperation within the Little Entente. According to the Yugoslavian leadership, regional treaties could serve as instruments for maintaining peace in Europe [5, p. 90; 10, p. 73; 21, p. 42].

It should be noted that despite efforts at rapprochement among the individual members of the Little Entente, their respective national interests, largely shaped by their geographical position, often drove a wedge between them. For instance, both CSR and Romania viewed the Soviet Union as a threat, whereas Yugoslavia did not, due to its geographical position. Conversely, Yugoslavia feared Italy, whereas Romania sought to deepen its cooperation with it. Germany, on the other hand, posed a danger only to CSR [10, p. 16; 12, p. 87]. A clear example of these conflicting interests was the Romanian-Italian treaty of friendship and cordial cooperation, concluded in 1926, which was directed against both Yugoslavia and the Little Entente as a whole [22, p. 174].

Despite the above-mentioned controversies, it is undeniable that the member states of the Little Entente genuinely sought to cooperate. Their collaboration was evident, for example, at the economic conferences in Portorose (1921) and Genoa (1922), where they jointly opposed economic proposals put forward by the Hungarian delegation [10, p. 27; 23, p. 517]. Prior to the latter conference, a preparatory meeting of experts was held to ensure that the allies presented a uniform position in the negotiations [24, p. 39]. At the Genoa conference, Poland also aligned itself with the states of the Little Entente. As early as 1921, Poland had expressed interest in joining the bloc, a proposal that was supported by Romania and Yugoslavia. However, the proposal met with firm opposition from Czechoslovakia [10, p. 27; 25, p. 75]. From the very beginning, the Little Entente saw the gradual development of mutual relations among its members that extended even beyond the alliance itself. This trend was also evident in the cultural sphere. For instance, the Czechoslovakian-Yugoslavian League of Mutual Cooperation was founded in 1921, and a year later, the dynastic marriage was concluded between Yugoslavian King Alexander I Karađorđević and Romanian Princess Maria [26, p. 145; 27, p. 16–22]. This

marriage also had political significance, as it marked the end of disputes concerning the demarcation of borders [26, p. 146]. Independent of official government initiatives, the Women's Little Entente, a feminist organisation, was established in 1923. It united women's rights movements from Central and Southeastern European countries including CSR, Yugoslavia, Romania, Greece, Poland, and Bulgaria. Apart from the demands that were considered as standard for feminism at the time, its members advocated for world peace, cordial relations among the founding states, and even aspired to influence foreign policy matters [28, p. 37–39].

From 1922 onwards, the foreign ministers of the Little Entente states held regular biannual meetings to discuss the international situation and to coordinate their positions on current issues [25, p. 78]. In 1929, the Belgrade conference adopted a protocol to extend the alliance treaties for a further five years. At the recommendation of the League of Nations, the General act for conciliation, arbitration, and judicial settlement was also signed, intended to strengthen the bloc's position within the international arena [21, p. 42]. This document was particularly significant in terms of changing the structure of the Little Entente – it was the first time that all three member states had jointly signed a political document [15, p. 54–59]. Meetings of Little Entente leaders also took place within the military sphere. General staff conferences served as forums for discussing defensive mechanisms, coordinating joint actions and planning potential operations in the event of interventions against member states. The international situation and the threats it posed to the alliance were also regular topics of discussion. The allies also addressed questions of construction and location of military production facilities, standardisation of armaments, and supervision of their production and distribution. In this field, Czechoslovakian arms manufacturers held a dominant position, supplying military materiel to both partners [10, p. 129–133, 203–204]. A major obstacle to executing joint military operations was the absence of a shared border between Yugoslavia and the CSR. This presented logistical challenges, particularly with regard to the supply of munitions and military equipment. To mitigate these issues, the two states collaborated to develop a military-industrial base also in the Balkans [29, p. 400–405].

Global instability necessitated the consolidation of relations within the Little Entente alliance. In 1930, at a conference held in Štrbské Pleso (Slovakia) a supplementary agreement was signed to amend the bilateral treaties of 1920–1921. This document was significant because it legally defined the Little Entente as an allied bloc. Until then, the meetings of its members had not been legally binding, but had been based on the conclusions of the 1922 Belgrade conference, where it was agreed that meetings would occasionally be held to discuss international issues. However, by signing the

supplementary agreement in Štrbské Pleso, the member states committed to holding regular meetings at least once per year. The agreement also codified the principle of unity within the alliance when dealing with other actors. A new provision permitted a designated delegate or delegation to represent the Little Entente as a whole in international forums [15, p. 19, 56, 80].

In the early 1930s, however, the alliance found itself caught between two «millstones»: Italy and Germany, whose increasingly aggressive foreign policies threatened its very existence. Another negative phenomenon of this period was the attempt to revise the borders, as well as the tendency of the great powers to make decisions on international issues without prior negotiation with the smaller states – an approach that was later reflected in Mussolini's 1933 proposal for the Four-power pact [30, p. 148]. In these circumstances, the conference in Belgrade at the end of 1932 witnessed a proposal to strengthen the Little Entente as a political alliance. This would enhance its international credibility and transform it into a more influential actor in Eastern Europe [30, p. 158; 31, p. 129–131]. In response, the Organisational pact was signed in 1933 [31, p. 129–131]. This convention elevated the alliance to a higher international entity, with the newly established Permanent Council of the Little Entente acting as its governing body and effectively replacing the meetings of foreign ministers [10, p. 121; 32, p. 91]. From then on, conferences were to be held at least three times a year, and the allied conventions were to be extended indefinitely [31, p. 131–132]. The adopted decree was intended to guarantee cohesion among the states of the Little Entente in matters of foreign policy, and thus strengthen its international position and prevent possible border revisions [33, p. 340]. The alliance's cohesion was to be ensured through tripartite treaty-making, requiring the consent of both allies before any member could conclude a treaty with a third country [10, p. 121; 31, p. 131–132].

A few weeks after the Organisational pact was signed, France, Great Britain, Germany, and Italy began international negotiations to form the so-called Four-power pact. The Permanent Council of the Little Entente labelled this effort as a covert attempt to revise the post-war European order [34, p. 99; 35, p. 17]. Smaller states, including those of the Little Entente, voiced objections, viewing the bloc as a threat. Above all, they feared the cooperation of Italy and Germany, and the potential destabilisation of the borders established by the Versailles peace system [34, p. 94]. For this reason, they urged Great Britain and especially France, not to join the bloc – a plea that went unheeded, as it later transpired [10, p. 124; 34, p. 94]. The Little Entente opposed the emerging directorate independently as well, rejecting the dominant position of the four powers and the revision of borders, and striving to limit its influence to internal relations among its members [36, p. 321–325].

Ultimately, due largely to the extensive diplomatic efforts of the Little Entente's representatives, the Four-power pact was not implemented as originally intended – only a fraction of the original proposals were adopted [34, p. 98].

Cooperation between the states of the Little Entente also extended into the economic sphere, though it should be noted that this cooperation was disproportionate. The agrarian countries of Romania and Yugoslavia primarily traded with the relatively industrialised Czechoslovakia rather than with each other, since their exports consisted largely of similar agricultural products [23, p. 514–515; 37, p. 3]. For CSR, however, its most important trade partners were Germany and Austria. It imported only a small portion of commodities from the southeast, which caused general tension within the alliance [17, p. 25; 37, p. 12–13]. Despite the Germany's, Austria's, and Hungary's defeat in the war, commercial ties with these countries remained active, raising concerns among the Little Entente states about their potential return to pre-war strength. This led to efforts aimed at weakening their economic power [17, p. 25]. In terms of foreign policy development, Czechoslovakian military products became an important trade item for the Little Entente, supplying its allies with armaments [23, p. 520]. The Škodovka and Zbrojovka factories exported arms to Yugoslavia, and Czechoslovakian firms similarly engaged in supplying armaments to Romania [38, p. 198; 39, p. 236]. In the early years of its existence, just as in the political sphere, the economic relations among the Little Entente allies operated on the principle of bilateral agreements. The lack of cohesion and absence of an overarching economic cooperation treaty is reflected in the fact that CSR and Romania were members of the *Mitteuropäische Wirtschaftstagung* (1925), while Yugoslavia was not [23, p. 529–530].

However, in 1927, the Czechoslovakian side – seeking customs preferences for successor states in Geneva – attempted to negotiate «concessions» with its allies as well. At the Little Entente conference in Jáchymov in 1927, a plan for an economic Little Entente was proposed. This proposal was more of a response to Vienna's Anschluss aspirations than a genuine attempt to establish functional economic mechanisms [40, p. 276]. In 1929, at the Belgrade conference, a plan for close economic cooperation was approved [12, p. 83]. Four years later, Art. 7 of the Organisational pact established the Economic Council of the Little Entente, intended to serve as an advisory body to the Permanent Council [15, p. 93; 31, p. 132]. The aim of its establishment was not only to synchronise the economic cooperation but, also to create an effective plan for the exchange of goods [15, p. 93; 41, p. 267]. However, this idea was obstructed by the economic interests of individual countries, that were primarily focused on supporting domestic markets, as importing foreign goods had a negative impact on national economies. Another challenge was to harmonise

cooperation in the face of economic disparity between the countries [31, p. 136; 41, p. 268]. Nevertheless, the creation of the Economic Council helped revive the allies' economies, which had fallen into a deep depression following the Great Depression. Trade agreements on the exchange of goods between the Little Entente states were concluded at the council's first meeting in Prague³. The council's existence led to the revitalisation of economic cooperation and the establishment of the General Secretariat of the Little Entente, which dealt with the bloc's economic interests [41, p. 268].

Upon rising to power, the nazi elite in Berlin sought to exploit the aftermath of the Great Depression and the economic backwardness of Yugoslavia's and Romania's agrarian economies [42, p. 14]. They intended to assert their influence in the Balkans through economic support. Implementing this plan would result in the isolation of the CSR and the weakening of the Little Entente, which the Germans sought to break [43, p. 113–114]. This effort was aided by CSR's decision in 1930 to raise tariffs on agricultural imports, which aroused resentment among its allies. In response, representatives of Yugoslavia, Romania, and Hungary met, contradicting the conclusions of the Štrbské Pleso conference [10, p. 140].

Germany benefited from the situation. Unlike other European powers, Germany was not self-sufficient and sought to compensate for this by importing agricultural products from Eastern Europe. This would meet Germany's demands while also drawing countries such as Hungary, Yugoslavia or Romania into closer alignment with Germany itself [42, p. 14–16]. German activity in this region complicated the activities of the Economic Council. For example, Romania was pressured to develop economic relations with Germany only if it altered its foreign policy orientation [41, p. 268; 42, p. 41–42]. Finally, Italy also sought a role in this area, as it harboured similar ambitions to assert its position in this region [5, p. 24]. This ultimately led to a gradual divergence among the Little Entente states, which deepened further in the second half of the 1930s due to changes in the political positions of the individual member states. M. Stojadinović's rise to power in Yugoslavia, the subsequent sanctions imposed on B. Mussolini after his attack on Ethiopia, and the higher commodity prices that the CSR could not match opened the door wide to the German Reich Chancellor, A. Hitler, in Yugoslavia [41, p. 268–269]. Eventually, Yugoslavia became economically dependent on Berlin [44, p. 126]. Over time, Germany became the protector of the territorial integrity of the states in the Balkans, thus limiting the significance of the Little Entente as a defensive alliance [45, p. 150].

The shift in Europe's political landscape, driven by the rise of totalitarian regimes in Italy and later in Germany,

triggered a cascade of events that had significant impact on the internal affairs of the Little Entente. These two countries' imperial ambitions and their growing international influence sparked a struggle for hegemony in Central and Southeastern Europe. The stability guaranteed by the Versailles system was increasingly undermined, forcing the members of the Little Entente to seek new strategic paths. However, the alliance lacked the capacity to respond adequately to these changing circumstances [46, p. 88]. The political rapprochement between the Little Entente states and Germany was triggered by the France's withdrawal from the region and its indifference toward the Little Entente alliance's fate – a stance already evident at the signing of the Four-power pact [42, p. 37; 47, p. 58]. Romania's proposal regarding the agreement with the Third Reich was intended to «awaken» France and encourage greater engagement and support. By contrast, Yugoslavia pursued the opposite goal, with its top political circles having maintained active contact with Germany since A. Hitler's rise to power [42, p. 37–38]. In 1934, Yugoslavia became the first member of the Little Entente to conclude a trade agreement with Berlin [44, p. 122]. By cultivating relations with Germany, Yugoslavian diplomacy aimed to counteract Italian ambitions in the region. The nazis, on the other hand, viewed Belgrade as an important factor in Balkan and Central European politics [42, p. 38; 44, p. 123]. The assassination of King Alexander I Karađorđević in 1934, met with a three-day national mourning period in CSR, and the subsequent rise to power of M. Stojadinović marked a definitive pivot in Yugoslavian foreign policy, which now leaned openly towards Italy and Germany⁴. This shift naturally caused anxiety in both the CSR and Romania, as well as in France [44, p. 123]. In Bucharest, the deterioration of relations with the Little Entente became particularly apparent following the dismissal of foreign minister N. Titulescu, in 1936 [46, p. 90].

In 1934, France attempted to counter the German threat by proposing the so-called Eastern pact (also known as the Eastern Locarno), which was to be a broad coalition of European states, including the CSR. However, Romania and Yugoslavia were not envisaged as participants, in order to prevent the nascent bloc from becoming involved in a potential Yugoslavian-Italian or Romanian-Hungarian war. This development revealed a stark contrast with the Little Entente's attempts, especially after the Organisational pact was signed, to present itself as a cohesive unit. Indeed, the Romanian side even warned of its potential dissolution [33, p. 347–352]. Divergences in international attitudes within the alliance, which was supposed to be uniform, also became evident during the formation of diplomatic relations with the Soviet Union, with regard to its recognition

³Národní archiv. F. Předsednictví ministerské rady. Škatuľa č. 4099. Schôdza č. XIII-3, Hospodárska Malá dohoda – první zasedání hospodářské rady v Praze, 23.02.1934. S. 468.

⁴Arhiv Jugoslavije. F. Centralni Presbiri. Škatuľa č. 38. Č. jednotky 449. Útržok z novin Venkov, 19.10.1934. S. 1.

(these relations were established as early as 1933 with the signing of the Convention on the definition of aggression). Yugoslavia did not participate in these relations, reflecting the growing influence of the Third Reich on its decisions [10, p. 127; 14, p. 50; 33, p. 346–347; 48, p. 20]. Under these circumstances, the CSR once again decided to act independently of its partners, but Romania eventually agreed to participate in the negotiations [14, p. 50].

Two years later, in 1936, recognising the growing threat posed by Germany's ambitions, the CSR proposed a plan to consolidate and unify the Little Entente. This plan comprised a so-called Unified pact (which was intended to protect alliance member states from attack by any country, not just Hungary), as well as a formal agreement between France and the Little Entente as a whole [15, p. 161]. However, both Yugoslavia and Romania rejected the plan, their positions already shaped by German influence [14, p. 53–54; 15, p. 168; 49, p. 58]. Backed by Germany, Yugoslavia fostered discords within the Little Entente alliance through international activities, thereby fulfilling the nazis' plans to destabilise the situation in this part of Europe [45, p. 151]. In 1937, Belgrade signed a Treaty of eternal friendship with Bulgaria, triggering concern in Romania (regarding potential Bulgarian claims to the historical territory of Dobruja). By contrast, Czechoslovakian diplomacy welcomed the treaty in the hope of securing Yugoslavian goodwill concerning matters relating to the Entente [15, p. 171; 46, p. 102; 47, p. 65]. Romania eventually formally accepted the agreement, but its underlying distrust towards Yugoslavia led it to strengthen ties with Warsaw. A further rupture in relations within the Little Entente, marking a further distancing of Yugoslavia from its allies, occurred with the formation of the Yugoslavian-Italian pact of friendship, the preparations for which M. Stojadinović kept secret from both CSR and Romania [47, p. 72–80]. Its signing provoked outrage among Yugoslavia's allies, with E. Beneš even calling it an act of hostility towards the CSR. From this point on, M. Stojadinović began to view the Little Entente as a mere formality [15, p. 177; 47, p. 82–83].

The definitive dissolution of the alliance began in connection with Berlin's expansionist policies. As early as 1937, the Little Entente allies appealed to the CSR regarding the Prague agreement with the Third Reich concerning the Sudeten German question. During this period, German influence over the Balkan members of the Little Entente was very intense, enabling A. Hitler to exert pressure on Prague via Romanian and Yugoslavian politicians [44, p. 131]. Both states expressed reluctance to defend the CSR against nazi aggression, against which no military convention had been concluded, and described the German claim to the Sudetenland as an internal matter of the CSR [44, p. 123; 50, p. 94]. On the contrary, during the Munich events (29–30 September 1938), both Belgrade and Bucharest requested

German intervention concerning Hungarian involvement in the Czechoslovakian question, as this attack would draw both states into armed conflict [44, p. 132].

The Hungarian narrative of restraint towards CSR remained relevant in Berlin until the fateful events of 1938, as the nazis sought to avoid escalating the conflict [43, p. 138]. German diplomacy had already engaged with Hungary on the Czechoslovakian question in 1937, advising Hungary to refrain from opposing the entire Little Entente and to focus solely on CSR [15, p. 186]. Hungary's goal was to break the alliance's unity by isolating CSR from its allies through bilateral agreements with Yugoslavia and Romania. However, both states opposed Budapest's plan, and negotiations ultimately resulted in the signing of the Bled agreement on 22 August 1938. In exchange for equal rights in militarisation, Hungary concluded a non-aggression pact with the Little Entente as a whole [39, p. 244–245; 43, p. 134; 50, p. 95]. Similar objective was pursued by German and Italian diplomacy, which made efforts to bring Yugoslavia closer to Hungary and thereby isolate it from its allies. Good relations with B. Mussolini and M. Horthy diminished the significance of the Little Entente for the South Slavs [43, p. 111, 129]. However, after earlier missteps, M. Stojadinović refused to sign a bilateral Hungarian-Yugoslavian treaty, as doing so would have completely discredited him in the eyes of the Yugoslavian public and the allies. Nevertheless, throughout 1938, he made several disparaging remarks about the CSR, even going so far as to label it a hostile country [39, p. 233; 43, p. 119]. Through its narrative, Yugoslavian diplomacy positioned itself as a mediator between Germany and the CSR, pressuring its ally to make concessions to the nazis [39, p. 234–235].

During the turbulent days of September 1938, Romanian diplomacy intervened to avert the looming conflict (Hungarian troops were then stationed at the Czechoslovak border) and sought support from Yugoslavia. However, M. Stojadinović's approval of the annexation of Czechoslovak territories inhabited by a Hungarian minority meant that he refused to assist his ally [50, p. 101–102]. It is important to note that Bucharest's initiative also pursued its own interests; during negotiations on the face of the CSR, both allies closely monitored Budapest's actions. In the event of Hungarian intervention, the Little Entente members would have been compelled to either engage directly in the conflict or to reckon with the emergence of a stronger Hungary aspiring to reclaim its former territories within their states [39, p. 258–267]. The concerns of Romanian and Yugoslavian politicians were ultimately «dispelled» by the Munich dictate, which determined the fate of the CSR. The Munich conference, together with the stances of Yugoslavia and Romania regarding the fate of the CSR, marked the definitive end of the Little Entente, which, however, had already long been dysfunctional by that point [10, p. 202].

Conclusions

The Little Entente alliance was formed in response to complex geopolitical developments in Europe following the World War I, by politicians from Czechoslovakia, Yugoslavia, and Romania. Initially focused on preserving the status quo established by the Paris peace conference and defending against Hungarian and Bulgarian revisionism, the alliance's remit expanded during its early years to encompass other areas of social life. The Little Entente's close ties with France and its allied system gave it a pan-European significance. Its political representatives often spoke out in international forums and intervened in European affairs to turn the tide in their favour. Their voices frequently resonated across European capitals. Despite efforts to foster continual rapprochement and strengthen the alliance, the Little Entente members could not withstand the pressure from the expanding totalitarian states. This was primarily due to their differing foreign policy ambitions and the resulting threats stemming from their position in Europe. Another significant factor in the failure of the Little Entente alliance was the low economic level of the Balkan members, which prevented them from harmonising their economies with

those of the more developed and industrialised CSR. This caused them to align with states that were hostile towards their ally. The differing political regimes within the Little Entente countries undoubtedly played a role too: democratic in CSR, initially parliamentary but later authoritarian in Yugoslavia and Romania. Despite many attempts at rapprochement on this level, both Balkan states gradually fell into the orbit of Nazi Germany and fascist Italy. These states which sought to dismantle the bloc at a time when France was losing its influence in the region. This only underscored the necessity for the Little Entente to align with a great power; without such backing, it was doomed to collapse, as it was not capable of competing with the great powers politically, militarily, or economically. International influence, support from Western powers, unity, and economic and military potential were all factors that the allies lacked to effectively confront the aggressive totalitarian states intent on breaking up the alliance. Nevertheless, the alliance was strong enough to effectively oppose certain threats and address regional problems, thus preventing earlier border changes in Europe.

References

1. Ferencuhová B. Na ceste k Trianonu – československo-maďarsko-rumunské konfrontácie na jar 1919. V: Petruš P, redaktor. *Slovensko a Československo v XX. storočí*. Bratislava: Vojenský historický ústav; 2010. s. 23–35.
2. Ferencuhová B. Problematika hraníc v stredno-východnej Európe a stabilita versajlského systému medzinárodných vzťahov 1919–1939. *Historické štúdie*. 2004;43(1):9–30.
3. Ferencuhová B. Trianonská mierová zmluva a jej interpretácia v historiografii. V: Čaplovič M, redaktor. *Slovensko v dejinách 20. storočia: kapitoly k spoločenským a vojensko-politickým udalostiam*. Bratislava: Vojenský historický ústav; 2010. s. 121–139.
4. Miszczuk M. The Little Entente – expectations and outcomes. *Ante Portas – Studia nad Bezpieczeństwem*. 2019;2:21–35. DOI: 10.33674/20192.
5. Moravcová D, Bělina P. *Kapitoly z dějiny mezinárodních vztahů 1914–1941*. Prague: Institut pro středoevropskou kulturu a politiku; 1998. 133 s.
6. Fiala J. Mobilizace československé armády na podzim 1921. *Historie a vojenství*. 1993;2:36–67.
7. Ferencuhová B. Slovensko a Malá dohoda z pohľadu geopolitiky. V: Pekník M, redaktor. *Pohľady na slovenskú politiku*. Bratislava: VEDA; 2000. s. 134–144.
8. Ádam M. *The Little Entente and Europe (1920–1929)*. Budapest: Akadémiai Kiadó; 1993. 329 p.
9. Švorc P. Zápas o Podkarpatskú Rus v 20. rokoch 20. storočia na pôde Spoločnosti národov. V: Šesták M, Voráček E, redaktorov. *Evropa mezi Německem a Ruskem*. Prague: Historický ústav; 2000. s. 267–284.
10. Sládek Z. *Malá dohoda 1919–1938*. Prague: Karolinum; 2000. 297 s.
11. Beneš E. *Problémy nové Evropy a zahraniční politika československá. Projevy a úvahy z r. 1919–1924*. Prague: Melantricha; 1924. 306 s.
12. Ferencuhová B. Funkcia Malej dohody v priestore medzi Balkánom a Baltom – predstavy a skutočnosť. V: Pekník M, redaktor. *Republika Česko-Slovensko od monarchie k vlastnému štátu: ilúzie verzu realita II. časť*. Bratislava: VEDA; 2021. s. 76–106.
13. Ferencuhová B. Politické a vojenské aspekty súčinnosti Malej dohody v rokoch 1919–1921. *Historické štúdie*. 2021;1:125–148.
14. Ferencuhová B. Československá zahraničná politika a otázky medzinárodnej bezpečnosti. V: Zemko M, Bystrický V, redaktorov. *Slovensko v Československu (1918–1939)*. Bratislava: VEDA; 2004. s. 35–56.
15. Vanku M. *Mala Antanta 1920–1938*. Užice: Tucović; 1969. 398 s.
16. Ferencuhová B. Malá dohoda medzi Francúzskom a Talianskom v 20. rokoch 20. storočia (1920–1927). V: Michálek S, redaktor. *Dejinné premeny 20. storočia*. Bratislava: VEDA; 2016. s. 67–74.
17. Ferencuhová B. Československá zahraničná politika a Európske integračné plány v medzivojnovom období. V: Sládek K, Zelenák P, redaktorov. *Slovensko v procese európskej integrácie*. Bratislava: CEP; 2005. s. 18–29.
18. Botoran C. Politicko-vojenská kooperácia Rumunska a Československa v rámci Malej dohody (1920–1938). *Vojenská história*. 2001;5(1):17–39.
19. Milak E. Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca i Rimski sporazum (1922–1924). V: Avramovski Ž, redaktor. *Istorija 20. veka: Zbornik radova XIV–XV*. Belgrade: Narodna knjiga; 1982. s. 131–172.
20. Bakić D. Nikola Pašić and the foreign policy of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, 1919–1926. *Balkanica*. 2016;1:285–316.
21. Mičić S. The influence of France and Italy's (Central) European projects on Yugoslavia's re-evaluation of regional pacts (1927–1933). *Istorija 20. veka*. 2000;2:39–60. DOI: 10.29362/ist20veka.2020.2.mic.39-60.

22. Deák L. Jugoslovensko-italijanski odnosi (1932–1937). V: Avramovski Ž, redaktor. *Istorija 20. veka: zbornik radova XIV–XV*. Belgrade: Narodna knjiga; 1982. p. 173–214.
23. Sládek Z. Hospodářské styky malodohodových států v letech 1920–1929. *Český časopis historický*. 1990;4:514–534.
24. Feriancová A. (*Ne*)nájdená bezpečnosť. Nitra: UKF; 2010. 287 s.
25. Ferencuhová B. Československo v medzinárodnej politike 20. rokov. V: Ferencuhová B, Zemko M, redaktorov. *V medzivojnovom Československu 1918–1939*. Bratislava: VEDA; 2012. s. 59–92.
26. Bajagić P. M. Југословенско-Румунско Савезништво Између Два Светска Рата (Мала Антанта И Балкански Споразум). В: Звездан А, уредник. *Зборник Радова Филозофског Факултета. Ослобађање 2*. Косово: Универзитет у Приштини са привременим седиштем Косовској Митровици; 2022. с. 139–162.
27. Kolářová K. *Československo-jihoslovanská liga (1921–1929) a Československo-jihoslovanská revue (1930–1939)*. Prague: Národní knihovna České republiky; 2022. 354 s.
28. Dalakoura K. Feminism and politics in the interwar period: the Little Entente of women (1923–1938). *Aspasia*. 2022;1:37–55.
29. Horejsek J. Nezdařený pokus o kapitálovou investici v Jugoslávii v meziválečném období. V: Šesták M, Voráček E, redaktorov. *Evropa mezi Německem a Ruskem*. Prague: Historický ústav; 2000. s. 399–408.
30. Bystrický V. Pokus o politické a hospodárske upevnenie Malej dohody (1933). *Slovanské štúdie*. 1977;1:145–176.
31. Málek J. Organizační pakt Malé dohody 1933. V: Brkolová E, Neudorfllová ML, redaktorov. *Věře Olivové ad honorem. Sborník příspěvků k novodobým československým dějinám*. Prague: Ústav T. G. Masaryka; 2006. p. 127–139.
32. Musil M. Štefan Osuský – priekopník Spoločnosti národov a zjednotenej Európy. *Studia Politica Slovaca*. 2011;4(2):85–96.
33. Ferencuhová B. Louis Barthou a československá zahraničná politika v roku 1934. V: Šesták M, Voráček E, redaktorov. *Evropa mezi Německem a Ruskem*. Prague: Historický ústav; 2000. s. 339–354.
34. Cívínová P. Cesta k Paktu čtyř velmocí, 1933. *Dvacáté století*. 2018;10(2):89–99.
35. Otea I. Nicolae Titulescu between French politicians and the Four-power Pact. *Romanian Journal of Historical Studies*. 2018;1(1):16–21.
36. Bystrický V, Deák L. *Európa na prelome: diplomatické a politické vzťahy v rokoch 1932–1933*. Bratislava: Nakladateľstvo Pravda; 1974. 433 s.
37. Sládek Z, Romportlová M. *Hospodářský a sociální vývoj ve střední a jihovýchodní Evropě 1918–1938*. Prague: Státní pedagogické nakladatelství; 1989. 130 s.
38. Avramovski Ž. Otázka zbrojenia v juhoslovansko-nemeckých vzťahoch roku 1939. *Slovanské štúdie*. 1975;1:195–228.
39. Deák L. *Zápas o střední Evropu 1933–1938*. Bratislava: VEDA; 1986. 292 s.
40. Lacina V. Hospodářská dezintegrace střední Evropy po první světové válce a snahy o opětné sblížení v letech 1924–1930. *Acta Oeconomica Pragensia*. 2007;7:272–281.
41. Balaban M. Економски односи између Југославије и Чехословачке у међуратном периоду. *Гласник Удружења Архивских Радника Републике Српске*. 2013;5(1):263–274.
42. Jančík D. *Německo a Malá dohoda: hospodářské pronikání Německa do Jugoslávie a Rumunska v první polovině 30. let*. Prague: Univerzita Karlova; 1990. 176 s.
43. Mančev K. Nemecká politika v strednej a juhovýchodnej Európe pred Mníchovom a maďarsko-juhoslovanské vzťahy. *Slovanské štúdie*. 1971;12(1):111–139.
44. Vanku M. Отношение Германии к Югославии как члену Малой Антанты (1933–1938). *Balkanica*. 1986;16–17(1):121–133.
45. Bystrický V. Balkánske štáty a problém bezpečnosti v druhej polovici tridsiatych rokov. *Slovanské štúdie*. 1972;13(1):143–156.
46. Deák L. Pokusy o upevnenie malodohodového spojenectva s Francúzskom v rokoch 1936–1937. *Slovanské štúdie*. 1972;13(1):88–110.
47. Lukač D. *Treći Rajh i Zemlje Jugoistočne Evrope: Drugi deo 1937–1941*. Belgrade: Vojnoizdavački zavod; 1982. 603 s.
48. Deák L. Miesto Slovenska v československom štáte v rokoch 1918–1938 z medzinárodného hľadiska. V: Zemko M, Bystrický V, redaktorov. *Slovensko v Československu (1918–1939)*. Bratislava: VEDA; 2004. s. 15–34.
49. Dejmk J. *Diplomacie Československa. Díl I*. Prague: Academia; 2012. 320 s.
50. Tejchman M. Československo a Rumunsko v roce 1938 a Malá dohoda. *Slovanské štúdie*. 1971;12(1):86–110.

Received 15.08.2025 / accepted 11.09.2025.

УДК 93/94.902.21.394

КАРШИНСКАЯ ВОЛОСТЬ И КАРШИНЦЫ В СОСТАВЕ БАШКИРИИ В XVIII В.

Д. Ж. УРАКОВ¹⁾, Ш. Б. ШОНАЗАРОВ¹⁾

¹⁾Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека,
ул. Университетская, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекистан

Аннотация. Изучается история Каршинской волости – одной из волостей Башкирии в XVIII в., а также вопрос о вхождении каршинцев в состав населения Башкирии. Их коренное поселение по наименованию рода называлось «Каршин». Вероятно, этноним «каршин» является производным от слова «карши» и обозначает дворцовую или крепостную стражу. Во второй трети XVIII в. имела место миграция переселенцев из Средней Азии в юго-восточные пределы России. Термином «каршилик» население Восточной Бухары в основном именовало выходцев из Карши или Каршинского оазиса. Первым районом расселения племени было левобережье р. Белой. Вотчиной башкир рода Каршин являлась вся долина р. Кармасан. После присоединения Башкирии к Русскому государству правительство последнего закрепило за башкирскими общинами занимаемые ими земли на основе вотчинного права. Считается, что башкиры первыми перешли к земледелию. Они являлись вотчинниками, а остальные народы – переселенцами, которые не имели своих наделов и жили на башкирских землях. Жители Каршинской волости связывали историю своего поселения с именем Шарипа Мрякова. Сохранились архивные документы, свидетельствующие о службе башкир-каршинцев в Касимовском ханстве. Отмечается, что башкиры были лояльными к русской администрации.

Ключевые слова: этнос; инородцы; Каршинская волость; каршин; миграция; дворец; стража; башкиры; Россия; Средняя Азия; вотчина; земледелие; поселения; администрация; старшина; служба.

КАРШЫНСКАЯ ВОЛАСЦЬ І КАРШЫНЦЫ Ў СКАДЗЕ БАШКІРЫІ Ў XVIII ст.

Д. Ж. УРАКАЎ^{1*}, Ш. Б. ШАНАЗАРАЎ^{1*}

^{1*}Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека,
вул. Універсітэцкая, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекістан

Анатацыя. Вывучаецца гісторыя Каршынскай воласці – адной з валасцей Башкірыі ў XVIII ст., а таксама пытанне аб уваходжанні каршынцаў у склад насельніцтва Башкірыі. Іх карэннае пасяленне па найменні роду называлася «Каршын». Верагодна, этнонім «каршын» з’яўляецца вытворным ад слова «каршы» і абазначае дворцовую ці прыгонную варту. У другой трэці XVIII ст. мела месца міграцыя перасяленцаў з Сярэдняй Азіі ў паўднёва-ўсходнія межы Расіі. Тэрмінам «каршылік» насельніцтва Усходняй Бухары ў асноўным называла выходцаў з Каршы ці Каршынскага аазіса. Першым раёнам рассялення племя было левабярэжжа р. Белай. Вотчынай башкіраў роду Каршын з’яўлялася ўся даліна р. Кармасан. Пасля далучэння Башкірыі да Рускай дзяржавы ўрад апошняй замацаваў за башкірскімі абшчынамі

Образец цитирования:

Ураков ДЖ, Шоназаров ШБ. Каршинская волость и каршинцы в составе Башкирии в XVIII в. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;4:25–32. EDN: WKVKDL

For citation:

Urakov DZ, Shonazarov ShB. Karshin volost and Karshin people in Bashkiria in the 18th century. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;4:25–32. Russian. EDN: WKVKDL

Авторы:

Дилшодбек Жамолитдинович Ураков – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всемирной истории исторического факультета.

Шухрат Буриевич Шоназаров – старший преподаватель кафедры археологии и этнологии исторического факультета.

Authors:

Dilshodbek Z. Urakov, doctor of science (history), full professor; head of the department of world history, faculty of history.

urakov.d.nuuz@gmail.com

Shuxrat B. Shonazarov, senior lecturer at the department of archeology and ethnology, faculty of history.

suhratsonazarov742@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9307-2294>

землі, якія яны займалі, на аснове вотчыннага права. Лічыцца, што башкіры першымі перайшлі да земляробства. Яны з'яўляліся вотчыннікамі, а астатнія народы – перасяленцамі, якія не мелі сваіх надзелаў і жылі на башкірскіх землях. Жыхары Каршынской воласці звязвалі гісторыю свайго пасялення з імем Шарыпа Мракова. Захаваліся архіўныя дакументы, якія сведчаць аб службе башкіраў-каршынцаў у Касімаўскім ханстве. Адзначаецца, што башкіры былі лаяльнымі да рускай адміністрацыі.

Ключавыя словы: этнас; іншародцы; Каршынская воласць; каршын; міграцыя; дварэц; варта; башкіры; Расія; Сярэдняя Азія; вотчына; земляробства; пасяленне; адміністрацыя; старшыня; служба.

KARSHIN VOLOST AND KARSHIN PEOPLE IN BASHKIRIA IN THE 18th CENTURY

D. Z. URAKOV^a, Sh. B. SHONAZAROV^a

^aNational University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek,
4 Universitetskaya Street, Tashkent 100174, Uzbekistan

Corresponding author: Sh. B. Shonazarov (suhtratsonazarov742@gmail.com)

Abstract. The history of the Karshin volost (one of the volosts of Bashkiria in the 18th century) and the question of the integration of the Karshin people into the population of Bashkiria are studied. Their native settlement, named after clan, was called «Karshin». It is likely that the ethnonym «Karshin» is derived from the word «Karshi» and denotes a palace or fortress guard. In the second third of the 18th century, there was migration of settlers from Central Asia to the south-eastern borders of Russia. The term «Karshilik» was mainly used by the population of Eastern Bukhara to refer people originating from Karshi or the Karshin oasis. The first area of settlement of the tribe was the left bank of the Belaya River. The patrimony of the Bashkirs of the Karshin clan encompassed the entire valley of the Karmasan River. After the annexation of Bashkiria to the Russian state, the latter's government secured the lands occupied by Bashkir communities based on estate law. It is believed that the Bashkirs were the first to take up agriculture. They were patrimonial landowner, whereas other peoples were settlers who did not have their own allotments and lived on Bashkir lands. The inhabitants of the Karshin volost linked the history of their settlement with the name of Sharip Mryakov. Archival documents have been preserved testifying to the service of Bashkir Karshin people in the Kasimov Khanate. It is noted that the Bashkirs were loyal to the Russian administration.

Keywords: ethnos; foreigners; Karshin volost; Karshin; migration; palace; guard; Bashkirs; Russia; Central Asia; patrimony; agriculture; settlements; administration; foreman; service.

Введение

Становление Российской империи характеризовалось наличием ряда признаков, включая огромную территорию, сформированную в ходе экспансии, многонациональную универсалистскую политику и централизованное управление. Включение в ее состав новых земель, часто населенных представителями разных этносов и религий, поставило вопрос о методах их эффективной интеграции [1, с. 71]. Политика управления этими территориями разрабатывалась исходя из особенностей конкретных народов на каждом этапе развития, в том числе учитывалась их конфессиональная принадлежность.

Политика Русского царства в отношении народов Среднего Поволжья и Южного Урала после 1552 г. перестала быть внешней и стала внутренней. После присоединения названных территорий государство столкнулось с необходимостью решения националь-

ного вопроса, что предполагало упрощение этнокультурной картины, сближение тюрок и финно-угров с восточными славянами. Главной задачей являлось завоевание лояльности неславянских народов Поволжья и Урала к новой власти [2, с. 227, 236].

Цель настоящего исследования – освещение некоторых аспектов миграции каршинцев, входивших в XVIII в. в состав башкирского народа, и их лояльности к русской администрации. Также разъясняется, какую роль каршинцы сыграли в освоении Каршинской волости Российской империи в XVIII–XIX вв., в частности в расширении его административно-политического и демографического пространства. Кроме того, внимание уделяется вопросам региональной политики в отношении инородцев России (особенно населения Поволжья и Урала), связанным с последствиями для башкирского этноса.

Историография

Согласно современным научным работам, посвященным освоению Поволжья и Урала инородцами в XVIII–XIX вв., в названное время в регионе

происходило формирование многонационального населения. Одним из важных исследований на эту тему является этнографический труд Р. Г. Кузеева

«Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения», в котором содержатся данные о родо-племенном делении башкир, местах их расселения и численности отдельных групп.

К образу сибирского инородца обращались такие современные исследователи, как М. О. Акишин, Е. В. Самрина и др. Определенные аспекты хозяйства, культуры и быта башкир затронуты в работах Б. А. Азнабаева, Р. Ф. Масагутова, И. Г. Гиниятова, Л. Ф. Тагирова, А. И. Акманова и А. И. Ногманова. Так, Б. А. Азнабаев изучил башкирское общество XVII – первой трети XVIII в. и показал его трансформацию после вхождения в 1557 г. в состав населения Русского государства, развитие полукочевого скотоводства, сочетавшегося с земледелием, охотой и бортничеством.

Следует отметить, что в настоящей работе использованы данные опубликованных документов, содер-

жащихся в многотомных изданиях «История башкирских родов», «Южноуральский археографический сборник» и т. д. Для характеристики политического и социально-экономического положения среднеазиатских ханств в рассматриваемый период были изучены исследования В. В. Бартольда, М. Е. Массона и О. А. Сухарева. Интересные материалы по истории народов представлены в фундаментальном труде «История Узбекской ССР» [3]. Также проанализированы работы Х. З. Зияева и других ученых, исследовавших историю государств Средней Азии и их отношения с иными странами. Взаимодействие оседлого и кочевого населения, которое обусловило специфику судеб населения Средней Азии, освещено в публикации Б. Х. Кармышевой. Автор охарактеризовала внутреннюю структуру племен, сохранивших традиционное членение на различные подразделения и ветви.

Основная часть

К середине XVIII в. устаревший термин «иноземцы» стал вытесняться более актуальными понятиями «иноверцы» и «ясачные». Представители имперской власти разрабатывали новую терминологию для классификации нерусских подданных, что отражало переосмысление их положения в социально-экономической и правовой системе государства и готовность к изменению их статуса на разных этапах истории [4, с. 185]. Важнейшим документом в Своде законов Российской империи, который был предназначен для обеспечения рационального управления этносами, проживавшими на территории Российской империи, стал Устав об управлении инородцев (1822), вошедший в доработанном виде в Положение об инородцах (1892) [5, с. 52]. Согласно данному документу народы разделялись на оседлых, кочевых и бродячих инородцев [6, с. 414]. Под инородцами подразумевались жившие на территории России племена, которые имели более низкий уровень экономического развития: башкиры, самоеды, калмыки и т. д. Они пользовались такой выгодной привилегией, как несение воинской повинности [7, с. 61, 63].

После завоевания Казанского ханства Русское царство было вынуждено разработать новую политику взаимодействия с коренным населением. В отношении местной знати применялся следующий подход: татарские аристократы, принявшие русское подданство, получали жалованные грамоты и сохраняли свои земли, привилегии. Необходимо отметить, что значительно изменилась этническая, этнокультурная и этноконфессиональная структура страны, резко увеличилась доля народов тюркской и финно-угорской групп в ее населении [2, с. 227]. Во многих

исследованиях указано, что башкиры представляли собой не этническую, а сословную группу, возникшую после вхождения Южного Урала в состав Русского государства. Они якобы являлись «татарами Беловоложского улуса», «татаризированными» финно-уграми (иштяками), «ногайскими татарами»¹.

Исторически башкирский народ делился на более чем 40 территориально-клановых групп, каждая из которых, по преданию, вела свое происхождение от общего предка. Р. Г. Кузеев подчеркнул, что в башкирские общины нередко вливались группы не только из башкирских племен, но и из других этнических образований [8, с. 453]. В составе башкир выделялись юго-восточная, северо-восточная, северо-западная и юго-западная этнографические группы. В свою очередь, северо-западная этнографическая группа разделялась на икскую, нижнебельскую и северную подгруппы. В икскую подгруппу входили такие племена, как байлар, буляр, иректы и юрми, в нижнебельскую подгруппу – племена гирей, елан, ельдяк, еней, канглы, каршин, кыргызы². О происхождении ряда башкирских родов написал ученый А.-З. Валиди в статье «Среди бурзянских башкир», опубликованной в 1913 г. на страницах журнала «Шура»: «Среди зафиксированных башкирских волостей (племен. – Д. У., III. III.) Мин, Табын, Кыпчак, Тамъян, Миркит, Катар, Гирей, Тазлар, Кыргыз являются родами тюркского происхождения. Однако другие – Арлар, Саралы, Уваныш, Кувакан, Каршин и другие им подобные – финно-угорского происхождения» (цит. по [9, с. 14]).

По мнению ученого Р. Г. Кузеева, башкиры-каршинцы были частью «кыпчакской миграционной волны (кыпсак-токсоба, сэнким, карый-кыпсак, бушман, канглы, каршин, кыргызы и др.)» (цит. по [9, с. 16]),

¹Башкиры Чекмагушевского района Республики Башкортостан : науч. справ. / С. И. Хамидуллин [и др.]. Уфа : Центр изучения истор. наследия Башкортостана «Шежере», 2019. С. 11.

²Народы Башкортостана : энциклопедия / ред. Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа : Башк. энцикл., 2014. С. 55.

которая в период монгольского нашествия вошла в состав башкирского народа. Этнограф сделал вывод о таком происхождении каршинцев, полагая, что их предки являлись выходцами из Дешт-и-Кипчака, которых монголы вытеснили на территорию Башкирии в XIII в. Он считал, что этноним «каршин» образовался от корня «карши» и отыменного суффикса -н- и что каршинцы имеют тюркское, а не финно-угорское происхождение [9, с. 15–16; 10, с. 27; 11, с. 209].

В конце XVIII в. насчитывался 121 башкирский род, а также 1693 родовых подразделения. Более 10 % родовых подразделений башкир, а именно 173 подразделения, были образованы выходцами из калмыков, татар, ногаев, чувашей, мари, а также из народов Средней Азии [12, с. 136]. Таким подразделением был род Каршин, давший название воности [9, с. 14].

В состав рода Каршин входили кадрай-каршин, карга-каршин и сатлыган-каршин. Эти тьюбы восходят к монгольским и тюркским племенам Алтая и Центральной Азии³. Вероятно, наименование рода появилось после завоевания Мавераннахра Чингисханом. В правление Кебек-хана столица Чагатайского улуса была перенесена из долины р. Или (Восточный Туркестан) на территорию оседлых районов Мавераннахра, где в низовьях р. Кашкадарья хан построил дворец [13, с. 17]. Нахшеб (Несеф) – город, в котором был возведен этот дворец, – получил название «Карши», восходящее к слову монгольского происхождения «харш», что означает «дворец, особняк»⁴ [14, с. 156; 15, с. 450]. Согласно Махмуду ал-Кашгари (XI в.) слово «карши» означает «шахский дворец» [16, с. 347]. Об упомянутом выше городе Хафиз-и Абру сообщил следующее: «Город имеет небольшую цитадель; соборная мечеть находится внутри цитадели. Здесь имеется гробница царя Кебека. Здания выстроены из глины, кроме соборной мечети и салтанских гробниц, выстроенных из жженого кирпича с глазурью. <...> ...Царь Кебек выстроил здесь дворец, от которого город получил такое название» (перевод наш. – Д. У., III. III.) (цит. по [17, с. 213]). Крепость Карши построена во времена правления Кебек-хана и расположена в 9 км к юго-западу от Несефа, на левобережье р. Кашкадарья (в 2 км от ее русла). Согласно данным археологических раскопок крепость имела квадратную форму, ее размер составлял 630×630 м, с каждой стороны располагались ворота [18, с. 72]. В XV в. Карши называли Нахшебом кешским. Историки XV и XVI вв. употребляли три названия города. Говоря о каршинской крепости, Бабур упомянул, что Бакы-тархан, вступив в крепость, вырвал Карши из рук узбеков. Мухаммад Салих, историк Шейбани-хана, современника Бабура,

указывал, что Тархан вступил в Карши и укрепился там. Из этих сообщений можно заключить, что в начале XVI в. крепость продолжала быть действующим укреплением [19, с. 204–205].

Существует предположение, что этноним «каршин» является производным от слова «карши» и обозначает крепостную стражу [20, с. 10]. Так, один из кварталов современного Карши, располагающийся вокруг рынка старой части города, называется «Чакар» [21, с. 44]. Этот топоним образован сочетанием согдийских слов *sak'ir* – феодальная военная дружина, слуга и *diza* – крепость, т. е. он обозначает «крепость для феодальной дружины». Чакиры составляли особое строевое войско – личную гвардию, дружину среднеазиатских владетелей [22, с. 48]. Термин «чакиры» мог означать то же, что и слова «балыксы» и «иректе», а именно «защитники укрепленных родов» [8, с. 343].

В XIII–XVI вв. каршинцы несли службу в различных чингизидских государствах: улусе Джучи (Золотой Орде), Касимовском и Казанском ханствах. После вхождения в состав населения Русского государства служилые люди из числа каршинцев приняли участие в азовских, шведском, прусском и польском походах русской армии, а также в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе 1813–1814 гг. [9, с. 70].

Таким образом, с мусульманской эпохи до настоящего времени в долине р. Кашкадарья было два наиболее крупных города – Кеш (современный Шахрисабз) и Нахшеб (Несеф, Карши), который существовал в западной части Бухарского ханства [19, с. 197–198].

Во второй трети XVIII в. имели место миграционные волны выходцев из Средней Азии (тезиков). Они перемещались в юго-восточные регионы России, что, вероятно, было обусловлено вторжением персов Надир-шаха [23, с. 57]. В 1745 г. Сапар Осипов писал, что представители башкирского народа малыми группами издревле приходили из разных земель, а именно из Хивы, Бухары, Ташкента, Бедкешента, Самарканда и т. д. [12, с. 154].

В конце XIX – начале XX в. в Восточной Бухаре выделялись следующие прослойки оседлого узбекского населения, не имевшего родо-племенного деления: чагатаи, ходжа и так называемые каршилики (каршинцы), т. е. потомки домонгольских тюркских племен Мавераннахра и тюрко-монгольских племен периода завоевания и владычества монголов. Местное население именovalo каршиликами не только выходцев из Карши или Каршинского оазиса (хотя большинство из них имели именно такое происхождение), но и бухарцев, ургутцев, а также всех, кто приходил из западной части Бухарского ханства [24, с. 66–72].

³Каршин [Электронный ресурс] // Энциклопедия Башкортостана. URL: <http://wiki02.ru/encyclopedia/karshin/t/6607> (дата обращения: 09.09.2025).

⁴Кручин Ю. Большой современный русско-монгольский – монгольско-русский словарь. М.: АСТ, 2006. С. 848.

Родовое деление башкирского народа было основой административно-территориального деления исторического Башкортостана. В русских письменных источниках он упоминался под названиями «земля Башкирская», «Беловоложская земля», «Башкирь», «Башкирская орда», «Башкирда», а также «Башкирия»⁵. Раньше долина р. Кармасан и ее притоки (Каряка, Сикиязка и др.) являлись частью вотчинных земель башкир из рода Каршин [20, с. 6]. Род Каршин, как было отмечено выше, относился к северо-западной группе башкирского народа, селения которой сегодня расположены на территории Кушнаренковского, Уфимского, Благоварского, Чишминского, Благовещенского и Мишкинского районов Башкортостана [9, с. 70]. В прошлом Кушнаренковский район занимали канлинская (калышнская), каршинская и дуванейская башкирские волости. Первым районом расселения каршинцев считается левобережье р. Белой [25, с. 366, 371]. В XIII–XIV вв. каршинцы расселились в бассейне р. Кармасан, где они стали соседями с племенами мин, дуваней и канглы. После присоединения Башкортостана к Русскому государству (середина XVI в.) вотчинные земли племени составили Каршинскую волость Казанской дороги. В середине XVIII в. в Каршинской волости насчитывалось 77 дворов. В конце XVIII–XIX вв. территория расселения каршинцев входила в Уфимский уезд, в период кантонной системы управления (1840-е гг.) – в восьмой башкирский кантон⁶.

Появление Каршинской волости связано с именем касимовского хана Салтыгана. Из его рода вышли все старшины этой волости [26, с. 298–299]. Они же были и главными старшинами Казанской дороги [27, с. 353].

Следует отметить, что до конца XVIII в. Башкирия делилась на четыре дороги (области). Западная от Уфы часть Башкирии называлась Казанской дорогой, южная – Ногайской дорогой, восточная – Сибирской дорогой, северная – Осинской дорогой. Каждая дорога делилась на административные волости, образованные из территорий родов и племен [25, с. 7]. Башкирские волости создавались на основе вотчинных земель отдельных родов и племен, возглавлялись старостами, а затем, с 1736 г., старшинами⁷. И. К. Кирилов писал: «...башкирцы до российского подданства разделялись по родам, что с начала российского владения названо волости...» (цит. по [28, с. 11]). Б. А. Азнабаев отметил: «Башкирские волости могли создаваться российской администрацией в новых территориальных границах для решения конкретных военных, административных

или фискальных задач. В подобных ситуациях этническая гомогенность состава новой административной единицы могла учитываться властями только по большому счету. В новую волость, которую сами башкиры называли родом, нередко входили представители не только различных родов, но и иных этносов» (цит. по [29, с. 312]).

Тезики стали селиться не в городах, а в волостях. Со временем бухарские и хивинские тезики становились башкирами. Их быстрой ассимиляции башкирами способствовали языковая близость и единоверие. В 1730-х гг. на территории Уфимской провинции было три деревни, в которых жили тезики, пожалованные за различные службы. Они обладали всеми преимуществами башкирского сословия, в том числе освобождением от таможенных пошлин. В начале XIX в. эти тезики полностью слились с башкирами, сохранив лишь особые названия родов и деревень [12, с. 107].

Во главе юрта стояли старшины, непосредственно подчинявшиеся кантонному начальнику. Они назначались управляющим кантоном из числа нескольких кандидатур, выбранных чиновниками от каждого юрта [30, с. 142]. В середине XVIII в. в Оренбургской губернии насчитывалось 88 башкирских старшин и старшинских помощников. Однако почти все претензии со стороны башкирского населения Уфимской провинции были обращены к старшине Каршинской волости. В 1740 г. в Уфимской провинции существовало 58 башкирских волостей [12, с. 111, 184].

После добровольного присоединения башкир к населению Русского государства верховным собственником их земель стало государство в лице русского царя, который сохранил большую часть пахенных земель и иных угодий за прежними владельцами⁸ [31, с. 149]. Башкиры считали, что их вотчинное право на землю, которым, кроме них, не владел ни один народ в Российской империи, являлось старым правом, существовавшим еще в период Золотой Орды [32, с. 112]. Целью Русского государства была не цивилизация аборигенных народов, а оперативное создание управленческих единиц (волостей) с юридически закрепленной за ними землей на условиях вотчинного права⁹.

О незначительности башкирской запашки в XVII – первой половине XVIII в. свидетельствуют акты припуска в башкирские вотчины, согласно которым припущенникам разрешалось строить мельницы на башкирской земле. В этих актах особо оговаривался пункт, по которому башкиры всей волости имели право молотить на мельнице хлеб без очереди. Один

⁵Народы Башкортостана... 528 с.

⁶Каршин [Электронный ресурс] // Энциклопедия Башкортостана. URL: <http://wiki02.ru/encyclopedia/karshin/t/6607> (дата обращения: 09.09.2025).

⁷Народы Башкортостана... С. 15.

⁸Акманов А. И. Аграрная политика правительства и землевладение башкирских общин во второй половине XVI – начале XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 2002. С. 26.

⁹Там же. С. 27.

из подобных актов касался башкир Каршинской волости Казанской дороги, которая в начале XVIII в. считалась одной из самых развитых в отношении земледелия [12, с. 114].

Свидетельством развития земледелия в регионе являлось увеличение количества мельниц. В западной части Башкирии работало 75 % мельниц¹⁰. По договорной записи от 10 марта 1715 г. Умир Кошуков, Нагайбак Текеляков, Колчура Бердыкеев и другие башкиры Каршинской волости припустили своих одноволощан (Мряка Султукова, Акбаша Иликеева, Рахмангула Тохтарова, кроме их братьев и родственников) в спорную вотчину с башкиром той же волости Азимбетом Сартовым «поселитца им дворами по Кармасану и по другим речкам, где похотят, пашня пахать и сено косить и всякими угодья владеть обща с ними, Умиром и Нагайбаком, кроме бортных ухажьев, в лесу всякого звери и птицу и в озерах и в речках рыбу ловить и где похотят, мельницы строить на речках»¹¹ (цит. по [25, с. 373]).

Из немногочисленных письменных источников известно, что в XVI в. представители башкирского рода Каршин служили в Касимовском ханстве, которое было основано Касим-ханом в 1452 г. на землях Мещёры, располагавшейся на территории современной Рязанской области и Мордовии [9, с. 12]. Касимовское ханство находилось в вассальной зависимости от Русского государства, т. е. каршинцы поступили на русскую службу еще до присоединения Башкирии к указанному государству [33, с. 109].

Показывая развитие феодальных отношений в XVII–XVIII вв. в башкирском обществе, исследователи ссылаются на пример старшины Казанской дороги Каршинской волости Шарипа Мрякова. Он был сыном Мряка – муллы Султукова, известного по опубликованному источнику 1711 г. С именем Мряка связано поселение Мряково, которое было коренным поселением каршинцев и ранее называлось «Карши», «Каршин», «Шарипово». Шарип Мряков принял участие в подавлении восстания башкир

1736–1739 гг. [25, с. 373]. Он 32 дня находился с генералом Л. Я. Саймоновым в походе против повстанцев. В 1738 г. генерал остановился с полками в Мряково. Они содержались за счет жителей близлежащих сел. Оренбургский губернатор И. И. Неплюев отмечал, что «чрез главные старшины Казанской дороги Шарипа Мрякова руки сот с пять побито» (цит. по [25, с. 373]). В 1700 г. каршинцы рассказывали, что «они были на... великого государя службе под Азовом и в Донском походе и подводы гоняют беспрестанно денно и ночью стоят на большой Казанской дороге» [9, с. 20].

Н. Ф. Демидова отметила, что Шарип Мряков, будучи старшиной Каршинской волости Казанской дороги, использовал труд разоренных общинников для обработки земли [32, с. 76]. Основная часть каршинцев покинула родную волость по причине неприязненных отношений со старшиной [12, с. 171]. Таким образом, в середине XVIII в. численность каршинцев уменьшилась почти в десять раз. Шарип Мряков жадной наживы отталкивал от себя не только простых общинников, но и своих ближайших сослуживцев и одновотчинников в лице таких старшин и сотников Каршинской волости, как Аракай Акбашев, Якуп Аслаев, Мамяк Катиков и др. [9, с. 22]. Он занимался ростовщичеством, притеснял людей, которые отрабатывали долг в его доме. Кроме того, старшина участвовал в продаже жен и детей участников восстания офицерам, помещикам и чиновникам. Защищая свою жизнь, в 1742 г. Шарип Мряков добился от Л. Я. Саймонова назначения двух драгун для охраны его дома и защиты семьи. Однако эти действия не стали спасением от заслуженного наказания. Указом Правительствующего сената от 31 марта 1744 г. он был отстранен от старшинства [25, с. 185, 373].

В начале XIX в. башкиры стали одним из наиболее лояльных к России мусульманских народов. Они сыграли важную роль в присоединении Казахстана и Средней Азии к этому государству [12, с. 252].

Заключение

Начиная с эпохи Ивана IV и практически до конца существования Российской империи политика в отношении инородцев Поволжья и Урала была направлена на унификацию этнокультурного состава с целью сблизить тюркские и финно-угорские народы с восточными славянами. После завоевания Казанского ханства Русское государство начало проводить внутреннюю политику в отношении народов Среднего Поволжья и Южного Урала.

Башкирский народ состоял из более чем 40 территориально-клановых объединений. Одним из таких родов был род Каршин, от которого получила

название волость. Считается, что род произошел от монгольских и тюркских племен, населявших Алтай и Центральную Азию, а его наименование появилось после завоеваний Мавераннахра Чингисханом.

В 1730–1760 гг. в юго-восточные регионы России прибывали выходцы из Средней Азии – тезики. Примером основанного ими поселения является деревня Сарт-Наурузово. Об этом свидетельствует и Сапар Осипов. В 1745 г. он говорил о том, что башкиры издревле приходили из разных земель, включая Хиву, Бухару, Ташкент и другие города Средней Азии. Тезики стали селиться не в городе, а в башкирских

¹⁰Хадимуллин Р. Р. Социально-экономическое развитие западных башкир в XVII – первой половине XIX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Уфа, 2007. С. 19.

¹¹Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

волостях. Со временем бухарские и хивинские тезики ассимилировались башкирами. Важно отметить, что состав волостей, которые сами башкиры часто называли родами, мог быть неоднородным и включать представителей разных родов и даже других этносов. Ассимиляции способствовали их языковая близость и общность религии.

В XVI в. башкиры из рода Каршин служили в Касимовском ханстве, находившемся в вассальной зависимости от Русского государства, т. е. каршинцы

поступили на русскую службу задолго до присоединения Башкирии к названному государству. В 1700 г. каршинцы заявляли о своей верной службе под Азовом и в Донском походе, а также об обеспечении логистики на Казанской дороге. Однако в XVIII в. представитель рода Каршин Шарип Мряков принимал участие в подавлении башкирского восстания 1736–1739 гг., сотрудничав с карательными войсками. Тем самым он снискал негативную память о себе и был наказан со стороны русского правительства.

Библиографические ссылки

1. Семенова НЛ. Принципы региональной политики России в конце XVIII – первой половине XIX вв. (на материале Оренбургского края). В: Моргунов КА. *Этнокультурный и межконфессиональный диалог в урало-поволжском полиэтническом пространстве: исторический опыт и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции; 16 декабря 2011 г.; Оренбург, Россия*. Оренбург: Издательский центр Оренбургского государственного аграрного университета; 2012. с. 71–76.
2. Атнагулов ИР. Новая этническая карта Среднего Поволжья и Южного Приуралья как результат государственной политики в XVI–XIX вв. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2020;3:227–236. DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-227-236.
3. Гулямов ЯГ, редактор. *История Узбекской ССР. Том 1*. Ташкент: Фан; 1967. 722 с.
4. Конев АЮ. Между этничностью и сословностью: ясачное население Западной Сибири в XVII–XIX вв. В: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан. *Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Материалы Всероссийской научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.»; 16 марта 2021 г.; Казань, Татарстан. Выпуск 1*. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан; 2021. с. 180–193. EDN: XAWUIK.
5. Бакиева ГТ. *Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.)*. Миненко НА, редактор. Тюмень: Институт Тюменского научного центра Сибирского отделения АН; 2003. 258 с.
6. Самрина ЕВ. К вопросу о сословии «иностранцев» в социальной структуре Российской империи. В: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан. *Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Материалы Всероссийской научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.»; 16 марта 2021 г.; Казань, Татарстан. Выпуск 1*. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан; 2021. с. 412–421. EDN: FRIPEF.
7. Акишин МО. Этнические общности Сибири в истории российского права: проблема дефиниций. *Юридическая техника*. 2016;10:60–67. EDN: VLKPMZ.
8. Кузеев РГ. *Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения*. Москва: Наука; 1974. 572 с.
9. Хамидуллин СИ, Юсупов ЮМ, Асылгузин РР, Шайхеев РР, Саитбатталов ИР, Зайнуллин АМ и др. *История башкирских родов. Каршин. Том 15*. Хамидуллин СИ, Гарипова ФХ, редакторы. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат; 2015. 228 с.
10. Кузеев РГ. Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности. В: Бромлей ЮВ, Кузеев РГ, Бишиев АГ, Бикбулатов НВ, Жоанко ТА, Мажитов НА и др., редакторы. *Археология и этнография Башкирии. Материалы научной сессии по этногенезу башкир; 13–15 мая 1969 г.; Уфа, Россия. Том 4*. Уфа: Отделение истории Башкирского филиала АН СССР; 1971. с. 17–29.
11. Шоназаров ШБ. К этимологии топонима Карши. В: Максудов ФА, Анарбаев АА, Алимова ДА, Бабаджанов БМ, Бабаяров ГБ, Пуговкина ОГ и др., редакторы. *История материальной культуры Центральной Азии. Материалы II Международной научной конференции, посвященной 85-летию профессора Рустама Хамидовича Сулейманова; 23 октября 2024 г.; Ташкент, Узбекистан*. Ташкент: Фан; 2024. с. 205–213.
12. Азнабаев БА. *Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII вв.* Уфа: Башкирский государственный университет; 2016. 370 с. EDN: WIXDTT.
13. Султанов ТИ. *Тимур и его империя*. Алматы: Мектеп; 2004. 146 с. (Слово седьмое).
14. Султанов ТИ. *Чингисхан и Чингисиды. Судьба и власть*. Москва: АСТ; 2006. 445 с.
15. Бартольд ВВ. *Сочинения. Том 3, Работы по исторической географии*. Беленицкий АМ, Бодырев АН, Брегель ЮЭ, Винников ИН, Гафуров ВГ, Кононов АН и др., редакторы. Москва: Наука; 1965. 713 с.
16. ал-Кашгари М. *Диван лугат ат-турк (свод тюркских слов). Том 1*. Кормушин ИВ, редактор; Рустамов АР, переводчик. Москва: Восточная литература; 2010. 461 с. (Памятники письменности Востока. СХХVIII).
17. Буриев О. Нахшаб – Карши: источники периода Темуридов. В: Гулямов СС, Зайниев Н, Алимова ДА, Сулейманов РХ, Бурятов ЮФ, Аширов АА и др., редакторы. *Роль города Карши в истории мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции, посвященной 2700-летию юбилею города Карши; 27 октября 2006 г.; Карши, Узбекистан*. Ташкент: Фан; 2006. с. 210–214 (на узб.).
18. Массон МЕ. *Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен: из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (1965–1966 гг.)*. Шпак АА, редактор. Ташкент: Фан; 1973. 102 с.
19. Зимин ЛА. Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности. В: Шмидт АЭ, Бетгер ЕК, редакторы. *В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели*. Ташкент: Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами; 1927. с. 197–214.

20. Асылгужин РР, Юсупов ЮМ, Галлямов ИВ, Шайхеев РР. *Без башкортлар. Кушнаренокский район*. Уфа: Институт стратегических исследований Республики Башкортостан; 2019. 48 с. (В помощь краеведу).
21. Шоназаров ШБ. Археологическое изучение средневековых могильников Каршинского оазиса. *Вопросы истории, археологии и этнологии Центральной Азии*. 2018;3:39–47.
22. Смирнова ОИ. *Очерки из истории Согда*. Москва: Наука; 1970. 288 с.
23. Дубовиков АМ. Полиэтнический и поликонфессиональный характер уральского (яицкого) казачества. В: Моргунов КА. *Этнокультурный и межконфессиональный диалог в урало-поволжском полиэтничном пространстве: исторический опыт и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции; 16 декабря 2011 г.; Оренбург, Россия*. Оренбург: Издательский центр Оренбургского государственного аграрного университета; 2012. с. 56–62.
24. Кармышева БХ. *Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным)*. Москва: Наука; 1976. 326 с.
25. Асфандияров АЗ. *История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий*. Уфа: Китап; 2009. 744 с.
26. Кузеев РГ, Васильев СМ, Гвоздиков ИМ, Иванков ВП, Сайранов ХМ, Усманов ХМ и др., редакторы. *Южноуральский археографический сборник. Выпуск 2*. Уфа: Башкирский филиал АН СССР; 1976. 450 с.
27. Ахунов МГ. Касимовские татары в Приуралье. В: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан. *Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Материалы Всероссийской научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.»; 16 марта 2021 г.; Казань, Татарстан. Выпуск 1*. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан; 2021. с. 343–357. EDN: JNWTTL.
28. Хамидуллин СИ, Юсупов ЮМ, Асылгужин РР, Шайхеев РР, Саитбатталов ИР, Волков ВГ и др. *История башкирских родов. Елан. Том 9, часть 1*. Хамидуллин СИ, Гарипова ФХ, редакторы. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат; 2015. 720 с.
29. Гиниятов ИГ. К вопросу башкирского вотчинного землевладения. В: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан. *Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Материалы Всероссийской научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.»; 16 марта 2021 г.; Казань, Татарстан. Выпуск 1*. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан; 2021. с. 300–329. EDN: LARYUH.
30. Тагирова ЛФ. Повседневность башкирского чиновничества первой половины XIX в.: воссоздание картины хозяйственно-бытового уклада. *Историческая этнология*. 2017;2(1):140–154.
31. Ногманов АИ. Российское законодательство XVII в. о землевладении татарского населения Среднего Поволжья. В: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан. *Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Материалы Всероссийской научной конференции «Формирование и развитие этносоциальных групп народов Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XIX вв.»; 16 марта 2021 г.; Казань, Татарстан. Выпуск 1*. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан; 2021. с. 148–160. EDN: UPVSQK.
32. Демидова НФ. *Башкирское восстание 1735–1736 гг.* [диссертация]. Москва: Институт истории АН СССР; 1955. 207 с.
33. Мухамедьяров ШФ. Тарханский ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. В: Александров ВА, Белявский МТ, Бем ЮО, Муравьев АВ, Шмидт СО. *Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова*. Москва: Наука; 1967. с. 104–109.

Получена 27.05.2025 / исправлена 07.10.2025 / принята 07.10.2025.
Received 27.05.2025 / revised 07.10.2025 / accepted 07.10.2025.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС В 1812–1842 гг.

Э. Г. МИНАСЯН¹⁾, В. Г. ТУНЯН²⁾,
В. И. МЕНЬКОВСКИЙ³⁾, М. В. ОГАННИСЯН¹⁾, А. Э. МИНАСЯН¹⁾

¹⁾Ереванский государственный университет, ул. А. Манукяна, 1, 0025, г. Ереван, Армения

²⁾Институт истории НАН Республики Армения, ул. Маршала Баграмяна, 24/4, 0019, г. Ереван, Армения

³⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. В первой половине XIX в. наблюдалось обострение восточного вопроса, затрагивавшего интересы европейских держав. В этом контексте значимость имела позиция Российской империи относительно безопасности владений Османской империи. Отношения империй в 1812–1842 гг. имели ситуативный характер, что отражалось в ряде договоров. Отличительной чертой Бухарестского мирного договора, подписанного в 1812 г., являлось соблюдение Турцией ситуативного нейтралитета в целях выжидания итогов похода Наполеона на Россию. Адрианопольский мирный договор был заключен в 1829 г. для решения греческого вопроса и достижения ряда преимуществ, таких как обеспечение безопасности закавказских владений и сохранение целостности Османской империи. Сближение России с Турцией стимулировало подписание в 1833 г. союзно-оборонительного Ункяр-Искелесийского договора, затрагивавшего интересы западных стран. Несмотря на умеренность России в требованиях, желание сохранить Османскую империю и не допустить создания нового имперского образования на Ближнем Востоке, государства не добились полноценного взаимодействия. Решающее влияние на характер русско-турецких отношений имела Англия. По этой причине восточный вопрос стал предметом политического торга, инструментарием для получения тех или иных прерогатив и проведения экспансионистской политики со стороны западных держав. Такой подход затягивал решение восточного вопроса, что обостряло международные отношения, но до определенного момента поддерживало уже ослабленную Османскую империю. Согласно конвенциям, заключенным в 1840–1841 гг. в Лондоне, Ункяр-Искелесийский договор был расторгнут, черноморские проливы Босфор и Дарданеллы перешли под контроль европейских государств.

Образец цитирования:

Минасян ЭГ, Тунян ВГ, Меньковский ВИ, Оганнисян МВ, Минасян АЭ. Восточный вопрос в 1812–1842 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2025;4:33–40.
EDN: MRUQVF

For citation:

Minasyan EG, Tunyan VG, Menkouski VI, Hovhannisyan MV, Minasyan AE. The Eastern question in 1812–1842. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2025;4:33–40. Russian.
EDN: MRUQVF

Авторы:

Эдик Гарегинович Минасян – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории Армении исторического факультета.

Валерий Георгиевич Тунян – доктор исторических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела истории армянского вопроса и геноцида армян.

Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета.

Мери Вазгеновна Оганнисян – кандидат филологических наук, доцент; ученый секретарь.

Аревик Эдиговна Минасян – преподаватель кафедры романской филологии факультета европейских языков и коммуникации.

Authors:

Edik G. Minasyan, doctor of science (history), full professor; head of the department of history of Armenia, faculty of history.

eminasyan@ysu.am

<https://orcid.org/0000-0003-3206-6103>

Valery G. Tunyan, doctor of science (history), full professor; leading researcher at the department of Armenian cause and Armenian genocide.

tunyanvalery@rambler.ru

<https://orcid.org/0009-0001-0274-5132>

Viachaslau I. Menkouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history.

vmenkouski@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3417-4589>

Meri V. Hovhannisyan, PhD (philology), docent; scientific secretary.

meri.hovhannisyan@ysu.am

<https://orcid.org/0000-0002-7467-7087>

Arevik E. Minasyan, lecturer at the department of Romance philology, faculty of European languages and communication.

minasyanarevik@ysu.am

<https://orcid.org/0009-0002-9901-8659>

Ключевые слова: восточный вопрос; интересы; великие державы; черноморские проливы; модернизация; межгосударственные отношения.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по высшему образованию и науке Министерства образования, науки, культуры и спорта Республики Армения в рамках научного проекта 21Т-6А269 «Отражение турецко-армянской войны 1920 г. в армянской прессе 1920–1940 гг.».

УСХОДНЯЕ ПЫТАННЕ Ў 1812–1842 гг.

Э. Г. МИНАСЯН^{1*}, В. Г. ТУНЯН^{2*},
В. І. МЕНЬКОЎСКІ^{3*}, М. В. АГАНІСЯН^{1*}, А. Э. МИНАСЯН^{1*}

^{1*} Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. А. Манукяна, 1, 0025, г. Ерэван, Армения

^{2*} Інстытут гісторыі НАН Рэспублікі Армения, вул. Маршала Баграмяна, 24/4, 0019, г. Ерэван, Армения

^{3*} Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. У першай палове XIX ст. назіралася абвастранне ўсходняга пытання, якое закранала інтарэсы еўрапейскіх дзяржаў. У гэтым кантэксце значнасць мела пазіцыя Расійскай імперыі адносна бяспекі ўладанняў Асманскай імперыі. Адносіны імперый у 1812–1842 гг. мелі сітуацыйны характар, што адлюстроўвалася ў шэрагу дагавораў. Адметнай рысай Бухарэскага мірнага дагавора, падпісанага ў 1812 г., з'яўлялася захаванне Турцыяй сітуацыйнага нейтралітэту ў мэтах чакання вынікаў паходу Напалеона на Расію. Адрыянопальскі мірны дагавор быў заключаны ў 1829 г. для вырашэння грэчаскага пытання і дасягнення шэрага пераваг, такіх як захаванне бяспекі закаўказскіх уладанняў і захаванне цэласнасці Асманскай імперыі. Збліжэнне Расіі з Турцыяй стымулявала падпісанне ў 1833 г. саюза-абарончага Ункяр-Іскелесійскага дагавора, які закранаў інтарэсы заходніх краін. Нягледзячы на ўмеранасць Расіі ў патрабаваннях, жаданне захаваць Асманскую імперыю і не дапусціць стварэння новага імперскага фарміравання на Блізкім Усходзе, дзяржавы не дабіліся паўнацэннага ўзаемадзеяння. Вырашальны ўплыў на характар руска-турэцкіх адносін мела Англія. Па гэтай прычыне ўсходняе пытанне стала прадметам палітычнага торгу, інструментарыем для атрымання тых ці іншых прэрагатыў і правядзення экспансіянісцкай палітыкі з боку заходніх дзяржаў. Такі падыход зацягваў вырашэнне ўсходняга пытання, што абвастрала міжнародныя адносіны, але да пэўнага моманту падтрымлівала ўжо аслабленую Асманскую імперыю. Згодна з канвенцыямі, заключенымі ў 1840–1841 гг. у Лондане, Ункяр-Іскелесійскі дагавор быў скасаваны, чарнаморскія пралівы Басфор і Дарданэлы перайшлі пад кантроль еўрапейскіх дзяржаў.

Ключавыя словы: усходняе пытанне; інтарэсы; вялікія дзяржавы; чарнаморскія пралівы; мадэрнізацыя; міждзяржаўныя адносіны.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Камітэта па вышэйшай адукацыі і навучы Міністэрства адукацыі, навукі, культуры і спорту Рэспублікі Армения ў рамках навуковага праекта 21Т-6А269 «Адлюстраванне турэцка-армянскай вайны 1920 г. у армянскай прэсе 1920–1940 гг.».

THE EASTERN QUESTION IN 1812–1842

E. G. MINASYAN^a, V. G. TUNYAN^b,
V. I. MENKOUSKI^c, M. V. HOVHANNISYAN^a, A. E. MINASYAN^a

^aYerevan State University, 1 A. Manukyan Street, Yerevan 0025, Armenia

^bInstitute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
24/4 Marshala Bagramyan, Yerevan 0019, Armenia

^cBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. I. Menkouski (vmenkouski@gmail.com)

Abstract. In the first half of the 19th century, there was an intensification of the Eastern question, which affected the interests of European powers. In this context, the position of the Russian Empire regarding the security of the Ottoman Empire's territories was significant. The relations between the empires from 1812 to 1842 were situational in nature, as reflected in a number of treaties. A distinctive feature of the Treaty of Bucharest, signed in 1812, was Turkey's observance of situational neutrality in order to await the outcome of Napoleon's campaign against Russia. The Treaty of Adrianople was concluded in 1829 to resolve the Greek question and achieve a number of advantages, such as ensuring the security of the Transcaucasian territories and preserving the integrity of the Ottoman Empire. The rapprochement between Russia and Turkey stimulated the signing of the defensive alliance Treaty of Unkiar Skelessi in 1833, which affected the interests of Western countries.

Despite Russia's moderation in demands, the desire to preserve the Ottoman Empire and prevent the creation of a new imperial entity in the Middle East, the states failed to achieve full cooperation. England had a decisive influence on the nature of Russian-Turkish relations. For this reason, the Eastern question became a subject of political bargaining, a tool for obtaining various prerogatives and conducting expansionist policies by the Western powers. This approach delayed the resolution of the Eastern question, which exacerbated international relations but, up to a certain point, supported the already weakened Ottoman Empire. According to the conventions concluded in London in 1840–1841, the Treaty of Unkiar Skelessi was annulled, and the Black Sea straits of the Bosphorus and Dardanelles came under the control of European states.

Keywords: Eastern question; interests; great powers; Black Sea straits; modernisation; interstate relations.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Committee on Higher Education and Science of the Ministry of Education, Science, Culture and Sport of the Republic of Armenia within the framework of the scientific project 21T-6A269 «The reflection of the Turkish-Armenian war of 1920 in the Armenian press of 1920–1940».

Введение

Исследование восточного вопроса в 1812–1842 гг. предполагает проведение анализа сложной проблемы с учетом ряда явлений, а также степени ее изученности. Авторы настоящей работы поставили задачу дать представление о борьбе великих держав за контролирование черноморских проливов Босфор и Дарданеллы. Для ее выполнения необходимо осветить следующие аспекты:

- значимость черноморских проливов для политики ведущих держав в Причерноморье и на Ближнем Востоке;
- межгосударственные отношения за доминирующие позиции в международной политике [1, с. 212–213];

- борьбу различных держав за подчинение африканских и азиатских территорий Османской империи [2, с. 4];

- отношения Российской и Османской империй в 1812–1842 гг., которые получили отражение в ряде договоров;

- национально-освободительное движение народов, подчиненных Османской империи;

- воздействие иерархии политических и экономических отношений на позицию России [3, с. 6];

- состояние предшествующих отношений Российской империи и европейских держав [4, с. 63, 65; 5, с. 3].

Ситуативные отношения

Бухарестский мирный договор, заключенный 16 мая 1812 г., является уникальным соглашением в контексте русско-турецких отношений. С позиции интересов Российской империи он имел дружественный характер, поскольку согласно ему был обеспечен нейтралитет Османской империи за 47 дней до начала Отечественной войны 1812 г., о чем русская внешняя разведка оперативно ставила в известность высшее руководство. Россия выводила из конфронтации 55-тысячную Дунайскую армию, которой предстояло вступить в боевые действия против французов. Страна приобрела право на торговое судоходство по р. Дунай и на военное судоходство по территории от Черного моря до р. Прут. Сербия получила внутреннее самоуправление в рамках Османской империи, Россия закрепила контроль в Западном

Закавказье. С скромные требования России диктовались желанием царя Александра I сохранить Турцию в составе европейских держав для соблюдения геополитического баланса сил.

С точки зрения интересов Османской империи Бухарестский мирный договор означал ситуативный нейтралитет выжидательного характера, поскольку государству необходимо было оценить итоги предстоящей русско-французской войны, не допустить создания послевоенного союза Санкт-Петербурга и Парижа против него [6, с. 82–83]. В ходе переговоров великий визирь Решид Ахмед-паша заявил: «Спасая вас, мы спасаем самих себя. Если вы погибнете, то и мы станем неизбежным образом жертвой Наполеона. И я хочу предотвратить это двойное несчастье»¹.

Межгосударственные отношения

В ходе осеннего заседания Венского конгресса был обсужден вопрос политического устройства Европы, в результате чего у греков появились надежды на воссоздание Эллады при содействии Александра I [7, с. 780–782]. Россия поддержала восстание в Греции в марте 1821 г., организовав комитеты помощи

грекам (Александр I лично внес 0,5 млн руб.) [8, с. 37]. Данное обстоятельство основывалось на том, что, подобно уязвимой точке державы Наполеона – разнородности присоединенных территорий, слабым местом Османской империи являлась ее европейская часть – Греция [9, с. 57]. Исходя из принципа

¹Отд. письм. источников Гос. ист. музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 68. Л. 10.

гуманности и единства религии, на случай русско-турецкой войны царь Александр I потребовал от проконсула Кавказа А. П. Ермолова и главы персидской миссии С. И. Мазаровича не допустить союза султана Махмуда II и тегеранского двора, обеспечить нейтралитет Персии, вовлечь ее в войну против османов. По поручению посланника С. И. Мазаровича данную установку воплотил в жизнь А. С. Грибоедов [10, с. 8–9]. Могущество и тонкая политика обеспечили влияние России на правительство Персии [9, с. 75].

В конце 1822 г. началась турецко-персидская война. Наследный принц тегеранского двора Аббас-Мирза занял Турецкую Армению до Эрзерума и разбил 50-тысячную турецкую армию у Трапезунда. Для османов ситуация была критической. В России считали, что «Персия положила руку свою на рыхлое государство Турецкое, дабы довершить его падение» [9, с. 57].

А. П. Ермолов 9 ноября 1822 г. поздравил Аббас-Мирзу с победой в Басенском сражении, хотя последний остался недоволен «значительностью успехов» в смысле продвижения к Константинополю [11, с. 270–271]. Проконсул Кавказа 3 апреля 1823 г. направил секретарю персидской миссии А. К. Амбургеру предписание относительно переговоров о мире, начатых под влиянием посла Англии в Константинополе с учетом воюющих сторон – Персии и Турции [12, с. 116]. Успех персов было предложено объяснить текущим положением Османской империи и достижениями восставших греков: «Небесполезно было бы вразумить Аббас-Мирзу, что малым сопротивлением турок обязан он расстроенному состоянию Порты и успехам греков, отвлекающим все

их внимание, но отнюдь не тому, чтобы англичане могли удерживать их от справедливого мщения» [11, с. 276].

Под давлением Англии Фетх Али-шах 28 июля 1823 г. в Эрзеруме пошел на заключение мира, условием которого было сохранение существовавших до войны границ [10, с. 23]. В ноябре 1825 г. Александр I принял инспекцию русских войск на юге страны, однако он неожиданно скончался в Таганроге².

Значимость греческого вопроса побудила Россию пойти на подписание Петербургского протокола с Англией 23 марта (4 апреля) 1826 г. Намечалось добиться для Греции самоуправления в составе Османской империи. В случае непринятия Османской империей англо-русского посредничества (при содействии английского посла) протокол подлежал реализации путем применения необходимых мер [7, с. 450]. Чтобы не допустить этого [7, с. 462–463], Англия посредством Ост-Индской компании под угрозой прекратить ежегодную субсидию тегеранскому двору в размере 800 тыс. руб. серебром стимулировала вторжение персов в закавказские владения России 16 (28) июля 1826 г. В реляции Аббас-Мирзу, полученной 25 июля 1826 г. в Тавризе, была раскрыта установка вторжения персов в Закавказье: «...от страха к силе Господа ни один аршин земли в руках русских не останется» [11, с. 357]. Война завершилась поражением для Персии и признанием границы с Российской империей по р. Аракс согласно Туркманчайскому договору от 10 февраля 1828 г. [13, с. 16, 27–29].

Заключение Адрианопольского мирного договора

Позиция Османской империи, заключающаяся в противодействии реализации Петербургского протокола, побудила Николая I 26 апреля 1828 г. опубликовать высочайший манифест и декларацию о войне. Мирный договор предусматривал установление границы по р. Дунай, сохранение привилегий для Сербии, Молдавии и Валахии, определение статуса Греции, присоединение Анапы и Поти, обеспечение свободного плавания судов через пролив Босфор, возмещение военных издержек.

Военный успех России, достигнутый в 1829 г., стал определяющим фактом, вынудившим Османскую империю заключить мирный договор. Для безопасности закавказских владений И. Ф. Паскевич 26 июля 1829 г. представил окончательные соображения об определении границ в виде трех планов. Первый план предусматривал установление естественной границы по линии от устья р. Аракс до горы Арапат, а также включение в состав России Турецкой Гурии с портами в Батуми и Кобулету, Ахалцихско-

го и Карсского пашалыков, Баязетского санджака. Второй план предполагал отказ от присоединения Баязетского санджака и части Карсского пашалыка. Третий план основывался на закреплении Турецкой Гурии с портами в Батуми и Кобулету, минимальной части Ахалцихского и Карсского пашалыков [13, с. 39–40]. Предпочтительным с точки зрения значимости И. Ф. Паскевич находил первый план, обеспечивавший естественные границы и безопасность российских территорий: «В этом случае сама природа доказывает, где должны оставаться наши приобретения, и рано или поздно для блага здешнего края и для спокойствия самой России. Непременно мы должны продвинуться до тех мест, которые в первом проекте означены»³.

Основу Адрианопольского мирного договора, заключенного 14 сентября 1829 г. между Российской и Османской империями, составили декларация от 26 апреля 1828 г. и первый план И. Ф. Паскевича о закавказской границе. Этот план был укорочен

²Рос. гос. воен.-ист. арх. (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3535. Л. 6.

³Рос. гос. арх. древ. актов. Ф. 30. Оп. 1. Д. 176. Ч. 12. Л. 335 об.

уполномоченным по ведению переговоров И. И. Дибичем, что проявилось в отказе от порта в Батуми как не важной для русской торговли продуваемой гавани, а также от Карсского пашалыка из-за наличия Еревана и Талына, требующего укрепления для будущей войны. Подход известного военачальника был несостоятельным.

Подход Николая I к ведению войны, базировавшийся на разработке плана общих действий, имел важное значение для ее хода и итогов. Прежде всего монарх был против продолжительного наступления в Анатолии, поскольку это не соответствовало основам военной науки. Отсутствие инфраструктуры привело бы государство к значительным издержкам и потере людей. Николай I считал необходимым избегать обширных завоеваний, из чего исходило желание присоединить лишь те смежные части турецкой территории, которые позволили бы «твердо обеспечить границы Грузии» и установить «полное спокойствие в этой стране»⁴. После перехода Дунайской армии на Балканы намечалось заключить мирное соглашение «на великодушных условиях»⁵. И. И. Дибич действовал на переговорах подобным образом.

По договору были сохранены лишь Ахалцихский пашалык, Ахалкалаки, Анапа и Потти. Османская империя приняла автономный статус Греции, кото-

рая через год обрела независимость. Первым президентом независимой Греции стал бывший министр иностранных дел Российской империи граф И. Каподистрия. Сербия добилась территориальных приобретений и расширения самоуправления. Российские торговые суда получили право на свободный проход через проливы Босфор и Дарданеллы. Режим свободной торговли был установлен для стран, торговавших с Россией и Турцией. Было разрешено переселение подданных обеих держав в условиях новых границ. Контрибуция составляла 1 млн дукатов [13, с. 41–43].

Россия решила греческий вопрос и закрепила безопасность закавказских владений, проявив умеренность в требованиях к султанскому режиму, сохранив целостность существования Османской империи. Был установлен этикетный мир в отношениях христианской и мусульманской цивилизаций, который не учитывал значимости балканского и малоазиатского направлений политики для Российской империи и оказался временным. Мирная ситуация позволила заняться вопросом подчинения горцев Кавказа. В 1830 г. И. Ф. Паскевич разработал два плана. Первый план заключался в быстром вторжении в горы со всех сторон, второй план – в постепенном и планомерном покорении областей проживания горцев⁶.

Заключение Ункяр-Искелесийского договора

В конце 1832 – начале 1833 г. на Ближнем Востоке возник кризис. В это время вассал султана Махмуда II, правитель Египта Мохаммед Али решил создать новую ближневосточную державу. Англия и Франция, в отличие от России, отказались помочь Османской империи в военном отношении. В ноябре 1832 г. Николай I послал генерала Н. Н. Муравьева в столицу империи в качестве посредника между султаном и его египетским оппонентом, что обусловило его деятельность в Константинополе и Александрии. Махмуд II принял генерала 27 декабря 1832 г., Мохаммед Али, который не хотел вести переговоры, – 12 января 1833 г., в силу чего султан 2 февраля 1833 г. запросил у России военно-морскую помощь [14]. Для миссии Н. Н. Муравьева важным днем стало 20 февраля 1833 г., когда в проливе Босфора появилась русская эскадра с 30-тысячным корпусом. Западные страны не ожидали подобного развития событий. Участник действий свидетельствовал: «Французский посланник, увидевший русскую эскадру на якоре в Буюк-Даре, тревожно побежал к английскому посланнику и, как только перешел его порог, энергично крикнул: “Русские в Босфоре! Что это значит? Мы ничего не знаем!”» [15, с. 365]. В ситуацию вмешалась

Франция, пообещав заставить Османскую империю ограничить свои требования лишь Сирией.

Благодарный султан Махмуд II 8 июля 1833 г. подписал союзно-оборонительный Ункяр-Искелесийский договор с Россией сроком на восемь лет. Мохаммед Али ограничился саном пожизненного правителя Сирии и Аданы, а Россия – закрытием черноморских проливов от флота Англии и Франции во время войны. Был подтвержден Адрианопольский мирный договор 1829 г. Секретная статья обязывала обе стороны оказывать друг другу помощь (от военной до политической) для сохранения безопасности их владений. Однако взамен на военную помощь Высокая Порта обязывалась закрыть пролив Дарданеллы для иностранных военных судов.

Договор был воспринят западными странами как эгоистичный со стороны Российской империи, нацеленный на реализацию ее интересов в ведении восточной политики. Появились обвинения в том, что Россия путем закрытия черноморских проливов для военных судов воюющих против нее стран стала контролировать Константинополь [16, с. 108–109], а также стремилась превратить Турцию в протекторат. С учетом доброжелательных отношений министр

⁴РГВИА. Ф. Военно-ученый архив. Оп. 1. Д. 4329. Л. 30–30 об.

⁵Там же. Л. 31.

⁶Арх. внеш. политики России (АВПР). Ф. I-9 (Главный архив, 1834 г.). Д. 18. Л. 3 об.

иностранных дел Г. Д. Т. Палмерстон считал необходимым выступить в пользу раздела сфер влияния в Азии [17, с. 52]. На эту ситуацию Николай I отреагировал следующим образом: «Странно, что общее мнение приписывает мне желание овладеть Константинополем»⁷.

Точка зрения, предполагавшая, что Россия стремится завоевать Константинополь, имела связь с эпохой Екатерины II (тогда государство стремилось стать европейской державой). Она не соответствовала реальности, но использовалась европейской пропагандой. При оценке Ункяр-Искелесийского договора Николай I отмечал, что он мог занять Константинополь дважды – в 1828 и 1833 гг. [18, с. 49], однако у него не было желания держать там войска: «Какие выгоды произошли для матушки России, то есть губерний Ярославской, Московской, Владимирской и прочих?»⁸.

Россия постаралась устранить недовольство решением восточного вопроса, возникшее со стороны

западных стран, путем заключения 15 октября 1833 г. в Мюнхенграце соглашения с Австрией. Согласно ему Россия, Франция и Пруссия заявляли о верности установленному в 1815 г. европейскому порядку, для чего был создан Священный союз, нацеленный на борьбу против внутренних смут и внешних угроз [19, с. 468].

Сближение России с Турцией получило отражение в Петербургской конвенции и соглашении, подписанном 7 (29) января 1834 г. в Мюнхенграце между Россией и Австрией. Подтверждалась русско-турецкая граница на Кавказе. Высокая Порта обязывалась признать принятый в 1831 г. диванами Молдавии и Валахии Органический устав, который положил начало созданию Румынии. Установленная при заключении Адрианопольского мирного договора контрибуция сократилась с 1,0 до 0,5 млн дукатов, что подлежало ратификации в течение шести недель [16].

Позиция западных держав

Укрепление русско-турецких отношений увеличило напряженность в отношениях России и западных стран. Летом 1835 г. англичане на яхте «Тюркуаз» осуществили разведку абхазского побережья Черного моря, за чем последовало распоряжение Николая I о недопущении подобной деятельности⁹. В 1836 г. Сент-Джеймский кабинет для мятежных горцев Черкессии направил в Черное море торговую шхуну «Виксен» с оружием в качестве груза. Шхуна была задержана российским военным бригадом «Аякс», что вызвало дипломатический скандал¹⁰. Представители английской дипломатии активизировали деятельность среди горцев Кавказа.

Военный министр А. И. Чернышёв 8 февраля 1838 г. сообщил правителю Новороссийского края графу М. С. Воронцову, что в письме от французского консула Шале, находившегося в Одессе, приводятся обширные сведения о видах российской власти, направ-

ленной на усмирение кавказских горских племен. Консул критиковал намеченные меры, которые должны были привести к покорению горцев. По этому поводу А. И. Чернышёв, который в 1810–1812 г. был разведчиком при Наполеоне¹¹, писал: «Усилия находящихся среди горцев английских агентов поддерживать вражду их к правительству нашему и снабжать их различными военными пособиями он считает делом, достойным похвалы, и сверх того сам рассеивает слухи»¹². В качестве примера приводилась отставка 22 офицеров Егерского полка в начале 1837 г. Перед М. С. Воронцовым ставилась задача выяснить, кто являлся источником информации для консула. Далее, 17 марта 1838 г., последовала характеристика образа консула: «Из всех, может быть, агентов Шале отличается всегда скромностью и даже молчаливостью»¹³. М. С. Воронцов обещал держать в центре внимания его деятельность¹⁴.

Расторжение Ункяр-Искелесийского договора

В 1838–1840 гг. вновь возник политический кризис на Ближнем Востоке, формальными участниками которого являлись Египет и Турция. Если Россия стремилась к сохранению Ункяр-Искелесийского договора, то Англия – к его упразднению. В апреле 1839 г. османские силы во главе с Гафтиз-пашой вошли в Сирию, вступив в бой с египетскими формированиями, но сын правителя Мехмед-паша

принц Ибрагим разбил их 24 июня 1839 г. Тем не менее напряжение сохранялось. Против новой русской военно-морской экспедиции в Константинополь выступил глава внешнеполитического ведомства К. В. Нессельроде, который считал столкновение с западными державами опасным, а отказ от Ункяр-Искелесийского договора необходимым. Эта точка зрения была доведена до правительства Англии,

⁷ Восточный вопрос // Кавказ. 1897. 13 февраля. С. 2.

⁸ Там же.

⁹ АВПР. Ф. I-9 (Главный архив, 1834 г.). Д. 19. Л. 122.

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 69. Л. 12.

¹¹ Русский разведчик А. Чернышёв против Наполеона [Электронный ресурс] // Живой журнал. URL: <https://skeptimist.livejournal.com/2216587.html> (дата обращения: 06.09.2025).

¹² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Ч. 5. Д. 12040. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 5 об.

¹⁴ Там же. Л. 5–5 об.

что усилило ее позиции, а отказ России от вмешательства противоречил Ункяр-Искелесийскому договору, поскольку он был заключен на восемь лет¹⁵. Махмуд II скончался 1 июля 1839 г., его сменил 16-летний Абдул-Меджид I. В турецкой среде возник слух, что перед смертью султан направил Николаю I письмо о взятии Абдул-Меджида I под свое покровительство, а также появилась партия сторонников правителя Египта Мохаммеда Али¹⁶. Лондонская конвенция была подписана 15 июля 1840 г. Согласно ей Мохаммед Али оставался пашой Египта и Сирии пожизненно, а в случае отказа Россия должна была защищать от него Константинополь [2, с. 114–116].

Следует сказать о состоянии азиатской границы. Важное значение приобрела деятельность полковника И. Ф. Дайнези в Османской империи. В 1837 г. он был послан в Алеппо для усовершенствования арабского и турецкого языков, составления обзоров о ситуации в Анатолии и Сирии. Николай I 12 июля 1840 г. поручил внешнеполитическому ведомству «...объяснить турецкому правительству, что, отнюдь не желая вмешиваться в дела внутреннего управления Турции, считает однако же, по дружеским связям, нужным поставить оное в известность о том положении дел в Малой Азии, в каковом представляется... чиновнику, с собственного турецкого правительства согласия в те провинции посланные. Его Величество желал бы, чтобы при сем случае В. П. Титов доказал необходимость представить в распоряжение арзерумского сераскира доставить способы и средства для поддержания его власти и сохранения порядка во вверенном его управлении крае»¹⁷. Поручение было выполнено¹⁸.

Главнуправляющий Закавказья А. И. Головин 17 июля 1840 г. поставил в известность А. И. Чернышёва о том, что русский представитель при тегеранском дворе генерал-майор А. О. Дюгамель сообщил о напряженности в отношениях Персии и Турции, вызванной продвижением персидских войск к турецкой границе (эти действия затрагивали интересы России)¹⁹. А. И. Головин указывал: «В другое время столкновение этих держав не представило бы для нас ничего неблагоприятного, но так как спор между султаном и могущественным его вассалом остается нерешенным, всякое поднятие оружия близ азиатских границ наших может нарушить спо-

койствие их, доселе так счастливо сохранявшихся»²⁰. Вооруженный конфликт двух стран мог иметь серьезные последствия для Закавказья: «Обстоятельство это нельзя оставить без внимания, ибо нет сомнения, что оно отзовется среди закавказских наших владений и будет иметь отрицательное влияние в среде мусульманского народонаселения, всегда готового принять самые невыгодные для нас впечатления, если только видимое преимущество вооруженной силы не будет одних держать в страхе и вселять надежду на защиту у других»²¹. А. И. Головин обратил внимание на ментальность нехристианского населения края: «В сем последнем отношении недоверчивость пограничных жителей наших провинций Закавказья так мало хранится в тайне, что не укрывается даже от посторонних наблюдателей»²². Также он привел соответствующее мнение француза Ф. Дюбуа де Монпере, который в 1831–1834 гг. совершил путешествие по Закавказью и в последующем издал шеститомную работу «Путешествие вокруг Кавказа: у черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму»²³. По словам А. И. Головина, слабыми точками России в Закавказье исследователь назвал Ахалцихе и мусульманские провинции²⁴.

А. И. Чернышёв 23 июля 1840 г. представил Николаю I рапорт А. И. Головина о том, что слухи о наступательном движении египетского паши могли стать «поводом к большим беспорядкам в Малой Азии»²⁵, но оказались несостоятельными. Против войск принца Ибрагима вспыхнуло восстание в Сирии, завершившееся поражением.

В описанных выше условиях 13 июля 1841 г. была подписана Лондонская конвенция о регулировании режима черноморских проливов. Согласно ей проливы контролировались Россией, Англией, Францией, Австрией и Пруссией. В случае начала русско-турецкой войны европейские державы получали право ввести флот в черноморские проливы [2, с. 116–118]. Угроза для русского Черноморья, возникшая после подписания Лондонской конвенции, не сразу была оценена во внешнеполитическом ведомстве: «Цель наших политических действий состоит в том, чтобы сохранять в прилегающих до России азиатских областях принадлежащее ей нравственное над ними влияние»²⁶.

¹⁵Ункяр-Искелесийский договор (26 июня / 8 июля 1833 г.) // Руниверс : сайт. URL: <https://runivers.ru/doc/almanah/474770/> (дата обращения: 06.09.2025).

¹⁶АВПР. Ф. 1–9 (Главный архив, 1839 г.). Д. 19. Л. 15 об.

¹⁷РГВИА. Ф. Военно-учебный архив. Оп. 1. Д. 1185. Л. 103.

¹⁸Там же. Л. 104, 106.

¹⁹Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13010. Л. 1.

²⁰Там же. Л. 1 об.

²¹Там же. Л. 2 об.

²²ОПИ ГИМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 68. Л. 15.

²³РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13010. Л. 1.

²⁴Там же. Ф. Военно-учебный архив. Оп. 1. Д. 1185. Л. 93.

²⁵ОПИ ГИМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 69. Л. 8.

²⁶АВПР. Ф. Отчеты по Азиатскому департаменту, 1842 г. Л. 244.

Заклучение

Отношения Российской и Османской империй в 1812–1842 гг. имели ситуативный характер, что отражалось в ряде договоров. Отличительной чертой Бухарестского мирного договора, подписанного в 1812 г., являлось соблюдение Турцией ситуативного нейтралитета в целях выжидания итогов похода Наполеона на Россию. Адрианопольский мирный договор был заключен в 1829 г. для решения греческого вопроса и достижения ряда преимуществ, таких как обеспечение безопасности закавказских владений и сохранение целостности Османской империи. Сближение России с Турцией стимулировало подписание в 1833 г. союзно-оборонительного Ункяр-Искелесийского договора, затрагивавшего интересы западных стран.

Несмотря на умеренность России в требованиях, желание сохранить Османскую империю и не допустить создания нового имперского образования на Ближнем Востоке, государства не добились полноценного взаимодействия. Решающее влияние на характер русско-турецких отношений имела Англия. По этой причине восточный вопрос стал предметом политического торга, инструментарием для получения тех или иных прерогатив и проведения экспансионистской политики со стороны западных держав. Такой подход затягивал решение восточного вопроса, что обостряло международные отношения. Тем не менее до определенного момента эта ситуация поддерживала уже ослабленную Османскую империю.

Библиографические ссылки

1. Пашуто ВТ, Санин ГА, Никифоров ЛА, Киняпина НС, Георгиев ВА, Станиславская АМ и др. *Итоги и задачи изучения внешней политики России*. Нарочинский АЛ, редактор. Москва: Наука; 1981. 389 с.
2. Киняпина НС, редактор. *Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII – начало XX в.* Москва: Наука; 1978. 435 с.
3. Шеремет ВИ. *Османская империя и Западная Европа: вторая треть XIX в.* Москва: Наука; 1986. 307 с.
4. Тунян ВГ. Модернизация Османской империи и армянский вопрос. *История и политика*. 2018;2:63–69.
5. Тунян ВГ. Отношения Российской и Османской империй в конце XVIII в. – 1806 г. Союзничество и конфронтация. *История и политика*. 2021;5:3–10.
6. Тунян ВГ. *Манук-бей: грани созидания*. Ереван: Чартарагет; 2019. 172 с.
7. Нарочинский АЛ, Агафонова НС, Деев ГК, Достян ИС, Костылев ВП, Кузнецова НБ и др., редакторы. *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Том 6, Январь 1825 г. – декабрь 1826 г.* Москва: Наука; 1985. 928 с. (Серия 2, 1815–1830 гг.).
8. Кудрявцева ЕП. Греческая революция 1821 г. и политика России в восточном вопросе. *Вестник МГИМО-университета*. 2021;14(1):31–47. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-1-76-31-47.
9. Тунян ВГ. А. С. Грибоедов: новое в известном. Ереван: Чартарагет; 2015. 180 с.
10. Тунян ВГ. А. С. Грибоедов и Армения. Ереван: Амарас; 1995. 100 с.
11. Берже АП, редактор. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Том 6, часть 2*. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского; 1875. 950 с.
12. Нарочинский АЛ, Деев ГК, Достян ИС, Костылев ВП, Кузнецова НБ, Мазаев ВИ и др., редакторы. *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Том 5, Январь 1823 г. – декабрь 1824 г.* Москва: Наука; 1982. 832 с. (Серия 2, 1815–1830 гг.).
13. Тунян ВГ. *Россия и армянский вопрос*. Ереван: [б. и.]; 1998. 240 с.
14. Киняпина НС. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. *Исторические науки*. 1958;3:29–30.
15. Ставраки МИ. Русские на Босфоре в 1833 году. *Русская старина*. 1884;43(8):363–368.
16. Бухаров Д. *Россия и Турция: от возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 13/25 марта 1871 года*. Санкт-Петербург: Типография Ф. С. Сушинского; 1878. 248 с.
17. Мартенс Ф, составитель. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. Том 12, Трактаты с Англией (1832–1895)*. Санкт-Петербург: Типография А. Брики; 1898. 504 с.
18. Тунян ВГ. *Политика самодержавия России в Закавказье XIX – начала XX в. Часть 2, 1826–1836 гг.* Ереван: Типография Государственного инженерного университета Армении; 2006. 160 с.
19. Бажова ВП, Литвак БГ, Орлик ОВ, Смирнов НА, Фадеев АВ, редакторы. *История СССР с древнейших времен до наших дней. Том 4, Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX века*. Москва: Наука; 1967. 744 с. (Серия 1, С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции).

Получена 07.07.2025 / исправлена 16.09.2025 / принята 16.09.2025.
Received 07.07.2025 / revised 16.09.2025 / accepted 16.09.2025.

УДК 745.51.04:674.59-047.44/.48:069.51(476)

ДЕРЕВЯННЫЙ КОВШ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ

Д. В. СКВОРЧЕВСКИЙ¹⁾, И. С. БУТОВ²⁾

¹⁾Республиканский союз туристической индустрии,
пр. Независимости, 11, корп. 2, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы
Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220012, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается вопрос об атрибуции деревянного ковша с двенадцатью антропоморфными, зооморфными и орнитоморфными изображениями из собрания Национального художественного музея Республики Беларусь. На основании проведенного анализа формы ковша его изготовление относится к периоду XV–XVII вв. По форме и стилистике росписи изучаемый артефакт не имеет непосредственных аналогов и не может быть отнесен к известным в литературе типам деревянных ковшей. Версии об его импортном происхождении (с территории России) не являются обоснованными. Делается предположение об изготовлении ковша на территории Беларуси. Вторичная утраченная ныне полихромная роспись, вероятно, была нанесена на ковш во второй половине XVII – первой половине XVIII в. В рамках исследования представлены не опубликованные ранее архивные материалы.

Ключевые слова: ковш; музейный предмет; иконопись; декоративно-прикладное искусство.

Благодарность. Авторы выражают признательность Национальному художественному музею Республики Беларусь и лично его генеральному директору А. Ю. Конановой за оказанную помощь в проведении исследования, доктору исторических наук заместителю директора по научной и инновационной работе Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси С. П. Витязю за разностороннюю помощь в проведении исследования, магистру культурологии старшему научному сотруднику отдела древнебелорусского искусства Национального художественного музея Республики Беларусь С. Э. Чаусу, кандидату искусствоведения старшему научному сотруднику отдела изобразительного и декоративно-прикладного искусства Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси Г. А. Фликоп-Свито, кандидату исторических наук Д. В. Лисейчикову за консультации при подготовке данной публикации.

Образец цитирования:

Скварчэўскі ДВ, Бутаў ІС. Драўляны коўш са збору Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь: да пытання аб атрыбуцыі. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2025;4:41–51.
EDN: LKMKLG

For citation:

Skvarcheuski DV, Butov IS. Wooden ladle from the collection of the National Art Museum of the Republic of Belarus: to the discussion about attribution. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2025;4:41–51. Belarusian.
EDN: LKMKLG

Авторы:

Дмитрий Вячеславович Скворчевский – кандидат исторических наук; заместитель председателя правления.
Илья Станиславович Бутков – соискатель отдела фольклористики и культуры славянских народов.

Authors:

Dzmitry V. Skvarcheuski, PhD (history); vice-chairman.
skvarcheuski@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6855-0867>
Ilya S. Butov, competitor at the department of folkloristics and culture of Slavic peoples.
illiabutov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3187-3552>

ДРАЎЛЯНЫ КОЎШ СА ЗБОРУ НАЦЫЯНАЛЬНАГА МАСТАЦКАГА МУЗЕЯ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ: ДА ПЫТАННЯ АБ АТРЫБУЦЫІ

Д. В. СКВАРЧЭЎСКІ^{1*}, І. С. БУТАЎ^{2*}

^{1*}Рэспубліканскі саюз турыстычнай індустрыі,
пр. Незалежнасці, 11, корп. 2, 220030, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы
Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220012, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Разглядаецца пытанне аб атрыбуцыі драўлянага каўша з дванаццаццю антрапаморфнымі, зааморфнымі і арнітаморфнымі выявамі са збору Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь. На падставе праведзенага аналізу формы каўша яго выраб датуецца перыядам XV–XVII стст. Па форме і стылістыцы роспісу дадзены артэфакт не мае непасрэдных аналагаў і не можа быць аднесены да вядомых з літаратуры тыпаў драўляных каўшоў. Версіі пра яго імпортнае паходжанне (з тэрыторыі сучаснай Расіі) не з’яўляюцца абгрунтаванымі. Мяркуецца, што артэфакт выраблены на тэрыторыі Беларусі. Пазнейшы страчаны цяпер паліхромны роспіс, верагодна, быў нанесены на коўш у другой палове XVII – першай палове XVIII ст. У рамках даследавання прыводзяцца не апублікаваныя раней архіўныя матэрыялы.

Ключавыя словы: коўш; музейны прадмет; іканаграфія; дэкаратыўна-прыкладное мастацтва.

Падзяка. Аўтары выказваюць удзячнасць Нацыянальнаму мастацкаму музею Рэспублікі Беларусь і асабіста яго генеральнаму дырэктару А. У. Конанавай за дапамогу падчас правядзення даследавання, доктару гістарычных навук намесніку дырэктара па навуковай і інавацыйнай рабоце Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі С. П. Віцязю за рознабаковую дапамогу пры правядзенні даследавання, магістру культуралогіі старшаму навуковаму супрацоўніку аддзела старажытнабеларускага мастацтва Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь С. Э. Чавусу, кандыдату мастацтвазнаўства старшаму навуковаму супрацоўніку аддзела выяўленчага і дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі Г. А. Флікоп-Світа, кандыдату гістарычных навук Д. В. Лісейчыкаву за кансультацыі падчас падрыхтоўкі дадзенай публікацыі.

WOODEN LADLE FROM THE COLLECTION OF THE NATIONAL ART MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BELARUS: TO THE DISCUSSION ABOUT ATTRIBUTION

D. V. SKVARCHEUSKI^a, I. S. BUTOV^b

^aRepublican Union of Tourism Industry,
11 Niezaliezhnasci Avenue, 2 building, Minsk 220030, Belarus

^bInstitute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva,
Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220012, Belarus

Corresponding author: I. S. Butov (illiabutov@gmail.com)

Abstract. This publication is devoted to the attribution of a wooden ladle with twelve anthropomorphic, zoomorphic and ornithomorphic images from the collection of the National Art Museum of the Republic of Belarus. The authors attribute its manufacture to the period of the 15th–17th century on the basis of the analysis of the ladle shape. The artifact has no direct analogues in terms of shape and stylistics of painting and cannot be attributed to the types of wooden ladles known in the literature. According to the authors, the versions about its imported origin (from the territory of Russia) are not justified. The authors believe that it was made in Belarus. The secondary, now lost, polychrome painting was presumably applied to the ladle in the second half of the 17th – first half of the 18th century. The authors have introduced previously unpublished archival material into the research.

Keywords: ladle; museum object; iconography; applied arts.

Acknowledgements. The authors express gratitude to the National Art Museum of the Republic of Belarus and personally to its general director A. Yu. Konanova for the assistance in conducting the research, doctor of science (history) deputy director for scientific and innovative work of the Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus S. P. Vityaz for comprehensive assistance in conducting of the research, master of cultural studies leading researcher at the department of ancient Belarusian art of the National Art Museum of the Republic of Belarus S. E. Chaus, PhD (arts) senior researcher at the department of fine and decorative applied arts of the Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva of the Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus G. A. Flikop-Svito, PhD (history) D. V. Liseichikov for their consultations during the preparing of this publication.

Уводзіны

У экспазіцыі Музея беларускага народнага мастацтва (філіял Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь (далей – НММ)), размешчанага на тэрыторыі алімпійскага спартыўнага комплексу «Раўбічы», выстаўлены ўнікальны артэфект, які няўменна прыцягвае ўвагу наведвальнікаў і ўжо працяглы час выклікае дыскусіі сярод даследчыкаў. Гаворка вядзецца пра драўляны коўш, на знешняй паверхні якога прадстаўлены дванаццаць малюнкаў (антрапаморфных, зааморфных, арнітаморфных) з салярнай сімволікай у геаметрычнай арнаментальнай рамцы і расліннымі роспісамі ў сярэдзіне (мал. 1). Непасрэдных аналагаў гэтага прадмета на сённяшні дзень не выяўлена. Наяўныя інтэрпрэтацыі разглядаюць малюнкi, зробленыя на каўшы, у кантэксце каляндарна-задыякальных уяўленняў і звязваюць прадмет з міфалагічнай традыцыяй.

Мал. 1. Драўляны коўш з экспазіцыі Музея беларускага народнага мастацтва. Фатаздымак Я. Шапашнікава. 2018

Fig. 1. Wooden ladle from the exposition of the Museum of the Belarusian Folk Art. Photo by Ya. Shaposhnikov. 2018

Упершыню фатаграфія дадзенага каўша (у стане да рэстаўрацыі) была апублікавана ў 1972 г. у манаграфіі М. С. Кацара «Народно-прикладное искусство Белоруссии (от первобытного общества до 1917 года)»¹. Аднак апроч самой выявы і подпісу да яе, ніякай іншай інфармацыі пра коўш у кнізе не пададзена. Варта адзначыць, што гэта фатаграфія апынулася па-за ўвагай даследчыкаў і да 2023 г. пра яе ніхто не згадваў.

Артыкул І. Паньшынай «Ладдзя на хвалях часу (карэц-браціна XVI ст.)» быў апублікаваны ў 1987 г.² У ім упершыню быў апісаны коўш і праводзілася яго

першасная атрыбуцыя. Да гэтага моманту артэфект ужо прайшоў рэстаўрацыю і быў адкрыты яго першапачатковы роспіс, дзякуючы якому ён апынуўся ў цэнтры ўвагі даследчыкаў. Аўтар адзначыла, што аналагам каўша з'яўляецца прадмет, вядомы з дакумента «Описание Могилёвского музея» 1898 г.³

У 1990-я гг. на коўш звярнулі ўвагу заснавальнікі Цэнтра этнакасмалогіі «Крыўя» мастак Т. Кашкурэвіч і філосаф С. Санько. Пасля вывучэння артэфекта С. Санько сфармуляваў ідэю аб тым, што малюнкi на яго паверхні адлюстроўваюць каляндарныя і, магчыма, задыякальныя матывы. У 1998 г. гэта гіпотэза была прадстаўлена на канферэнцыі ў Вільнюсе⁴.

Літоўскі даследчык этнаастраноміі Ё. Вайшкунас у 2000 г. апублікаваў артыкул «Did there exist the baltic zodiac?», у якім прыйшоў да высновы, што дванаццаць выяў на каўшы адлюстроўваюць балцкую задыякальную сістэму [1]. У 2011 г. быў апублікаваны пераклад гэтага артыкула на беларускую мову⁵.

Альтэрнатыўны погляд на коўш прадставіў у 2006 г. С. П. Віцязь у артыкуле «Драўляны коўш – сярэдневяковы сакральны каляндар» [2], у якім былі прапанаваны іншыя датаванне артэфекта і інтэрпрэтацыя малюнкаў на ім. Паводле даследчыка, гэтыя малюнкi не адлюстроўваюць знакі задыяка, а выступаюць сімвалічнымі выявамі месяцаў года. У цэлым аўтар звяртаўся да пытанняў вывучэння каўша яшчэ раней у сваёй кандыдацкай дысертацыі «Фарміраванне каляндарнай традыцыі Беларусі: гістарыяграфічна-крыніцазнаўчае даследаванне»⁶.

Згаданы вышэй Ё. Вайшкунас у 2008 г. у артыкуле «Peripheral forms of Mediterranean and Oriental zodiac traditions in heathen Lithuania» працягнуў даследаваць сімваліку, змешчаную на каўшы, і аргументаваў гіпотэзу пра задыякальнае значэнне малюнкаў і вонкавых уплываў дадзенай задыякальнай сістэмы. На думку аўтара, гэты задыяк мог сфарміравацца ў выніку спалучэння міжземнаморскай антычнай і мясцовай балцкай традыцый [3].

Манаграфія Ё. Вайшкунаса «Skaitant dangaus ženklus: lietuviško Zodiako pėdsakais» была апублікавана ў 2012 г. У працы абагульнены даследаванні аўтара ў галіне літоўскай этнаастраноміі ў цэлым і задыякальнай традыцыі ў прыватнасці. Чацвёрты раздзел кнігі «Zodiakas ant senovinio kaušo» прысвечаны разглядаемаму каўшу. Аналізуючы кожны вобраз на аснове гістарычных і этнаграфічных крыніц, а таксама міфалагічных даных, аўтар паўтарае сваю версію аб

¹Кацер М. С. Народно-прикладное искусство Белоруссии (от первобытного общества до 1917 года). Минск : Вышэйшая школа, 1972. С. 62.

²Паньшыная І. Ладдзя на хвалях часу (карэц-браціна XVI ст.) // Беларусь. 1987. № 3. С. 18.

³Там жа.

⁴Інфармацыя прадастаўлена С. Санько ў прыватнай гутарцы. Гл. таксама: [2, с. 88].

⁵Вайшкунас Ё. Ці існаваў балцкі задыяк? // Druvis. 2011. № 3. С. 75–79.

⁶Віцязь С. П. Фарміраванне каляндарнай традыцыі Беларусі: гістарыяграфічна-крыніцазнаўчае даследаванне : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.09. Мінск : НАН Беларусі, 2001. 118 с.

тым, што малюнкi на каўшы адлюстроўваюць знакі задзяка ў балцкай традыцыі [4].

У далейшым дадзены коўш згадваўся ў працах Ц. Авіліна, І. Бутава, Д. Скварчэўскага, аднак гэтыя публікацыі грунтаваліся на інтэрпрэтацыях звестак з пазначаных вышэй прац і не ўтрымлівалі ніякай новай інфармацыі адносна атрыбуцыі каўша. У прыватнасці, Ц. Авілін адзначаў адрозненні версій Ё. Вашкунаса і С. П. Віцязя і выказаў наступнае меркаванне: «Не ўступаючы ў палеміку, падкрэслім, што ў кожным разе “раўбіцкая” браціна – вельмі цікавая знаходка, якая, безумоўна, звязана з рэпрэзентацыяй часавага кода тагачаснага чалавека ў дэкарацыйнай знакавай сістэме» [5, с. 134]. Падобную думку выказваў і Д. Скварчэўскі: «Між іншым, абедзве версіі верагодныя і могуць не выключаць адна адну, бо кожнаму каляндарнаму адрэзку адпавядае свой задзякальны знак. І ў абедзвюх версіях гаворка вядзецца не пра ўтылітарны каляндар, а пра сімвалічны» [6, с. 46–47]. Такім чынам, на сённяшні дзень усе наяўныя ў навуковых публікацыях інтэрпрэтацыі малюнкаў на каўшы зводзяцца да ідэі, што яны адлюстроўваюць традыцыйныя ўяўленні аб календары ў шырокім сэнсе. І. С. Бутаў выказваў сумненні адносна балцкага паходжання каўша і, адпаведна, адносна інтэрпрэтацыі выяў на ім у якасці менавіта балцкіх задзякальных знакаў, таму што для гэтага, на думку даследчыка, недастаткова падстаў. Ён адзначаў, што неабходна даказаць або абвергнуць наяўную версію аб магчымай тоеснасці каўша з калекцыі Магілёўскага музея і каўша-браціны, які экспануецца ў Музеі беларускага народнага мастацтва [7, с. 191–200]. Аднак гэта крытычная заўвага тычылася сумненняў не столькі ў задзякальна-каляндарнай інтэрпрэтацыі каўша, колькі ў яго этнакультурнай атрыбуцыі.

У манаграфіі літоўскай даследчыцы Д. Вайткавічэне «*Žydinti taurė: baltų gėrimai ir apeigos*», прысвечанай традыцыі спажывання мёду і піва ў балтаў у рэлігійным і сацыяльным кантэксце, таксама былі апублікаваны кароткая інфармацыя і фатаграфія каўша. Навуковец прытрымліваецца версіі Ё. Вайшкунаса аб тым, што дванаццаць малюнкаў на каўшы з’яўляюцца знакамі задзяка. У плане атрыбуцыі даследчыца адзначае, што коўш датуецца XVI ст. (паліхромны роспіс нанесены ў XVIII ст.) і паходзіць з Трокскага ваяводства ВКЛ, пры гэтым Д. Вайткавічэне ўдакладняе, што выраб можа быць з раёна горада Гродна [8, р. 272]. Сапраўды, у часы ВКЛ Гродна ўваходзіў у склад Трокскага ваяводства, аднак дадзеная атрыбуцыя тычыцца выключна гіпатэтычнага месца знаходкі каўша. Гэта пытанне яшчэ будзе разгледжана ніжэй.

Нацыянальны мастацкі музей Рэспублікі Беларусь у 2022 г. выдаў альбом «Народнае мастацтва Белару-

сі XVI–XXI стст.: кераміка, мастацкія тканіны, разьба і роспіс па дрэве, саломалляценне і інкрустацыя», у якім таксама была апублікавана фатаграфія разглядаемага каўша⁷. У кароткім суправаджальным падпісе адзначана тое, што раней агучвалася выключна ў якасці здагадкі: «Вывезены з тэрыторыі Магілёўскай вобласці». Таксама паведамляецца, што коўш-браціна датуецца XVI ст. і яго вырабіў невядомы майстар.

Нарэшце, у 2023 г. выйшаў артыкул «Коўш-браціна са збору Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь: паходжанне твора» старшага навуковага супрацоўніка аддзела старажытнабеларускага мастацтва НММ С. Э. Чавуса, які ўводзіць ва ўжытак шэраг новых крыніц з некалькіх музейных фондаў і каталогаў выставак. У прыватнасці, публікуецца невядомы да гэтага запіс пра выявы святых на паверхні каўша з інвентарнай кнігі калекцыі прыкладнага мастацтва НММ [9, с. 71]. Другая крыніца – запіс з кнігі паступленняў Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея (далей – ГГАМ), дзе апісаны знешні выгляд артэфекта ў дарэстаўрацыйным стане (да 1954 г.) і згадваюцца выявы чатырох святых на яго вонкавым баку. Яшчэ адзін запіс тычыцца каталога Мінскай краёвай выстаўкі, арганізаванай А. Іпелем у 1918 г., дзе таксама пералічаны святыя і прыведзена верагоднае датаванне «геаметрычных хвігур» (XVI–XVII стст.) [9, с. 73]. Акрамя таго, у навуковы ўжытак уводзіцца новая фатаграфія каўша (мал. 2) з Федэральнага архіва Германіі ў Кобленцы (у 1945–1947 гг. коўш захоўваўся ў Германіі). Супаставіўшы ўсе звесткі, аўтар прыходзіць да важнай высновы: дадзены артэфект паходзіць з царквы Прапойска (сучасны Слаўгарад) Быхаўскага павета і менавіта ён першапачаткова экспанавалася ў Магілёўскім музеі. Пасля 1918 г. коўш не вярнуўся ў музей, і знайсці яго ўдалося толькі ў 1923 г. у жаночым манастыры ў Мінску, пасля чаго артэфект быў перададзены ў Беларускі дзяржаўны музей. У час Вялікай Айчыннай вайны і акупацыі Мінска экспанат вывезлі ў Германію, а пасля вайны ён трапіў у Музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, адкуль яго перадалі ў ГГАМ [9, с. 74–75]. Такім чынам, у сваёй публікацыі на падставе шэрагу крыніц С. Э. Чавус даў адназначны адказ на пытанне, ці з’яўляецца коўш з экспазіцыі Музея беларускага народнага мастацтва тым жа прадметам, што быў згаданы ў апісанні Магілёўскага музея 1898 г. Версія пра знаходку каўша ў падвале царквы ў Гродне з’яўляецца гістарыяграфічным міфам. Адпаведна, наступныя здагадкі адносна інтэрпрэтацыі артэфекта, заснаваныя на яго гродзенскім паходжанні, маюць патрэбу ў крытычным пераглядзе або ў дадатковай аргументацыі.

⁷ Народнае мастацтва Беларусі XVI–XXI стст.: кераміка, мастацкія тканіны, разьба і роспіс па дрэве, саломалляценне і інкрустацыя / Нац. маст. музей Рэсп. Беларусь. Мінск : Беларусь, 2022. С. 226–227.

Мал. 2. Коўш у 1945–1947 гг.
Якасць палепшана аўтарамі з дапамогай нейрасеткі.
Крыніца: [9, дадат. 8]

Fig. 2. Wooden ladle in 1945–1947.
Quality improved with the help of artificial intelligence.
Source: [9, appl. 8]

Дадзены артэфект таксама вылучаецца тым, што ён стаў крыніцай натхнення для беларускіх і літоўскіх мастакоў і дызайнераў (Т. Кашкурэвіча, А. Сцешыц, Д. Сталаўскене), якія выкарыстоўвалі выявы на каўшы ва ўласных творах.

Далёка не кожны гістарычны прадмет так шырока прадстаўлены ў гістарыяграфіі і ў сучаснай культуры, аднак па-ранейшаму застаюцца не да канца вырашанымі пытанні, звязаныя з атрыбучыя каўша і інтэрпрэтацыяй малюнкаў на яго вонкавай паверхні. Гэта акалічнасць звязана найперш з адсутнасцю новых крыніц, якія дазваляюць атрымаць дадатковую інфармацыю. З моманту выхаду аба-

гульняючай публікацыі Ё. Вайшкунаса, прысвечанай гэтаму каўшу, сталі вядомы тры дадатковыя выявы, а таксама фатаграфія каўша, зробленыя да яго рэстаўрацыі, што дазваляе зрушыцца наперад у пытаннях атрыбучыі разглядаемага артэфекта. Адна выява ўводзіцца намі ў навуковы ўжытак упершыню. Другая фатаграфія, як ужо згадвалася, была апублікавана ў манаграфіі М. С. Кацара. Трэці невядомы раней фотаздымак з Федэральнага архіва Германіі ў Кобленцы быў апублікаваны С. Э. Чавусам.

Мэтай гэтага артыкула з'яўляецца атрыбучыя каўша з калекцыі НММ і інтэрпрэтацыя выяў пазнейшага роспісу на яго паверхні. Адназначна мэта намі вызначаны наступныя задачы:

- правесці аналіз формы каўша;
- рэканструяваць і ахарактарызаваць паліхромны роспіс, які знік з паверхні каўша.

Для вырашэння згаданых задач быў праведзены агляд каўша, выстаўленага ў экспазіцыі Музея беларускага народнага мастацтва. Акрамя таго, артэфект вывучаўся па яго апублікаваных і неапублікаваных фатаграфіях. Апроч агульналагічных і агульнанавуковых метадаў, у гэтым даследаванні таксама былі выкарыстаны метады спецыяльна-гістарычныя (гісторыка-параўнальны метады) і мастацтвазнаўчыя (гістарычны аналіз, іканаграфічны аналіз, семіятычны аналіз), якія ў сукупнасці дапамагаюць дасягнуць пастаўленай мэты і вырашыць звязаныя з дасягненнем мэты задачы, інтэрпрэтаваць выявы, вызначыць іх функцыі, сімвалічнае значэнне, сацыяльны і культурны кантэкст.

Вынікі і іх абмеркаванне

Паходжанне каўша. Як ужо было адзначана, да 2023 г. асноўнай з'яўлялася памылковая версія пра знаходку каўша пасля Вялікай Айчыннай вайны ў падвале адной з цэркваў Гродна⁸ [1, р. 320; 2, с. 87]. Пры гэтым у публікацыях не згадваліся ні крыніца гэтых звестак, ні якія-небудзь іншыя падрабязнасці. У прыватнасці, не ўказвалася нават, у якім менавіта храме быў знойдзены коўш. Апытаныя намі даследчыкі таксама не здолелі назваць пэўную крыніцу гэтай версіі, яны спасылаліся ў асноўным на атрыманыя ад музейных супрацоўнікоў звесткі. Верагодна, дадзены гістарыяграфічны міф узнік у музейным асяродку, таму што ў даваенны час коўш апынуўся ў Гродне. Мастацтвазнавец М. С. Кацар тады займаўся даследаваннем помнікаў архітэктуры. У прыватнасці, у 1946 г. ён наведаў 24 гарады і населеныя пункты Беларусі, абследаваў і сфатаграфавалі 82 адпаведныя помнікі (усяго былі зроблены 340 фатаграфій помнікаў XVII–XVIII ст.). Даследчык наведваў і вывучаў архітэктурныя помнікі Гродна⁹. Падчас экспедыцыі ў Гродна мастацтвазнавец зазначыў, што ў сутарэннях зачыненага кляштара брыгатак выяў-

лены тры партрэты часоў ВКЛ, а таксама што ў цэлым «в костеле сохранилось много произведений живописи и резьбы по дереву»¹⁰. Больш М. С. Кацар не згадваў пра наяўнасць прадметаў мастацтва ў сутарэннях гродзенскіх храмаў. Таксама, як ужо было адзначана, ён зрабіў і апублікаваў фота разглядаемага каўша ў ГТАМ. На нашу думку, гэтыя акалічнасці ў выніку праз дзесяцігоддзі і паспрыялі таму, што артэфекту сталі прыпісваць гродзенскае паходжанне. Яшчэ адным фактарам, які паўплываў на ўзнікненне версіі наконт выяўлення каўша ў сутарэннях нейкай гродзенскай царквы, стала яго паўторная знаходка ў 1923 г. у жаночым манастыры ў Мінску [9, с. 74].

Як было ўстаноўлена [9], артэфект у канцы XIX ст. захоўваўся ў музеі Магілёва, куды, паводле апісання, паступіў з царквы Прапойска. Такім чынам, на дадзены момант наяўныя крыніцы сведчаць, што прадмет паходзіць з тэрыторыі сучаснай Магілёўскай вобласці. Для далейшай атрыбучыі неабходна ўлічваць гэту важную акалічнасць, а таксама звярнуцца да аналізу яго формы і роспісу, пра што далей і пойдзе гаворка.

⁸Гл. таксама: Віцязь С. П. Фарміраванне каляндарнай традыцыі Беларусі... 118 с.

⁹Бел. дзярж. арх.-музей літ. і мастацтва (БДАМЛМ). Ф. 149. Воп. 1. Спр. 220. Арк. 1.

¹⁰Там жа. Воп. 3. Спр. 138. Арк. 1–2.

Коўш выраблены з капы (нараста) бярозы, яго агульная даўжыня складае 57,3 см, дыяметр па восі ручкі – 46 см, упоперак ручкі – 51,5 см, аб’ём – 23,7 л, таўшчыня сценак – 5 мм, вышыня сценкі павялічваецца ад 19 см у сярэдзіне да 22 см каля «носа», вышыня з боку ручкі складае 25,5 см. Ручка каўша мае верхнюю плашку даўжынёй 10 см і шырынёй 9 см [2, с. 87; 9, с. 71]. На яго знешняй паверхні на момант выяўлення былі нанесены некалькі паліхромных выяў хрысціянскіх святых, усярэдзіне таксама маецца паліхромны роспіс. Першапачатковы роспіс, выяўлены пазней, пакрывае яго знешнюю паверхню лініяй вышынёй 10 см. Кожная выява аблямавана асаблівым геаметрычным арнаментам і змешчана ў «акенцах» даўжынёй ад 4,5 да 9 см, якія чаргуюцца з арнаментальнымі палосамі шырынёй 1–4,5 см.

У лютым 1956 г. коўш быў перададзены Дзяржаўным мастацкім музеем БССР (цяпер НММ) на рэстаўрацыю ў Цэнтральны дзяржаўны рэстаўрацыйны майстэрні (далей – УМНРЦ (цяпер Усерасійскі мастацкі навукова-рэстаўрацыйны цэнтр імя акадэміка І. Э. Грабара)). Рэстаўрацыя працягвалася амаль 12 гадоў, таму што пад верхнім пластом ляўкасу выявілі яшчэ адзін пласт, на якім былі намаляваны вершнік, ваяр з дзідай, зааморфныя выявы (алені, птушкі) і г. д. Менавіта яго пакінулі на каўшы, практычна цалкам зняўшы пазнейшы роспіс. Толькі ў чэрвені 1968 г. па акце № 19 прадмет быў прыняты Дзяржаўным мастацкім музеем БССР пасля рэстаўрацыі, дзе захоўваецца да нашых дзён пад шыфрам КП-6065 [2, с. 87].

У розных крыніцах коўш датуецца або IX–XII стст. [2, с. 87–99], або XVI–XVII ст.¹¹ Па стылі роспісу выраб адносяць да мясцовай традыцыі Вялікага Княства Літоўскага XVII ст. [1, р. 320]. Варта адзначыць, што хоць найбольш раннія датаванні і маюць права на існаванне, з’яўляюцца малаверагоднымі па прычыне вельмі добрай (нават для капы) захаванасці драўніны прадмета, якім, як вядома, карысталіся да другой паловы XIX ст.

Атрыбуцыя па форме каўша. У папярэдніх даследаваннях форме каўша надавалі недастаткова ўвагі. Згадваючы аналагі, аўтары прыводзілі агульную характарыстыку без указання канкрэтных прыкладаў і правядзення параўнальнага аналізу. У прыватнасці, С. Віцязь пісаў: «Традыцыйна лічыцца, што асноўны арэал вытворчасці драўляных каўшоў – Руская Поўнач, найперш Наўгародскі і Валагодскі край. Спецыялістамі выказвалася меркаванне, што менавіта адтуль паходзіць і разглядаемы коўш» [2, с. 93]. Мастацтвазнавец Я. М. Сахута лічыць вялікія познесярэднявекавыя братчынныя каўшы як, напрыклад, той, што размешчаны ў Музеі беларускага народнага мастацтва, вельмі падобнымі да паволжскіх

каўшоў для святочнага стала¹². Сапраўды, у музеях Казані і Масквы захоўваюцца пэўныя аналагі вывучаемага намі каўша, якія варта ўважліва разгледзець¹³. Звесткі аб гэтых каўшах, якія захаваліся, сведчаць, што дадзеныя вырабы паходзяць з Паволжа. Як бачым, у пытанні вызначэння месца стварэння каўша больш дакладны Я. М. Сахута. Згаданыя вырабы па тыпе адносяцца да так званых казьмадзям’янскіх. Яны маюць дастаткова вялікі аб’ём (у некаторых з іх ён адпавядае ёмістасці двух-трох вёдраў) і дасягаюць у дыяметры 60 см. Выраблялі іх з ліпы. Каўшы маюць лодкападобную форму, блізкую да формы маскоўскіх каўшоў. Лічыцца, што маскоўская форма каўша была занесена ў Казьмадзям’янск стральцамі-рамеснікамі, якія ўваходзілі ў мясцовы гарнізон. Верагодна, стральцы памежнага гарнізона, якія занеслі маскоўскую форму каўшоў, дапоўнілі яе мясцовай канструктыўнай дэталлю. Казьмадзям’янскія каўшы маюць востры нос, які выступае над паверхняй вырабаў, і ручку з пляскатай гарызантальнай паліцай, а пад ёй – прарэзанаю пятлю, што з’яўляецца ўжо мясцовай рысай ацалелых да нашага часу каўшоў, якія адносяцца да XVII–XVIII стст. Найбольш раннія з іх могуць быць датаваны сярэдзінай XVII ст. Іх афарбоўвалі ў цёмна-чырвоны колер і ўпрыгожвалі па вянцу шырокай чорнай аблямоўкай з надпісам. Такімі каўшамі валодалі ў асноўным стральцы і зможныя сяляне¹⁴.

Параўнаем узоры казьмадзям’янскіх каўшоў з каўшом са збору НММ. З аднаго боку, у вырабаў сапраўды можна адзначыць некаторыя падобныя характарыстыкі: памеры, наяўнасць ручкі з гарызантальнай паліцай і пятлёй пад ёй. З іншага боку, коўш са збору НММ мае пэўныя асаблівасці: матэрыял вырабу – бяроза, а не ліпа; востры нос адсутнічае; коўш мае круглую, а не лодкападобную форму. Яшчэ адным адметным адрозненнем формы каўша з НММ з’яўляецца відавочнае размежаванне аб’ёму на тры ўзроўні, якія фарміруюць яго злёгку скошаную форму са звужэннем каля плякатага донца, у той час як казьмадзям’янскія каўшы маюць плаўную круглявую форму без падобных «паясоў». Асобна варта адзначыць, што коўш, які аналізуецца ў гэтым артыкуле, мае роспіс унутранай паверхні, а таксама два пласты роспісу вонкавага боку, ніводзін з якіх не адпавядае казьмадзям’янскай традыцыі па колерах, стылі, кампазіцыі і сюжэтах.

Такім чынам, пры некаторым падабенстве формы адрозненні разглядаемых каўшоў дастаткова істотныя, каб коўш з НММ можна было аднесці да казьмадзям’янскага тыпу і дапускаць яго паходжанне з Паволжа. Дарэчы, не назіраецца тоеснасць каўша з НММ з каўшамі іншых тыпаў, вядомых на тэрыторыі Расіі. Забягаючы наперад, адзначым, што аналіз расійскіх

¹¹ Сахута Я. М. Беларусь : у 8 т. Том 8. Дэкаратыўна-пракладное мастацтва. Мінск : Беларусь, 2005. С. 186.

¹² Там жа.

¹³ Бобринский А. А. Народные русские деревянные изделия. Вып. 4. М. : [б. и.], 1910. С. 13–15, 17–19, табл. 44.

¹⁴ Просвиркина С. К. Русская деревянная посуда. М. : Гос. изд-во культурно-просветит. лит., 1957. С. 31–32.

каўшоў і іншых прадметаў дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва, якія захаваліся, не выявіў ніводнага аналага як першапачатковага роспісу з выявамі жывёл, птушак і людзей у рамцы геаметрычнага арнаменту, так і пазнейшага роспісу з выявамі святых.

Варта звярнуць увагу таксама на срэбныя каўшы, якія бытавалі ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне ў Сярэднявекі. Найбольш раннія ацалелыя каўшы на тэрыторыі Расіі – гэта каўшы наўгародскага пасадніка Грыгорыя Кірылавіча Пасахно і маскоўскага баярына Пятра Міхайлавіча Пляшчэева. Нягледзячы на рознае паходжанне, каўшы мала адрозніваюцца адзін ад аднаго. Лічыцца, што маскоўская форма каўша пераемная ад наўгародскай формы¹⁵. Абодва вырабы маюць лодкападобную форму, сілуэты таксама нагадваюць абрыс вадаплаўнай птушкі¹⁶, што дасягаецца за кошт выгнутай ручкі. Акрамя таго, абодва каўшы маюць выразны востры нос, як і пазнейшыя казьмадзям'янскія каўшы. Гэта акалічнасць не выклікае здзіўлення, таму што апошнія працягваюць маскоўскія традыцыі. Пры гэтым больш раннія драўляныя каўшы з Ноўгарада маюць іншую форму (круглую), плоскую ручку («паліцу»), носік-зліў адсутнічае. Дадзеныя каўшы датуюцца першай паловай X ст.¹⁷

Захаваліся два драўляныя маскоўскія каўшы, адзін з якіх датуецца канцом XVI – пачаткам XVII ст., а другі – 1612 г.¹⁸ Яны маюць такія ж асаблівасці, як і срэбныя каўшы, вырабленыя ў той жа час: лодкападобную форму і выцягнуты нос. Такім чынам, можна меркаваць, што на форму казьмадзям'янскіх драўляных каўшоў паўплывала менавіта пазнейшая элітарная, а не народная традыцыя. Мясцовыя майстры капіравалі статусныя срэбныя каўшы. Адзначым, што гэта пытанне дыскусійнае: С. К. Прасвірка лічыць, што майстар-срэбранік абапіраўся на лепшыя прыклады народнага каўша лодкападобнай формы з Ноўгарада і Масквы XVI–XVII ст.¹⁹ Што б там ні было, як мінімум з XVI ст. лодкападобныя каўшы з'яўляюцца часткай элітарнай культуры.

Звернем яшчэ ўвагу на тры статусныя срэбныя каўшы, знойдзеныя ў 1991 г. каля в. Літва Маладзечанскага раёна Мінскай вобласці. Каўшы датуюцца першай трацінай XV ст. (не пазней за 1433 г.²⁰), гэта значыць, іх датаванне практычна супадае з датаваннем згаданых вышэй наўгародскага і маскоўскага срэбных каўшоў. Пры гэтым каўшы з Маладзечан-

скага раёна адрозніваюцца ад іх па форме. Яны маюць абрысы ледзь выцягнутай акружнасці. Гарызантальная ручка прыўзнята над краем, выступ носіка адсутнічае. Замест яго мы бачым, што процілеглы ад ручкі бок толькі злёгка заостраны і прыўзняты. Бакавыя сценкі з'яўляюцца круглявымі і паступова звужаюцца ў напрамку пляскатага донца. Тут нельга не заўважыць, што падобныя характэрныя рысы мы бачым у драўляным каўшы з калекцыі НММ. Цалкам верагодна, што невядомы майстар таксама пераняў форму статустных срэбных каўшоў, аднак выконваў вырабы ўжо ў традыцыі ВКЛ. Дарэчы, прыкладна ў той жа мясцовасці і ў той жа перыяд (першая палова XV ст.), калі былі выраблены каўшы, знойдзеныя ў в. Літва, у пісьмовых крыніцах згадваецца «срэбны каваль» Хацебей, які меў зямельны надзел у Маладзечне²¹. Менавіта такія майстры займаліся вырабам срэбраных каўшоў, якія, як паказвае вышэйпрыведзены прыклад, адрозніваліся сваімі канструктыўнымі асаблівасцямі. Такім чынам, ёсць падставы лічыць, што разглядаемы ў гэтым артыкуле коўш быў выраблены на тэрыторыі ВКЛ і што ён адлюстроўвае мясцовую традыцыю. С. К. Прасвірка пісала, што лодкападобная форма каўша з'явілася яшчэ ў перыяд феадальнай раздробненасці пад уплывам мясцовай культуры, калі кожнае княства жыло сваім больш-менш адасобленым жыццём²². Гэта акалічнасць тлумачыць, чаму пры падабенстве агульнай формы мы назіраем відароўныя адрозненні.

Традыцыйныя каўшы беларусаў і літоўцаў, вырабленыя ў больш позні перыяд, таксама маюць выцягнутыя формы з магчымым акцэнтаваным злёгка выцягнутым завяршэннем, што з'яўляецца дадатковым аргументам на карысць версіі пра мясцовае паходжанне каўша з НММ. У гэтым плане таксама цікавы малюнак 1690 г., які адлюстроўвае літоўцаў Прусіі. На ім відаць два драўляныя каўшы, што маюць падобную з вывучаемым каўшом форму і гарызантальную пляскатую ручку, якая выступае ўперад [8, мал. 83–87, 91, 93, 96–101]. Характэрна, што літоўскія каўшы XIV–XV стст., як і наўгародскія раннесярэднявекавыя каўшы, маюць круглую форму і характэрныя асаблівасці (адсутнасць носіка і наяўнасць гарызантальнай пляскатай ручкі). Падобныя прыметы мае коўш, знойдзены ў кургане каля в. Пагошча Браслаўскага раёна Віцебскай

¹⁵Прасвірка С. К. Русская деревянная посуда... С. 26.

¹⁶Спирина Л. Ковши, чаши, братины, чарки... // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2007. № 44. С. 8.

¹⁷Цікава, што каўшы размяшчаліся паўколам у раскопе, дзе яны былі выяўлены, і ўсе сем каўшоў унутраным бокам былі арыентаваны на ўсход, насустрэч промяням ранішняга сонца. Гл.: Седов В. В. Языческая братчина в Древнем Новгороде // Крат. сообщения Ин-та истории матер. культуры. 1956. Вып. 65. С. 138–141.

¹⁸Прасвірка С. К. Русская деревянная посуда... С. 30, 31, табл. II.

¹⁹Там же. С. 30.

²⁰Стерлигова И. А. К происхождению древнерусских золотых и серебряных ковшей // Вестн. сектора древнерус. искусства. 2022. № 2. С. 28–49.

²¹Ліцкевіч А. У. «Срэбны каваль» Хацебей з-пад Маладзечна (XV ст.): яшчэ раз пра магчымае паходжанне срэбных паясных набораў са скарбу каля в. Літва // Бел. даўніна. 2014. Вып. 1. С. 117.

²²Прасвірка С. К. Русская деревянная посуда... С. 26.

вобласці, які датуецца канцом X – пачаткам XI ст.²³ Такім чынам, мы бачым, што ў нашым рэгіёне круглая форма каўшоў з’яўляецца тыповай і больш архайчнай у параўнанні з лодкападобнай. Гэту версію пацвярджае назіранне археолага У. І. Кулакова, які адзначыў факт існавання бесперапыннай традыцыі вырабу і выкарыстання ў рэлігійных (выключна ахвярных) цырымоніях чаш (*kauszellen*)²⁴, зафіксаванай у Паўднёва-Усходняй Балтыі ў храналагічным дыяпазоне XI–XVII стст. Пры гэтым ён падкрэсліў, што для індаеўрапейскіх плямёнаў бронзавага і ранняга жалезнага вякоў паўсферычная форма кульгавага посуду з’яўлялася адной з самых прыярытэтных²⁵. Верагодна, што лодкападобная форма з’явілася і распаўсюдзілася ва Усходняй Еўропе ўжо ў перыяд позняга Сярэднявекі і Новага часу, прычым у розных рэгіёнах сфарміраваўся свой варыянт.

Такім чынам, грунтуючыся на форме артэфектаў, можна меркаваць, што і коўш з НММ быў выраблены ў познесярэднявекавы перыяд. Як адзначыла ў сваёй публікацыі І. А. Сцерлігава, асаблівасці формы срэбраных каўшоў з в. Літва з’яўляюцца важнымі прыметамі для датавання. У сваю чаргу, на падставе таго, што форма драўлянага каўша адлюстроўвае асаблівасці, характэрныя для элітарнага посуду першай траціны XV ст. (не пазней), мы можам выказаць здагадку аб стварэнні драўлянага каўша невядомым майстрам арыенціровачна пачынаючы з XV ст. Безумоўна, немагчыма зрабіць дакладнае датаванне выключна на падставе адной прыметы, таму што падобная форма²⁶ магла існаваць і ў крыху ранейшы, і ў пазнейшы час.

Атрыбуцыя і інтэрпрэтацыя паліхромнага роспісу. Як ужо было згадана, на момант выяўлення коўш меў паліхромныя роспісы: выявы святых на знешнім баку і раслінны арнамент у сярэдзіне. Пры гэтым нідзе не было падрабязнага апісання фігур святых, якое з’яўляецца надзвычай важным для атрыбуцыі артэфекта. Пасля рэстаўрацыі і адкрыцця першапачатковага роспісу даследчыкі не мелі магчымасці вывучыць паліхромны пласт, які быў назаўжды страчаны. Ад старога пласта на каўшы захаваўся толькі адзін фрагмент каля ручкі – барадаты чалавек у шапцы [2, с. 88; 4, р. 86].

У сувязі з вышэйапісанай сітуацыяй у 2008 г. Ё. Вайшкунас адзначаў, што застаецца пэўная надзея на расшыфроўку зместу хрысціянскага роспісу, а таксама што пры рэстаўрацыі ажыццяўлялася фа-

таграфаванне і фотадакументы не дзе былі павінны захавацца [4, р. 86, 87]. У 2019 г. І. С. Бутаў звярнуўся з афіцыйным запытам аб наяўнасці дакументаў па рэстаўрацыі каўша непасрэдна ў УМНРЦ. Па запыце паведамлілі, што ў інвентарнай кнізе паступленняў прадметаў з дрэва аддзела тэмперы маецца запіс аб паступленні браціны, якая характарызуецца «значительной утратой красочного слоя» і «загрязненной живописью» 25 лютага 1956 г. па акце КП-625. У 2022 г. у фотатэцы архіва УМНРЦ быў знойдзены адзіны слайд, на якім адлюстраваны першапачатковы выгляд каўша да рэстаўрацыі²⁷ (мал. 3). На гэтым слайдзе, які публікуецца ўпершыню, добра бачны пашкоджанні донца прадмета, а таксама вонкавы выгляд некаторых постацей, у прыватнасці, чалавека ў шапцы. У правай частцы фатаграфіі можна заўважыць двух святых, святы ў ніжняй частцы практычна не праглядаецца, у правай жа частцы ёсць выявы каня і змея.

Мал. 3. Коўш да рэстаўрацыі
Fig. 3. Ladle before restoration

Дадзены здымак, на жаль, не вельмі інфарматыўны, аднак апублікаваная раней М. С. Кацарам фатаграфія з ГТАМ яго істотна дапаўняе²⁸ (мал. 4). Ён, па ўсёй верагоднасці, быў зроблены даследчыкам да лютага 1956 г. Апісанне самога прадмета ў кнізе адсутнічае, як і яго меркаваная атрыбуцыя (аднак фатаграфія прыведзена ў раздзеле, прысвечаным народна-прыкладнаму мастацтву XVII ст.). Дарэчы, у чарнавіках манаграфіі апісанне дадзенага каўша таксама адсутнічае. Ёсць толькі згадка аб ім у пераліку ілюстрацый да кнігі: «67. Чаша из дерева с росписью. ГИИМ в Гродно»²⁹.

²³Плавінскі М., Плавінскі А. Аб адной катэгорыі пахавальнага посуду ў курганах канца I – пачатку II тыс. н. э. на захадзе Полацкай зямлі // Acta archaeologica Albaruthenica. 2007. Вып. 1. С. 136.

²⁴Чашы былі круглай формы, маглі мець ручку.

²⁵Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года. М. : Индрик, 2003. С. 67.

²⁶Аднак трэба ўлічваць, што форма каўша з калекцыі НММ залежыць ад формы сыравіны, з якой ён быў зроблены. Майстар у сваёй працы быў абмежаваны формай і памерамі нароста, таму магчымы пэўны адхіленні ад прынятай тыповай формы каўшоў.

²⁷Арх. Усерас. маст. навук.-рэстаўрац. цэнтра імя акадэміка І. Э. Грабара. Ф. 1-ф (фотатэка). Негатыў 11074.

²⁸Кацер М. С. Народно-прикладное искусство Белоруссии... С. 62.

²⁹БДАМЛМ. Ф. 149. Воп. 2. Спр. 1. Арк. 6.

Мал. 4. Коўш падчас
яго экспанавання ў ГТАМ

Fig. 4. A ladle in the exposition of
the Grodno Historical-Archaeological Museum

Мал. 5. Святыя Пётр і Павел
на нерэстаўраванай паверхні каўша

Fig. 5. Saints Peter and Paul
on the unrestored surface of the ladle

Уважлівае вывучэнне дзвюх фатаграфій, а таксама фатаграфіі з Федэральнага архіва Германіі дазваляе зрабіць наступныя высновы. Каля ручкі намаляваны барадаты мужчына ў канічнай футравай шапцы, левая рука якога сагнута ў локці, а правая ў паўсагнутым стане часткова перакрывае тулава, быццам ён нешта трымае, прыціскаючы да сябе, аднак вельмі цяжка вызначыць, што менавіта³⁰. Як адзначаў Ё. Вайшкунас, такая выява нагадвае, быццам чалавек трымае ў руках немаўля [4, р. 86]. З гэтым назіраннем можна пагадзіцца, такое падабенства сапраўды маецца, аднак падкрэслім, што дзіця ў руках, роўна як нешта іншае, візуальна не праглядаецца. Праваруч ад ацалелай да нашых дзён постаці мужчыны відаць контуры дрэва. Можна зрабіць здагадку аб тым, што мужчына стаіць пад дрэвам, на якім, мяркуючы па ўсім, знаходзіцца калодавулей³¹. Гэта дэталі – яшчэ адна ўскосная прымета для датавання, бо пераход да вуллёў-калод адбываўся паступова на працягу некалькіх стагоддзяў, пачынаючы з XV ст.³² У пісьмовых крыніцах ВКЛ XVI ст. ужо сустракаюцца звесткі пра вуллі-калоды. Згадка аб іх у тэксце Статута ВКЛ 1588 г. з'яўляецца сведчаннем дастатковай распаўсюджанасці вуллёў-калод, што знайшло адлюстраванне ў заканадаўстве. Дадзеная акалічнасць ускосна пацвярджае тое, што пласт роспісу са святымі на каўшы мог быць нанесены не раней за сярэдзіну XVI ст.

Праваруч ад дрэва ў значна большым маштабе, чым постаць мужчыны, практычна на ўсю вышыню і значную частку бакавой паверхні каўша намаляваны святыя Пётр і Павел (мал. 5). Розніца маштабаў падкрэслівае высокі статус святых, а таксама размяжоўвае бытавы і сакральны сюжэты.

У правай руцэ Пятра знаходзяцца ключы³³, а левай ён разам з Паўлам трымае сімвалічную выяву алтара ці капліцы (ківорыя). Узбоч ад іх, па цэнтры каўша насупраць яго ручкі, таксама прысутнічае выява святога, аднак яго немагчыма дакладна пазнаць. Верагодна, гэта можа быць святы Мікалай, таму што ў яго левай руцэ праглядаецца нешта падобнае да кнігі, што можа адпавядаць іканаграфіі святога Мікалая. На другім баку каўша, бліжэй да ручкі, змешчаны прыметныя выявы беллага каня з узнятымі перэднімі капытамі і змея пад ім. Мяркуем, што такім чынам намаляваны святы Георгій. Атрымліваецца, што на познім паліхромным пласце, апроч мужчыны, прадстаўлены найбольш папулярныя ў народзе святыя: Пётр і Павел, Мікалай і Георгій³⁴.

Неабходна адзначыць праблему ідэнтыфікацыі святых, з-за якой доўга не атрымлівалася пацвердзіць тоеснасць каўша з апісання Магілёўскага музея і збору НММ. Справа ў тым, што розныя аўтары па невядомай прычыне па-рознаму інтэрпрэтавалі выявы святых. М. Ф. Фурсаў у 1898 г. пісаў: «Он расписан снаружи изображениями особенно чтимых в Могилёве святых: Чудотворца Николая, Великомученика Георгия, Апостолов Петра и Павла и покровителей пчеловодства Зосимы и Савватия»³⁵. Хутчэй за ўсё, аўтар не быў упэўнены ў дакладнасці сваёй інтэрпрэтацыі, таму прывёў дзве версіі на конт пары святых, пры гэтым штучна павялічыў іх колькасць з чатырох да шасці. А. Іпель у 1918 г. прапанаваў некалькі іншую версію: «Свв. Герман і Савацей, апякуны пчелярства якія падтрымліваюць абраз Салавецкай царквы, блізка Архангельска. Далей Свв. Мікола, апякун брацтва і Свв. Юры»³⁶ (цыт. па [9, с. 73]). У кнізе паступленняў ГТАМ адзначана: «С наружной

³⁰Магчымы прадмет у руках чалавека вызначаецца па розніцы ў адценнях фарбы і лініях, якія выступаюць за контуры тулава і прасочваюцца на фоне адзення. Можна дапусціць трапецападобныя або прамавугольныя абрысы прадмета (напрыклад, кнігу або мех (бурдзюк)). У той жа час нельга выключаць скажэнні выявы падчас рэстаўрацыі.

³¹Гэты факт пацвярджаецца згаданым раней апісаннем каўша 1898 г. у магілёўскім музеі («близ последних, у самой ручки, изображен человек в русской одежде, протягивающий руку к улью, укрепленному в дупле дерева»), а таксама апісаннем каўша А. Іпеля 1918 г. («Зверху на зялёным аснове (пачынаючы ад вушка) барадаты селянін пад дрэвамі, на якім вісіць вуль») (цыт. па [9, с. 73]).

³²Гурков В. С., Терехин С. Ф. Занятие издревле благородное. Минск : Полымя, 1987. С. 65.

³³Менавіта наяўнасць ключоў дазваляе атрыбутаваць адну з постацей як Пятра, а саму пару святых – як Пятра і Паўла.

³⁴Спецыяліст па іканаграфіі Г. А. Філіп-Світа, да якой мы звярнуліся з мэтай правядзення незалежнай праверкі атрыманых дадзеных, выказала меркаванне пра прысутнасць выяваў святых Пятра і Паўла, Георгія і яшчэ адной неідэнтыфікаванай постаці, што супадносіцца з нашым меркаваннем.

³⁵Фурсов М. Ф. Описание Могилёвского музея. Могилёв : Тип. губернского правления, 1898. С. 5.

³⁶Цытата прыводзіцца з захаваннем асаблівай арыгінала.

стороны – изображения святых: Петра и Павла, Николая Чудотворца и Георгия Победоносца» (цит. па [9, с. 72]). Мы цалкам згаджаемся з апошнім сцвярдэннем.

Па заўвазе Г. А. Флікоп-Світы, на прадстаўленых выявах ёсць мала прымет для дакладнай атрыбуцыі. Распіс можна аднесці да традыцыі ВКЛ, аднак складана адназначна вызначыць яго прыналежнасць да праваслаўнай ці ўніяцкай іканаграфіі. Па здагадцы даследчыцы, распіс са святымі можна датаваць другой паловай XVII – першай паловай XVIII ст. У сваю чаргу, даследчык старажытнабеларускага мастацтва Ю. Піскун, які па нашай просьбе азнаёміўся з ацалелымі выявамі святых, па стылістыцы аднёс іх да канца XVII ст. З яго пункту гледжання, разглядаемы выраб, хутчэй за ўсё, з’яўляецца рускім каўшом, які мог трапіць на Магілёўшчыну ў XVII ст., напрыклад падчас войнаў Рэчы Паспалітай з Рускім царствам.

На жаль, у архіве УМНРЦ больш няма фатаграфій каўша да рэстаўрацыі, іншыя яго выявы з другіх крыніц не вядомы. Дэталёвае вывучэнне магчыма ажыццявіць толькі для фігур святых Пятра і Паўла, на якіх трэба спыніцца больш падрабязна. Гэтыя постаці можна лічыць ключавымі ў дадзеным распісе. Надпіс над святымі немагчыма расчытаць. На каўшы мы бачым дастаткова нетыповы сюжэт. Святыя трымаюць, паводле нашай думкі, сімвалічную выяву алтара або капліцы. Верагодна, коўш прызначаўся для храма, асвечанага ў гонар святых Пятра і Паўла, або захоўваўся ў асобнай капліцы ці алтары іншага храма, асвечанага ў гонар гэтых святых. У якасці аналага сюжэту можна згадаць абраз XVII ст., на якім Пётр і Павел трымаюць храм Свята-Траецкага манастыра ў Слуцку. Варта звярнуць увагу на тое, што злева ад Паўла праступае фрагмент першапачатковага распісу (чалавек з дзідай і часткай арнаментаванай рамкі). Таксама можна ўказаць на яшчэ адно магчымае сімвалічнае значэнне выявы Пятра і Паўла. Ківорый – збудаванне ў выглядзе падстрэшка, які падтрымліваюць калоны, над прастолам (алтаром), магільняй, хрысціянскай купеллю, якое магло мець завяршэнне ў выглядзе купала ці вежачкі. Нешта падобнае мы якраз і бачым на дадзеным каўшы. Акрамя таго, ківорый – гэта пасудзіна-даразахавальніца. Апроч формы чары, яна таксама выконваецца ў форме скрыні (каўчэг) з вежачкай або купалам, якія паўтараюць формы храма. Сёння цяжка адказаць на пытанне, ці мог коўш выкарыстоўвацца ў якасці

даразахавальніцы, аднак такую тэарэтычную магчымасць нельга выключыць, на што ўскосна можа паказваць сімвалічны малюнак на каўшы – ківорый ў руках святых Пятра і Паўла. Як адзначае даследчык гісторыі ўніяцтва Д. В. Лісейчыкаў, ва ўніяцкай традыцыі пад тэрмінам *ciborium* магла мецца на ўвазе любая ёмістасць³⁷.

У кантэксце вывучэння распісу з выявамі святых таксама варта разгледзець версію аб паходжанні каўша з тэрыторыі Расіі. Справа ў тым, што коўш павінен быў паступіць у Магілёўскі музей у канцы 1870-х гг.³⁸, калі намаганнямі губернатара А. С. Дамбавецкага актыўна збіралася калекцыя сельскагаспадарчых і этнаграфічных прадметаў мясцовага значэння. Паводле музейнага апісання, у Магілёў коўш быў дастаўлены прычтам прапойскай (цяпер слаўтарадскай) царквы³⁹ Быхаўскага павета, пры гэтым адзначалася, што паводле легенды, ён быў падараваны царкве расійскім царом Аляксеем Міхайлавічам Раманавым⁴⁰. Фатаграфія дадзенага каўша экспанавалася на IX Археалагічным з’ездзе, які прайшоў у 1893 г. у Вільні⁴¹. Аднак лёс гэтай фатаграфіі застаецца невядомым.

Звесткі пра дарэнне каўша царом выглядаюць усё ж як легенда з ідэалагічным падтэкстам, таму што яны не адпавядаюць гістарычным рэаліям. Справа ў тым, што Аляксей Міхайлавіч не быў у Прапойску, які падчас таго званага гасударовага паходу ў 1654 г. быў захоплены казакамі корпуса Івана Залатарэнкі, а не войскамі, якія ўзначальваў непасрэдна сам цар. Апроч таго, у той час у Прапойску былі толькі ўніяцкія храмы. Варта адзначыць цікавы момант: у інвентарных вопісах трох уніяцкіх храмаў Прапойска (царква Святога Мікалая, царква Святога Юрыя, царква Раства Багародзіцы (Прачысценская царква)) у 1764 г. згадваюцца даразахавальніцы, якія апісаны лаканічна (яны з’яўляюцца драўлянымі распісанымі вырабамі сталаярнай працы (*Ciborium stolarskiej roboty malowane*)⁴²). У візітацыі 1752 г. адзначана розніца: у царкве Святога Мікалая быў *ciborium proste*, у царкве Святога Юрыя – *ciborium stolarskie malowane*, а ў царкве Раства Багародзіцы – *ciborium snycerskiej roboty pod złotem u srebrnem malarskim*⁴³. Гэта акалічнасць сведчыць аб тым, што ківорый быў разны, распісаны срэбрам і золатам. Як ужо згадвалася раней, пад словам *ciborium* магло мець на ўвазе як скрыначку, так і посуд. Нельга не звярнуць увагу на тое, што ў кожным уніяцкім храме Прапойска быў драўляны

³⁷Інфармацыя прадстаўлена Д. В. Лісейчыкавым у прыватнай гутарцы.

³⁸Магчыма, у 1867 г. гэты ці падобны коўш прысутнічаў сярод прадметаў з Магілёўскай губерні, якія дэманстраваліся на Усерасійскай этнаграфічнай выставе, арганізаванай у Маскве па ініцыятыве Таварыства аматараў прыроднагаўства, антрапалогіі і этнаграфіі, пра што піша А. К. Лявонава. Аднак апісання каўша няма ў дакументах з гэтай выставы. Гл.: *Леонова А. К. Народная деревянная скульптура Белоруссии*. Минск : Наука и техника, 1977. С. 26.

³⁹У апісанні назва царквы не згадваецца, але на той час у горадзе была адна праваслаўная царква Раства Багародзіцы.

⁴⁰Фурсов М. Ф. Описание Могилёвского музея... С. 5.

⁴¹Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при IX Археологическом съезде в Вильне в 1893 году. Вильна : тип. А. Г. Сыркина, 1893. С. 48.

⁴²Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41278. Арк. 18, 20, 21 ад.

⁴³Рас. дзярж. гіст. арх. Ф. 823. Воп. 3. Спр. 583. Арк. 51, 53, 57.

ківорый. Гэта ўдакладненне можа служыць дадатковым ускосным аргументам на карысць суаднесення паліхромнага роспісу на каўшы з беларускай уніяцкай іканапіснай традыцыяй.

Першасны манахромны і пазнейшы паліхромны роспіс адпавядаюць розным стылям і традыцыям, што можа сведчыць і пра рознае функцыянальнае прызначэнне і час стварэння, а таксама пра адрозненні этнакультурнага, рэлігійна-канфе-

сійнага і сацыяльнага асяроддзя, у якім выкарыстоўваўся дадзены артэфакт. Відавочна, што найпазнейшы роспіс са святымі павінен быў цалкам схаваць першапачатковыя дванаццаць малюнкаў з салярнай сімволікай і геаметрычным арнамен-там, аднак матывы і прычыны перамалёўкі застаюцца невядомымі. Гэта перамалёўка магла быць звязана са зменамі функцыянальнага прызначэння каўша.

Заклучэнне

Падводзячы вынікі, мы можам сфармуляваць наступныя высновы. Аналіз формы каўша сведчыць аб тым, што ён мог быць выраблены ў XV–XVII ст. Для больш дакладнага датавання неабходна правесці радыёвуглеродны аналіз, які можа пацвердзіць або абвергнуць здагадку, што існуюць у гістарыяграфіі. Па форме і стылістыцы роспісу, як першапачатковага манахромнага, так і пазнейшага паліхромнага, немагчыма аднесці коўш са збору НММ да вядомых у літаратуры тыпаў драўляных каўшоў. Да гэтага часу не выяўлены аналагі вывучаемага каўша. На наш погляд, версіі пра яго паходжанне з тэрыторыі Расіі не з’яўляюцца абгрунтаванымі. Мяркуем, што коўш мае мясцовае паходжанне, яго вырабілі на тэры-

торыі Беларусі, чым абумоўлены адметныя рысы формы, якія адлюстроўваюць уласную лакальную традыцыю, і асаблівасці роспісу.

Першапачатковы манахромны роспіс быў нанесены пры стварэнні каўша. Атрыбуцыя і семантыка дадзеных дванаццаці выяў з’яўляюцца асобнай і найбольш складанай праблемай, якую мы не разглядалі ў гэтым артыкуле. Другасны паліхромны роспіс унутранай і знешняй паверхні быў, як мяркуецца, створаны ў другой палове XVII – першай палове XVIII ст. Да пытанняў атрыбуцыі каўша са збору НММ, перш за ўсё, функцыянальнага прызначэння і семантыкі выяў першапачатковага роспісу, мы плануем звярнуцца ў наступнай публікацыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Vaiškūnas J. Did there exist the Baltic zodiac? In: Esteban C, Belmonte JA, editors. *Astronomy and cultural diversity*. Santa Cruz de Tenerife: Organismo Autónomo de Museos y Centros Cabildo de Tenerife; 2000. p. 319–325.
2. Віцязь С. Драўляны коўш – сярэдневяковы сакральны каляндар. *Археалагічны зборнік*. 2006;1:87–99.
3. Vaiškūnas J. Some peripheral forms of the Mediterranean and Oriental zodiac traditions in heathen Lithuania. *Archaeologia BALTICA*. 2008;10:86–93.
4. Vaiškūnas J. *Skaitant dangaus ženklus. Lietuviško Zodiako pėdsakais*. Vilnius: Dominicus Lituanus; 2012. 180 p.
5. Авілін Ц. *Паміж небам і зямлёй: этнаастрономія*. Мінск: Тэхналогія; 2015. 287 с.
6. Скварчэўскі Д. *Навука звяздарская: астрономія ў Вялікім Княстве Літоўскім у XIV – XVII ст.* Мінск: Будмедыяпраект; 2022. 199 с.
7. Бутов ИС. *Этюды об археоастрономии северо-запада Восточной Европы*. Москва: Вече; 2023. 288 с.
8. Vaitkevičienė D. *Žydinti taurė: baltų gėrimai ir apeigos*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas; 2019. 431 p.
9. Чавус СЭ. Коўш-браціна са збору Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь: паходжанне твора. *Роднае слова*. 2023;6:71–75.

Атрымана 22.01.2025 / прынята 21.08.2025.
Received 22.01.2025 / accepted 21.08.2025.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРИОДА ПРИНЦИПАТА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

И. А. ЕФРЕМЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проведен анализ историографического изучения одного из ключевых вопросов политической истории Римской империи. Более столетия историки спорят относительно того, как можно определить политическую систему Римской империи первых двух столетий нашей эры. Решение проблемы было тесно сопряжено с изменениями в методологических основах исторической науки, в подходе к изучению исторических источников. Во второй половине XIX и первой половине XX в. историки, руководствуясь прежде всего позитивистским подходом, дискутировали о сущности императорской власти в Римской империи в рамках бинарной оппозиции монархия – республика. Во второй половине XX в. в исторической науке появилось много новых подходов: теория практик, история понятий, постструктурализм, что, в свою очередь, открыло большие просторы в изучении политической истории Римской империи. Используя новые методы, историки начали изучать практики принятия политических решений в империи, символическую сторону политики, язык и многие другие явления, прежде остававшиеся в тени. В результате споров о природе системы принципата (монархической или республиканской) историки пришли к пониманию того, что принципат был специфически античной формой политической организации, не сводящейся к монархии или республике.

Ключевые слова: историография; Римская империя; Октавиан Август; император; принципат.

ВЫЗНАЧЭННЕ ПАЛІТЫЧНАЙ СІСТЭМЫ РЫМСКАЙ ІМПЕРЫІ ПЕРЫЯДУ ПРЫНЦЫПАТУ: ГІСТОРЫЯГРАФІЯ ПРАБЛЕМЫ

І. А. ЯФРЭМЕНКА^{1*}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Праведзены аналіз гістарыяграфічнага вывучэння аднаго з ключавых пытанняў палітычнай гісторыі Рымскай імперыі. Больш за стагоддзе гісторыкі спрачаюцца адносна таго, як можна вызначыць палітычную сістэму Рымскай імперыі першых двух стагоддзяў нашай эры. Рашэнне праблемы было цесна спалучана са зменамі ў метадалагічных асновах гістарычнай навукі, у падыходзе да вывучэння гістарычных крыніц. У другой палове XIX і першай палове XX ст. гісторыкі, кіруючыся перш за ўсё пазітывісцкім падыходам, дыскутавалі аб сутнасці імператарскай улады ў Рымскай імперыі ў рамках бінарнай апазіцыі манархія – рэспубліка. У другой палове XX ст. у гістарычнай навуцы з’явілася шмат новых падыходаў: тэорыя практык, гісторыя паняццяў, постструктуралізм, што, у сваю чаргу, адкрыла вялікія прасторы ў вывучэнні палітычнай гісторыі Рымскай імперыі. Выкарыстоўваючы новыя метады,

Образец цитирования:

Ефременко ИА. Определение политической системы Римской империи периода принципата: историография проблемы. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;4:52–58.
EDN: FGRDQY

For citation:

Efremenko IA. The definition of the political system of the Roman Empire during the principate period: historiography of the problem. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;4:52–58. Russian.
EDN: FGRDQY

Автор:

Иван Анатольевич Ефременко – старший преподаватель кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Ivan A. Efremenko, senior lecturer at the department of Russian history, faculty of history.
efremenkoivan1992@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7107-1365>

гісторыкі пачалі вывучаць практыкі прыняцця палітычных рашэнняў у імперыі, сімвалічны бок палітыкі, мову і мно-гія іншыя з'явы, якія раней заставаліся ў цені. У выніку спрэчак аб прыродзе сістэмы прыныцыпату (манархічнай ці рэспубліканскай) гісторыкі прыйшлі да разумення таго, што прыныцыпат быў спецыфічна антычнай формай палітычнай арганізацыі, якая не зводзіцца да манархіі ці рэспублікі.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; Рымская імперыя; Актавіян Аўгуст; імператар; прыныцыпат.

THE DEFINITION OF THE POLITICAL SYSTEM OF THE ROMAN EMPIRE DURING THE PRINCIPATE PERIOD: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

I. A. EFREMENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article analyses the historiographical study of one of the key issues in the political history of the Roman Empire. For over a century, historians have debated how to define the political system of the Roman Empire in the first two centuries AD. The solution to this problem was closely linked to changes in the methodological foundations of historical science and its approach to the study of historical sources. In the second half of the 19th and first half of the 20th centuries, historians, guided primarily by a positivistic approach, debated the essence of imperial power in the Roman Empire within the framework of the binary opposition between monarchy and republic. In the second half of the 20th century, many new approaches emerged in historical science: the theory of practices, the history of concepts, and poststructuralism, which, in turn, opened up vast expanses in the study of the political history of the Roman Empire. Using new methods, historians began to study the practices of political decision-making in the empire, the symbolic side of politics, language, and many other phenomena that had previously remained in the shadows. As a result of the debate about the nature of the principate system (monarchical or republican), historians came to the understanding that the principate was a specifically ancient form of political organisation, not reducible to a monarchy or a republic.

Keywords: historiography; Roman Empire; Octavian Augustus; emperor; principate.

Введение

Историография политической истории Римской империи периода принципата весьма обширна, она формировалась более 150 лет. Уже в начале систематического и научного изучения истории принципата произошло расхождение взглядов историков на вопрос определения политической системы империи в период с I по II в. н. э. Октавиан Август сохранил республиканские институты власти, существовавшие до его развития в Риме веками, «надстроив» над ними институт императорской власти. Кроме того, власть императоров была обязана своим укреплением и символическим авторитетом политическим, культурным и религиозным традициям. Сложность политической системы Римской империи вызывает дискуссии по вопросам происхождения и характера власти римских императоров. В связи с вышеобозначенной сложностью на разных этапах развития

историографии вопроса использовались различные методологии и подходы, которые, в свою очередь, приводили исследователей к разным выводам. Во второй половине XIX – начале XX в. господствовала позитивистская парадигма. Исследователи обращались прежде всего к изучению институтов власти, права, армии. На основе полученных данных историки определяли принципат либо как монархическую систему, либо как республиканскую систему с элементами монархии. Во второй половине XX в. зафиксированы изменения в области используемых историками методов. Появление в отмеченный период теории практик и методов постструктурализма обусловило пересмотр характера политической системы Римской империи, которая стала определяться как специфически античная и уникальная форма единовластия.

Результаты и их обсуждение

Первым сложилось «монархическое» направление в историографии Римской империи периода принципата. С точки зрения представителей данного направления власть императора по форме и характеру являлась монархической. Немецкий историк

конца XIX – начала XX в. Ю. Кэрст отстаивал концепцию, согласно которой власть римских императоров – это стадия развития античной монархии, сопоставимая с эллинистическими политическими системами [1, p. 118, 120–122]. Историк В. Гардтгаузен,

исследовав биографию первого императора и основателя системы принципата Октавиана Августа, предложил аргументы в пользу того, что император был монархическим правителем. По мнению автора, поскольку Октавиан Август воспитывался при дворе Цезаря, где были сильны монархические идеи, римский император не мог быть республиканцем [2, р. 92]. Более того, историк провел сопоставление между Октавианом Августом и своим современником Наполеоном III, указывая, что мировоззрение, а следовательно, политические практики управления этих властителей, являлось результатом влияния сложных антидемократичных эпох [2, р. 340]. Вместе с тем представители «монархического» направления утверждают, что римские императоры, начиная с Октавиана Августа, преобразовали политическую систему Римской империи, превратив ее из республиканской *civitas* (гражданской общины) в классическую монархическую систему, где монарх являлся обособленным от общества и стоящим над ним политическим актором, источником власти которого являлся уже не римский народ и сенат, а армия и божественные сферы [2, р. 381–382]. К представителям данного направления относятся также Ф. Б. Марш и Л. Р. Тейлор [3; 4]. Ф. Б. Марш полагал, что Римская империя периода принципата являлась очевидной монархией, а юридические нормы лишь маскировали ее под республику [3, р. 16]. Л. Р. Тейлор также настаивала на монархическом определении политической системы принципата, называя ее «монархией, которая рядилась в “катонизм”» (перевод наш. – И. Е.) [4, р. 180]. Вместе с тем в исследовательской оптике этого направления особое место занимал анализ бюрократического аппарата, который рассматривался как один из основных атрибутов, конституирующих монархию в Римской империи, так как полис или римская *civitas* – это государство без бюрократии, причем государство республиканское. Следовательно, если в эпоху республики не было бюрократии, а основная тяжесть управления ложилась на плечи выборных магистратов, то бюрократическая машина в таком случае выступала уже как элемент монархии. К приверженцам таких научных оценок можно отнести В. С. Сергеева. Он отмечает важную роль бюрократии и рассматривает основные этапы ее развития. Историк установил, что при императоре Клавдии в середине I в. н. э. в общих чертах создается бюрократическая система, которая берет свое начало от императора и идет вразрез с традиционными республиканскими магистратурами, а при Адриане бюрократия уже оформляется в аппарат, имеющий много сходств с современной гражданской властной системой, особенно в отношении порядка службы, иерархии и компетенции [5, с. 426, 512–513]. Еще один историк, придерживающийся подобной точки зрения, – С. И. Ковалев, в своем труде «История Рима» в части, посвященной исследованию исто-

рии Римской империи, был склонен отстаивать так называемую теорию фасада, согласно которой система принципата была монархической, а существование республиканских институтов было прикрытием монархических форм правления [6, с. 562–563]. Большое внимание изучению бюрократии в период принципата уделил и А. Л. Смышляев [7]. Он проследил эволюцию имперских канцелярских ведомств, сделав вывод о том, что к началу правления династии Северов главы канцелярий, входя в совет императора, решали важнейшие государственные дела, что позволяет квалифицировать, во всяком случае, поздний принципат как развитое бюрократическое государство [7, с. 108].

Между тем автором теории, согласно которой политическая система империи может быть определена как смешанная форма правления, стал один из основателей научной историографии по истории Древнего Рима Т. Моммзен [8]. Данная концепция конкурировала в историографии с «монархическим» направлением. Немецкий исследователь предлагает рассматривать политическую систему Римской империи как диархию. Под этим термином Моммзен подразумевал, что властные полномочия императора и традиционных республиканских институтов были совмещены в рамках римской политической системы. В частности, это касалось принцепса и сената, которые выступали двумя главными органами власти, что выражалось как непосредственно в области принятия политических решений, так и в области административного деления Римской империи на провинции императора и народа римского [8, с. 96]. Похожей позиции придерживался А. Х. М. Джонс, считавший, что власть Октавиана Августа носила монархический характер, однако принцепс вполне искренне пытался восстановить республику и многое сделал в этом направлении, особенно с точки зрения права [9]. Сходной позиции придерживался немецкий историк Х. Кастрициус, полагавший, что между принципатом и республикой имеется правовой континуитет [10].

Таким образом, в центре внимания историков конца XIX – первой половины XX в. находились институциональные и правовые стороны Римской империи периода принципата. Подобное положение определялось доминированием позитивистской парадигмы в исторической науке. Историки разделились на два основных противоборствующих направления – «монархическое» и «смешанное». Первые полагали, что характер власти римских императоров может быть определен как монархический, поскольку в I в. н. э. фиксируется появление и дальнейшее развитие бюрократического аппарата, разрушение римского гражданского коллектива, снижение роли сената и народных собраний. Им оппонировали представители «смешанного» направления, по мнению которых римское право периода принципата

являлось продолжением республиканского, римские императоры старались действовать в рамках республиканских политических должностей, придавая важное значение античным демократическим традициям. Между тем ни одно из представленных направлений нельзя назвать доминирующим. Историки, разделившись на два направления, вели спор около столетия. Консенсус в исторической науке был достигнут уже на следующем этапе развития историографии вопроса.

Изменения в способах интерпретации получаемых эмпирических данных в середине XX в., как и в целом смена парадигмы исследований, привели к появлению трудов несколько иного характера. Римская империя начала анализироваться с применением теоретических достижений различного рода направлений в историографии второй половины XX в., получивших название «Новая история», к которым относят теорию практик, историю идей, постструктурализм. Со второй половины XX в. подходы и методология исторической науки значительно обогатились. Одним из важных проявлений этого процесса стали междисциплинарность и общее направление на сближение со смежными научными дисциплинами (социологией, антропологией, психологией и др.), что, в свою очередь, серьезным образом повлияло на историков, занимавшихся политической историей Древнего Рима. Были смещены акценты с изучения римского права, истории политических институтов, биографий правителей в сторону исследований конкретных практик принятия политических решений, символической системы, ритуалов, повседневности и других аспектов политической жизни римлян, что позволило по-новому рассматривать историю Римской империи периода принципата, выйти за рамки прежних историографических споров.

Одним из самых ярких представителей этого направления, посвятивших свои исследования истории ранней Римской империи, был французский историк П. Вен [11]. Он, применяя теорию практик, продемонстрировал грани политической жизни Римской империи периода принципата на микроуровне. Исследователь уделил особое внимание восприятию гражданами римского законодательства, сходности практик почитания клиентом своего патрона и римских богов, социализации римского гражданина, выделив основные паттерны римской культуры. Проведя исследования в данных направлениях, П. Вен предлагает рассматривать императорскую власть как специфически римскую форму единоличного правления, основанную на социальных отношениях патрон – клиент [11, с. 133]. С точки зрения Вена, римский император являлся для жителей империи не столько монархом, сколько патроном и защитником общины [11, с. 137].

Сходную теорию выдвинул немецкий исследователь А. фон Премерштейн, считавший, что власть

римских императоров в своей основе имеет институт клиентелы [12, р. 63, 89]. Императоры выступали создателями партии, для которой сам принцепс был патроном, а их члены – его клиентами. Октавиан Август, придя к власти, опирался именно на свою партию, а подобные патрон-клиентские отношения постепенно были перенесены на всю римскую гражданскую общину [12, р. 63, 89]. На фундаментальную важность для политической системы Римской империи института патрона указывал и британский историк А. Уоллес-Хэдрилл [13].

Также необходимо выделить британского историка П. Брауна, исследовавшего период поздней античности, но уделившего значительное внимание и принципату [14]. П. Браун отводит первичную роль культуре и религии в анализе сущности Римской империи. На сходных концептуальных позициях стоит Э. Ремейдж, подчеркивающий важную роль культуры и религии в деле легитимации власти принцепсов [15]. Еще один британский историк – М. Грант – в своих работах уделил внимание политическим репрезентациям в эпоху Римской империи и отвел большую роль в укреплении власти принцепсов именно их символической политике [16; 17]. Историк настаивал на том, что римские императоры в правлении опирались более на *auctoritas* (личный авторитет провителя), чем на закон или политические институты вроде сената или комиций [17, р. 417, 421]. Необходимо также выделить современного британского историка М. Лавана, который использует в своих исследованиях постструктуралистский подход и подчеркивает особо важное значение языка и культуры для политической системы принципата [18]. К анализу государственно-правовой системы, применив современные методы, обратились немецкие историки Э. Флайг и Й. Бляйкен [19; 20]. Данные авторы выступили против прежних историографических заключений и предложили определять политическую систему периода принципата как специфически античную форму единовластия, не редуцируемую к монархии или республике.

Несколько особняком в концептуальном отношении находится британский исследователь Ф. Миллар [21]. Ученый, работавший в русле прагматического поворота в гуманитарных науках, выдвинул смелый проект по исследованию императорской власти в период принципата. Прагматический поворот предполагает, что основой для конституирования той или иной политической системы (и шире – социальной реальности) может служить исследование конкретных практик политического действия и принятия политических решений, а не законы и идеологии. Данный теоретический подход оказался чрезвычайно полезен и плодотворен для исследований сущности императорской должности в период принципата. Ф. Миллар начинает с утверждения о том, что император был тем, что он делал [21, р. 57]. И дальше на основании широкой массы источников британский историк выводит

картину монархической должности, которая между тем имела важную специфику. Ф. Миллар на основании деятельности императоров довольно убедительно показывает, что они были не столько реформаторами с «замашками» абсолютистских монархов периода раннего модерна, сколько специфически античными единовластными политическими акторами, главной обязанностью которых были выслушивание жалоб и решение конкретных проблем конкретных людей [21, р. 80–93, 99]. Этим вопросам императоры уделяли основное внимание. Между тем бюрократия в сущности по своему роду деятельности была не похожа на современную бюрократию или даже на бюрократию восточных держав того времени. Прокураторы, например, являлись скорее помощниками императора в его деле разбора жалоб и предложений, нежели администраторами, имеющими специальное образование и компетенции [21, р. 105]. Кроме того, Ф. Миллар ставит под сомнение и административные prerogatives императора. Традиционное деление империи на провинции римского народа и императора, видимо, имело место в законах, но в реальности в обоих видах провинций все тяготы управления ложились на плечи местных сенаторов – декурионов [21, р. 140, 144, 156–159, 196]. Фактически Римская империя представляла собой античную полисную империю, управляемую не через бюрократический аппарат, а через создание локальных полисов в провинциях империи, которым вверялась для управления вся округа. Иными словами, вместо административного бюрократического аппарата создавалась очень тонкая система, в рамках которой нижняя часть управления оставалась за республиканскими институтами, а высшей властной инстанцией выступал император, которому направлялись жалобы, предложения, почести. Данная работа Ф. Миллара является чрезвычайно ценной, поскольку показывает, в чем именно заключалась повседневная деятельность императора, какой была его роль в империи.

Таким образом, историки сместили акцент с вопроса «Чем был принципат юридически и институционально?» на вопрос «Как он функционировал на практике?». Это два разных вопроса, и ответ на второй вопрос во многом делает бессмысленными споры насчет первого, так как принципат оказывается специфической античной политической системой, попросту не укладывающейся в рамки прежних объяснительных моделей. На современном этапе развития историографии вопроса именно такая точка зрения является господствующей.

В русскоязычном сегменте историографии, посвященной политической и социальной истории Римской империи эпохи принципата (помимо названных выше В. С. Сергеева и С. И. Ковалева) второй половины XX в., необходимо выделить таких исследователей, как Н. А. Машкин, Е. М. Штаерман и А. Б. Егоров [22–24]. Данные историки подходили к анализу политической системы принципата с точ-

ки зрения формационного подхода. В рамках марксистской парадигмы особое значение придается экономической системе исторических обществ. В связи с этим советские историки обратились прежде всего к анализу социально-экономической составляющей Римской империи периода принципата. Н. А. Машкин в своей монографии рассмотрел преобразования, осуществленные Октавианом Августом, и дальнейшее развитие политической системы принципата. С его точки зрения, рождение новой политической системы при императоре Октавиане Августе было реакцией на выступления рабов [22, с. 417]. Концентрация власти в руках сильного военного лидера, консолидация вокруг его фигуры сената и патрициев, введение нового законодательства выступили, таким образом, новой, более эффективной формой контроля над рабами и беднейшими слоями населения, чем прежняя [22, с. 605]. Основное внимание социальной проблематике в контексте изучения политической системы периода принципата уделила и Е. М. Штаерман, проводящая исследования в русле советской историографической традиции. Е. М. Штаерман видела основную причину краха Римской республики в полном упадке крестьянского землевладения и переносе основы экономики на крупные латифундии, где трудились рабы [23, с. 92]. Таким образом, империя представлялась политическим ответом на изменившиеся социально-экономические реалии. С. Б. Егоров в своей монографии (2017) дал глубокий анализ основных институтов империи и их динамики, аккумулировав и подытожив все свои прежние исследования. С его точки зрения, экстраординарное положение Октавиана Августа в политической системе империи генетически восходит еще к республиканской эпохе и в особенности к народным трибунам, которые еще во второй половине II в. до н. э. превышали конституционные полномочия [24, с. 49]. Далее С. Б. Егоров последовательно анализирует институты сената, комиций, магистратур, особо важное значение уделяя правовой стороне принципата. С его точки зрения, *de jure* принцепс (титул императора в Римской империи) был республиканским высшим магистратом, вобравшим в себя полномочия главы и члена многих магистерских коллегий, что сделало римского императора монархом. В целом для С. Б. Егорова свойственен взгляд на принципат с точки зрения теории фасада [24, с. 170–171]. Вместе с тем для советской историографии был характерен повышенный интерес к вопросам сущности власти в Древнем Риме. В этом отношении примечательна дискуссия, развернувшаяся между антиковедами из разных стран по инициативе Е. М. Штаерман на страницах журнала «Вестник Древней истории» в 1989–1991 гг. Например, по данной теме свои статьи опубликовали Л. Капогресси-Колоньези, Р. Гюнтер, Е. М. Штаерман и мн. др.

Из современных историков, занимающихся политической и социальной историей Римской империи,

необходимо отметить К. В. Вержбицкого, Н. В. Чеканову, Я. Ю. Межерицкого и В. С. Парфенова [25–28]. Так, К. В. Вержбицкий исследует вопросы оппозиции и политических конфликтов в период правления династии Юлиев-Клавдиев, акцентируя внимание на правовом аспекте. В частности, важное значение данный историк придает закону об оскорблении императорского величия, подчеркивая, что его правоприменение говорит о сущности власти императоров как о деспотической и монархической. Таким образом, К. В. Вержбицкий придерживается монархической теории в спорах о сущности принципата, по крайней мере, если речь идет о династии Юлиев-Клавдиев. Н. В. Чеканова провела исследования изменений института диктатуры в течение I в. до н. э. в контексте социальных и политических трансформаций, которые в конечном итоге привели к созданию системы принципата. Результатом этой работы стала книга «Римская диктатура последнего века республики», в которой автор провел системный анализ кризиса Римской республики, а также убедительно показал обесценивание многих республиканских магистратур, в том числе и диктаторской [26, с. 157]. Н. В. Чеканова видит прообраз сущности императорской власти во втором триумvirате, в рамках которого триумвиры получили широкий (особенно в территориальном значении) проконсульский империй, делавший триумвиров по сути монархами [26, с. 461]. В своем анализе Н. В. Чеканова склоняется к признанию принципата монархией. Интересный взгляд на принципат предложил Я. Ю. Межерицкий. Российский историк рассматривает Римскую империю периода принципата как своего рода двойственную политическую систему, однако сочетающую в себе монархию и республику не в классическом историографическом смысле, а в специфическом римском смысле. С одной стороны, в Риме и Италии была введена цicerоновская новая смешанная конституция, уходящая корнями в римские общинные традиции прямой демократии. С другой стороны, над провинциями был установлен единоличный контроль со стороны Октавиана

Августа. По мнению Я. Ю. Межерицкого, таким образом можно говорить о двоевластии, однако обе эти власти находились в руках одного человека [27, с. 821–822]. Необходимо также отметить, что в своей работе российский историк особое внимание уделяет именно символической и идеологической стороне принципата, что, принимая во внимание основные выводы монографии, позволяет отнести его концепцию к контексту современного историографического консенсуса, рассматривающего римскую политическую систему I и II вв. н. э. как специфически античную и комплексную. Необходимо выделить и монографию В. С. Парфенова. На первый план своего исследования В. С. Парфенов помещает рассмотрение армии и ее политической роли при Октавиане Августе. По мнению российского историка, Октавиан Август пытался контролировать политическое могущество армии в долгих завоеваниях, однако данная программа потерпела крах, из-за чего армия не была удалена из «большой политики» и продолжала выступать одним из ключевых политических акторов в период принципата [28, с. 212]. Монография В. С. Парфенова ценна прежде всего тем, что автор глубоко проанализировал роль армии в политической системе принципата и показал ее важнейшее значение.

Стоит также отметить работы белорусского историка С. В. Телепена, исследующего в своих трудах военное лидерство в Древнем Риме, в том числе в политическом аспекте, а также социальные структуры римской армии [29, с. 131–132]. Исследователь отмечает особую роль армии в политической борьбе еще со времен поздней республики, подчеркивая влияние легионов в электоральной борьбе [29, с. 17]. Более того, С. В. Телепень обоснованно выделяет армию в качестве одной из важнейших социальных основ власти принцепсов периода принципата, замечая, что «служение императору, таким образом, в глазах войска означало служение Риму, а военное лидерство императоров представало атрибутом верховной политической власти, чем оно, по сути, и являлось» [29, с. 42].

Заключение

Историки второй половины XX – начала XXI в., изучавшие политическую историю Римской империи, внедрив в историческую науку новые методы, дали и новую трактовку римской политической системы периода принципата. Среди этих новых методов были теория практик (в рамках прагматического поворота), постструктурализм, история понятий. Благодаря трудам современных историков имперская система Рима первых двух веков начала рассматриваться как специфически античная форма единовластия, которая имеет ряд важнейших отличий от эллинистических монархий и тем более позднейших монархических систем. Эта тенденция в исторической науке, идущая за прагматическим поворотом в исто-

риографии, позволяет избавиться от классических историографических рамок, представленных бинарной оппозицией монархия – республика, и взглянуть на сущность принципата как более комплексной античной политической организации. Фактически современная историография деконструировала прежние историографические представления. Таким образом, на современном этапе принципат представляется сложной специфически античной политической системой, сочетающей в себе разные формы правления и скрепленной сложной структурой социальных, символических и практических отношений. Во-первых, это дает нам убедительный пример того, как историческая наука, произведя смену парадигм,

способна понять тупиковость прежних представлений об изучаемых проблемах и приблизиться к их истинному пониманию. По существу историография по конкретному вопросу в антиковедении об определении политической системы периода принципата является зеркалом общей эволюции исторической науки, сходные явления можно наблюдать и в других ее областях. Эволюция методов и подходов выступает одной из важнейших и перспективных тем, именно они позволяют правильно поставить вопросы и правильно на них ответить. Во-вторых, историография второй половины XX – начала XXI в. показывает, что политические системы обществ до индустриальной революции существенно сложнее, чем было принято считать ранее, и их типизация нуждается в доработке. Политическая система Римской империи не редуцируется к традиционным монархии или республике, а представляет собой полисную систему единовластия. Кроме того, представляется очень перспективным дальнейший пересмотр собственно имперской системы принципата, т. е. механизмов управления провинциями и покоренными народами.

Римская империя и здесь имеет ряд фундаментальных отличий от других традиционных империй (например, эллинистических монархий или Персидской империи), на что обращали внимание многие историки, однако по-прежнему этот аспект политической истории Римской империи нуждается в подробном изучении и переосмыслении. Применение новых методов исторической науки в данном направлении исследований, так же как и в случае с изучением формы и характера императорской власти, позволит существенно уточнить понимание феноменов античной монархии и империи. Именно этот вопрос на данный момент является наиболее актуальным и имеющим перспективы для изучения. Таким образом, современная историография истории Римской империи периода принципата находится в контексте таких актуальных в исторической науке парадигм, как теория практик, история понятий, постструктурализм. Это обстоятельство позволяет глубже и точнее анализировать такое сложное явление, как политическая система Римской империи, и получить при этом полные и убедительные выводы.

Библиографические ссылки

1. Kaerst J. *Geschichte der antiken Monarchie die Stoa und der Prinzipat*. Berlin: N. Jahrb. für Wissensch. und Jugendbildung; 1929. 600 p.
2. Gardthausen V. *Augustus zeit*. Leipzig: B. G. Teubner; 1891. 1333 p.
3. Marsh FB. *The reign of Tiberius*. London: Oxford University Press; 1931. 336 p.
4. Taylor LR. *Party politics in the age of Caesar*. Berkeley: University of California Press; 1968. 255 p.
5. Сергеев ВС. *Очерки по истории древнего Рима*. Москва: Государственное социально-экономическое издательство; 1938. 832 с.
6. Ковалев СИ. *История Рима*. Фролов ЭД, редактор. Ленинград: Ленинградский университет; 1986. 744 с.
7. Смышляев АЛ. Всадники во главе ведомств императорской канцелярии во II – начале III в. н. э. *Вестник древней истории*. 1981;3:91–108.
8. Моммзен Т. *История римских императоров*. Орестова ТА, переводчик. Санкт-Петербург: Ювента; 2002. 628 с.
9. Jones AHM. *Studies in Roman government and law*. London: Basil Blackwell; 1960. 243 p.
10. Castritius H. *Der römische Prinzipat als Republik*. Husum: Mattheisen; 1982. 120 p. (Matthiesen Verlag).
11. Вейн П. *История частной жизни. От Римской империи до начала второго тысячелетия*. Пятницына ТА, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2017. 800 с. (Культура повседневности).
12. von Premerstein AR. *Vom Werden und Wesen des Prinzipats*. Munich: Beck; 1964. 290 p.
13. Wallace-Hadrill A. *Patronage in Roman society: from republic to empire*. London: Routledge; 1989. 264 p.
14. Браун П. *Мир поздней античности*. Воронцов СА, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2024. 256 с.
15. Ramage E. *The nature and purpose of Augustus res gestae*. Stuttgart: Steiner; 1987. 168 p.
16. Грант М. *Двенадцать Цезарей*. Мишин ДВ, переводчик. Москва: Терра – книжный клуб; 1998. 272 с.
17. Grant M. *From imperium to auctoritas. A historical study of the aes coinage in the Roman Empire 49 B. C. – 14 A. D.* Cambridge: Cambridge University Press; 1946. 610 p.
18. Lavan M. *Slaves to Rome. Paradigms of empire in Roman culture*. Cambridge: Cambridge University Press; 2013. 288 p.
19. Flaig E. *Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich*. Frankfurt: Campus verlag; 1992. 568 p.
20. Bleicken J. *Prinzipat und Republik. Überlegungen zum Charakter des römischen Kaisertums*. Stuttgart: Steiner; 1991. 437 p.
21. Millar F. *The emperor in the Roman world (31 BC – AD 337)*. London: Duckworth; 1977. 657 p.
22. Машкин НА. *Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность*. Москва: Академия наук СССР; 1949. 685 с.
23. Штаерман ЕМ. *История крестьянства в Древнем Риме*. Москва: Наука; 1996. 200 с. EDN: UAKUUT.
24. Егоров АБ. *Рим: от республики к империи*. Санкт-Петербург: Наука; 2017. 311 с. EDN: IMHDKV.
25. Вержбицкий КВ. *Развитие системы принципата при императоре Тиберии (14–37 гг. н. э.)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2002. 258 с.
26. Чеканова НВ. *Римская диктатура последнего века республики*. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия; 2005. 475 с. EDN: QBPBON.
27. Межеричский ЯЮ. *«Восстановленная республика» императора Августа*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке; 2016. 992 с.
28. Парфенов ВН. *Император Цезарь Август: армия, война, политика*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001. 279 с. EDN: SUQLRR.
29. Теплень СВ. *Полководец и его солдаты (период принципата). Военное лидерство в Древнем Риме*. Мозырь: Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина; 2020. 196 с.

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Михаил Семенович
КОРЗУН

Міхаіл Сямёнавіч
КОРЗУН

Mikhail Semenovich
KORZUN

Доктору исторических наук, профессору кафедры истории древнего мира и средних веков Михаилу Семеновичу Корзуну 10 августа 2025 г. исполнилось 90 лет. Он получил признание как исследователь истории Древней Греции и Русской православной церкви, один из авторов первых белорусских учебных пособий по античной истории, участник подготовки школьных учебников и учебно-методических комплексов, а также как педагог, проработавший на историческом факультете БГУ много десятилетий.

М. С. Корзун родился в д. Мышковичи Кировского района Могилёвской области в семье учителей. Как он отмечал сам, детство прошло «...в атмосфере общинного быта, который был лишь немного изменен колхозным коллективизмом, но не ликвидирован. Общинные отношения всегда обеспечивали жителям выживание»¹.

После окончания семилетней школы в родном селе и средней школы в районном центре Михаил Семенович решил поступать на исторический факультет БГУ. Существенное значение имел материальный фактор. Профессор вспоминал: «Две трети абитуриентов исторического факультета БГУ 1952/53 учебного года составляли сельчане. Их родители платили за обучение в 8–10-х классах и в течение трех семестров в БГУ. Дети учителей освобождались от оплаты. Только позднее было введено бесплатное обучение и для сельских граждан СССР. Оно содействовало положительному имиджу учителя на селе»². В 1957 г. М. С. Корзун окончил обучение на историческом факультете БГУ. Начались трудовые будни: сначала в качестве учителя Подсельской школы Кировского района, а потом в качестве ее директора.

¹Корзун М. С. «Крестовый король» белорусской историографии // К 100-летию со дня рождения / Г. М. Лившиц. Минск : БГУ, 2009. С. 168 (Память и слава).

²Там же.

Способного студента, которому в свое время предлагали поступать в аспирантуру, не забыли на историческом факультете. Так, с Михаилом Семеновичем произошел курьезный случай: «...через пять лет работы в сельской школе вспомнился совет Федора Макарьевича Нечая поступать в аспирантуру. И вот я иду на кафедру, когда мне навстречу случайно вышел декан Петр Захарович Савочкин. Пять лет прошло, пять лет выпускник ничем не напоминал о себе, но Петр Захарович сразу спросил: “А вы, Корзун, что у нас делаете?” Вспомнил фамилию, как будто расстались вчера после выпускного вечера на фабрике-кухне»³. Тогда кафедра древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ активно развивала научные связи со многими кафедрами такого же профиля при учебных заведениях СССР. Для прохождения аспирантуры Михаил Семенович выбрал Ленинградский государственный университет. Важным для него являлся факт того, что там прошли успешную подготовку и начали преподавательскую деятельность нумизмат В. Н. Рябцевич и хеттолог Г. И. Довгяло. Профессор Г. М. Лившиц подготовил рекомендательное письмо будущему научному руководителю М. С. Корзуна – яркому эллинисту, профессору К. М. Колобовой, выразив надежду на завершение диссертации за три года. Однако, по словам Михаила Семеновича, реальность оказалась значительно сложнее: «Научный руководитель сориентировал меня по-другому. Ксения Михайловна сразу выяснила слабое знание латинского и незнание древнегреческого и посоветовала работать не менее 10 часов в сутки, но не ставить сверхзадачу, которая может подорвать и физические, и моральные силы: за три года диссертацию по истории Греции нельзя написать»⁴. Несмотря на наличие трудностей, в 1972 г. диссертация была успешно защищена и вскоре издана отдельной монографией⁵.

Тем не менее Михаилу Семеновичу пришлось отойти от античной проблематики на время. По предложению Г. М. Лившица на кафедре была открыта специализация по истории религии. Разработку и проведение спецсеминара «Русское православие» поручили доценту М. С. Корзуну.

Отвлечение от античности было недолгим. Ученый вспоминал: «В 1973 г. Г. М. Лившиц издал монографию “Свободомыслие и атеизм в древности и средние века” и защитил ее в качестве докторской диссертации по философским наукам. Предложение написать рецензию на монографию было принято мною с радостью. У меня как раз была временная передышка после защиты кандидатской диссертации по теме социально-политической борьбы в Афинах в предвоенные годы и в ходе первого шестилетия Пе-

лопоннесской войны. Глобальная постановка проблемы в монографии Гилера Марковича и переключки с собственной тематикой привлекли меня для составления рецензии. Например, Г. М. Лившиц не дал ответа на вопрос, как приверженцы софистов обосновывали свое политическое разделение на сторонников рабовладельческой демократии и олигархии. Поэтому мне пришлось ограничиться тем, что Гилер Маркович побудил меня искать ответ. Профессор сокрушался, что допустил ошибки: особенностью элевсинского культа Деметры был допуск рабов к обрядам, Антифонт был связан с рабовладельческой демократией, а Критий – с аристократией»⁶.

В 1993 г. М. С. Корзун подготовил первое белорусское учебное пособие по истории Древней Греции (на белорусском языке). Также он был соавтором школьных учебников по истории древнего мира для 5-го класса. По инициативе ученого в 1995 г. в издательстве «Беларусь» было переиздано собрание биографий «Избранные жизнеописания» Плутарха. Образцом послужила публикация С. Я. Лурье 1941 г. Михаил Семенович предложил принципиально новый подход к структурированию материала: биографии публиковались не парами (греческая и римская биографии), а отдельно, что позволило более целостно представить особенности древнегреческой биографической традиции. Профессор осуществил фундаментальную научно-редакторскую работу, снабдив обширными авторскими комментариями часть тома о Греции и подготовив издание к печати.

Значительным вкладом М. С. Корзуна в изучение античности стали его работы, посвященные исследованию проблемы самоидентификации древних греков и понятия «эллин». Ученый раскрыл сложный процесс формирования этнического самосознания и религиозной идентичности в древнегреческом обществе, показав, как понятие «эллин» эволюционировало от обозначения племенной принадлежности к обозначению общегреческой идентичности.

Михаил Семенович, кроме антиковедения, исследовал историю Русской православной церкви, тем самым он продолжил традицию изучения православного религиоведения, заложенную академиком АН БССР В. Н. Перцевым на кафедре истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ. Результатом этой кропотливой работы стали монографии «Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов: X в. – 1917 г.» (1984) и «Русская православная церковь, 1917–1945 годы» (1985). Г. М. Лившиц успел написать рецензию на первую монографию, но книга вышла после его смерти. В 1996 г. М. С. Корзун защитил докторскую диссертацию по истории Русской православной

³Корзун М. С. «Крестовый король»... С. 170.

⁴Там же. С. 170–171.

⁵Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444–425 гг. до нашей эры. Минск : Изд-во БГУ, 1975. 160 с.

⁶Корзун М. С. «Крестовый король»... С. 171–172.

церкви. Это событие стало итогом его многолетней целенаправленной научной деятельности, глубоких исследований в данной области, осмысления значения православия в широком историческом и социальном контексте и подтвердило статус Михаила Семеновича как одного из ведущих специалистов по истории Русской православной церкви в Беларуси.

В последующие годы ученый сочетал преподавание курсов по античной истории и по истории православия: он читал общий курс по античной истории, авторский спецкурс «Религиозно-социальные концепции в истории Древней Греции» и спецкурс по истории Русской православной церкви. М. С. Корзун внес существенный вклад в изучение социальной доктрины Русской православной церкви, исследовав эволюцию церковно-государственных отношений и развитие социальной концепции православия в разные исторические периоды. Для систематизации результатов работы и их адаптации под образовательные нужды в 2009 г. Михаил Семенович подготовил учебно-методический комплекс «История Русской православной церкви (X век – 2000 год)», включавший программу курса, конспект лекций и хрестоматию.

Научная биография профессора отражает эволюцию белорусской исторической науки второй половины XX – начала XXI в. Проведение исследований в области античной истории и истории Русской православной церкви, участие в подготовке учебников и учебно-методических материалов, осуществление многолетней педагогической работы на историческом факультете БГУ сделали его имя хорошо известным как среди ученых, так и среди студентов. Заняв особое место в истории факультета, М. С. Корзун продолжал антиковедческие и религиоведческие традиции, заложенные его учителями, и сумел придать им новое звучание, расширить исследовательский потенциал.

Профессорско-преподавательский состав кафедры истории древнего мира и средних веков и коллеги исторического факультета сердечно поздравляют Михаила Семеновича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, семейного благополучия и дальнейших лет жизни, наполненных спокойствием и признанием заслуженных трудов!

Н. В. Кошелева⁷, И. О. Евтухов⁸, А. А. Прохоров⁹

⁷Наталья Владимировна Кошелева – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Наталля Уладзіміраўна Кошалева – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Natalia V. Kosheleva, PhD (history), docent; head of the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: koshel@bsu.by

⁸Игорь Орестович Евтухов – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Ігар Арэставіч Еўтухоў – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Ihar A. Yeutukhou, doctor of science (history), full professor; professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: ewtuhov@tut.by

⁹Андрей Аркадьевич Прохоров – кандидат исторических наук, доцент; профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Андрэй Аркадзьевіч Прохараў – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; прафесар кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Andrei A. Prokhorov, PhD (history), docent; professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: andrei_prokhorov@mail.ru

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АНАТАЦЫІ ДЭПАЊІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 930:004(075.8)

Приборович А. А. Историческая информатика : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0222-01 «История» / А. А. Приборович ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 109 с. : ил. Библиогр.: с. 108–109. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/336474>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.10.2025, № 012428102025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Историческая информатика» предназначен для студентов специальности 6-05-0222-01 «История». Содержание ЭУМК содействует изучению вопросов согласно учебной программе по учебной дисциплине «Историческая информатика». ЭУМК способствует формированию системы знаний по теоретическим и прикладным основам создания и использования компьютерных технологий в исторической науке и области преподавания исторических дисциплин, а также овладению практическими навыками их использования в качестве инструмента для решения исследовательских и образовательных задач. ЭУМК включает теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний и вспомогательный раздел.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Темушев С. Н.</i> Трансформация древнерусского наследия в сфере государственной власти и управления в Великом княжестве Литовском.....	5
---	---

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Якаб Ф.</i> Малая Антанта: проблемы, противоречия и крах чехословацко-югославско-румынского альянса (1920–1938).....	15
<i>Ураков Д. Ж., Шоназаров Ш. Б.</i> Каршинская волость и каршинцы в составе Башкирии в XVIII в.	25
<i>Минасян Э. Г., Тунян В. Г., Меньковский В. И., Оганнисян М. В., Минасян А. Э.</i> Восточный вопрос в 1812–1842 гг.	33
<i>Скворчевский Д. В., Бутов И. С.</i> Деревянный ковш из коллекции Национального художественного музея Республики Беларусь: к вопросу об атрибуции.....	41
<i>Ефременко И. А.</i> Определение политической системы Римской империи периода принципата: историография проблемы.....	52

ЮБИЛЕИ

Михаил Семенович Корзун.....	59
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	62

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Цемушаў С. М.</i> Трансфармацыя старажытнарускай спадчыны ў сферы дзяржаўнай улады і кіравання ў Вялікім Княстве Літоўскім.....	5
--	---

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Якаб Ф.</i> Малая Антанта: праблемы, супярэчнасці і крах чэхаславацка-югаслаўска-румынскага альянсу (1920–1938).....	15
<i>Уракаў Д. Ж., Шаназараў Ш. Б.</i> Каршынская воласць і каршынцы ў складзе Башкірыі ў XVIII ст.	25
<i>Мінасян Э. Г., Тунян В. Г., Менькоўскі В. І., Аганісян М. В., Мінасян А. Э.</i> Усходняе пытанне ў 1812–1842 гг. ...	33
<i>Скварчэўскі Д. В., Бутаў І. С.</i> Драўляны коўш са збору Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь: да пытання аб атрыбуцыі.....	41
<i>Яфрэменка І. А.</i> Вывядзенне палітычнай сістэмы Рымскай імперыі перыяду прынцыпату: гісторыяграфія праблемы.....	52

ЮБІЛЕІ

Міхаіл Сямёнавіч Корзун.....	59
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	62

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

<i>Tsemushau S. N.</i> Transformation of the Old Russian heritage in the sphere of state authority and administration in the Grand Duchy of Lithuania.....	5
--	---

WORLD HISTORY

<i>Jakab F.</i> The Little Entente: problems, contradictions and the failure of the Czechoslovakian-Yugoslavian-Romanian alliance (1920–1938)	15
<i>Urakov D. Z., Shonazarov Sh. B.</i> Karshin volost and Karshin people in Bashkiria in the 18 th century.....	25
<i>Minasyan E. G., Tunyan V. G., Menkouski V. I., Hovhannisyan M. V., Minasyan A. E.</i> The Eastern question in 1812–1842.....	33
<i>Skvarcheuski D. V., Butov I. S.</i> Wooden ladle from the collection of the National Art Museum of the Republic of Belarus: to the discussion about attribution.....	41
<i>Efremenko I. A.</i> The definition of the political system of the Roman Empire during the principate period: historiography of the problem.....	52

JUBILEES

Mikhail Semenovitch Korzun.....	59
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	62

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 4. 2025**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 4. 2025**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *М. Д. Баранова, С. Р. Пинчук, А. С. Люкевич*
Технический редактор *М. А. Панкратова*
Корректоры *В. И. Авчинникова, С. Р. Пинчук,*
М. Д. Баранова, А. С. Люкевич

Подписано в печать 31.10.2025.
Тираж 25 экз.

© БГУ, 2025

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 4. 2025**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *M. D. Baranova, S. R. Pinchuk, A. S. Lyukevich*
Technical editor *M. A. Pankratova*
Proofreaders *V. I. Auchynnikava, S. R. Pinchuk,*
M. D. Baranova, A. S. Lyukevich

Signed print 31.10.2025.
Edition 25 copies.

© BSU, 2025